

БЕЛЕВИЧ

НЕСКОЛЬКО КАРТИН

из

КАВК. ВОЙНЫ...

Δ

415
—
51

892

112-2-791

КАРТИНЪ

ИЗЪ

КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

И

НРАВОВЪ ГОРЦЕВЪ.

СОЧИНЕНІЕ

К. БЪЛЕВИЧА.

1897 г.

С.-Петербургъ.

Типографія Кюгельгенъ и Ко., Англійскій проспектъ 28.

1910.

1 корнѣ.

△ 45
51

112-2-14

892

БЖ 7

Б431 нк

НѢСКОЛЬКО

КАРТИНЪ

ИЗЪ

КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

И

НРАВОВЪ ГОРЦЕВЪ.

СОЧИНЕНІЕ

К. БѢЛЕВИЧА.

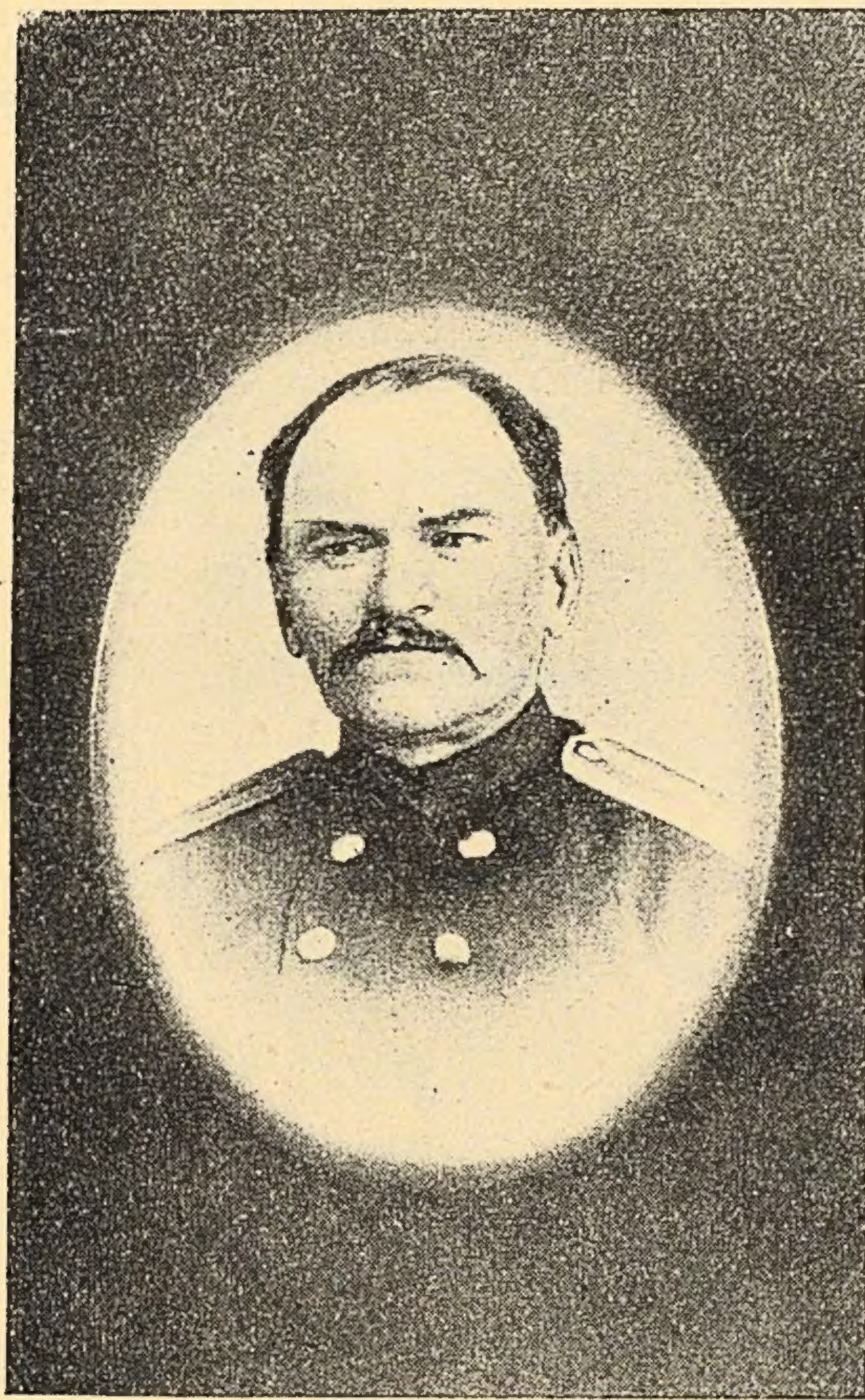
С.-Петербургъ.

Типографія Кюгельгенъ и Ко., Англійскій проспектъ 28.

1910.

К. П. Бѣлевичъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ . изданную мною книгу вошли статьи и стихи, которые не были напечатаны при жизни умершаго моего мужа, Константина Павловича Бѣлевича.

Издавая эту книгу, я преслѣдовала, главнымъ образомъ, одну цѣль — почтить память К. П. Бѣлевича, который, будучи на военной службѣ, зорко слѣдилъ за современной ему литературой.

Военная служба, связанная съ разнаго рода опасностями и приключеніями, вдохновляла перо К. П. Бѣлевича. Его статьи написаны большею частью на военные сюжеты, вслѣдствіи чего представлятъ, по всей вѣроятности, для простого читателя совершенно своеобразный интересъ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Константи́нъ Павловичъ Бѣлевичъ родился 10 Мая 1825 г. въ селѣ Козацкаго, Подольской губ., близъ уѣзднаго города Балты, въ имѣніи отца своего, Павла Андреевича Бѣлевича, который принадлежалъ къ роду, занимавшему въ Подольской губерніи весьма почетное положеніе. Вскорѣ послѣ смерти отца, К. П. Бѣлевичъ, былъ помѣщенъ на средства своего дяди, Дмитрія Андреевича Бѣлевича, въ Полтавскую гимназію, по окончаніи курса въ которой онъ поступилъ въ Кіевскій Университетъ.

Въ Университетѣ К. П. Бѣлевичъ остался не долго. По разнымъ домашнимъ обстоятельствамъ долженъ былъ поступить на военную службу, которую онъ началъ въ легкой батарее 3-артиллерійской бригады. Но вскорѣ К. Бѣлевичъ былъ переведенъ на Кавказъ въ Тенгинскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича полкъ, въ которомъ онъ и провелъ лучшую пору своей жизни. Въ 1877 году К. П. Бѣлевичъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ будучи причисленъ къ Ленкоранскому полку, находившемуся подъ Батумомъ. Въ 1878 году К. П. Бѣлевичъ вышелъ въ отставку съ производствомъ въ чинъ Полковника, а 11 Февраля 1890 года скончался въ г. Пятигорскѣ отъ хроническаго воспаленія легкихъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	стр.
Чеченецъ Берсанъ	1
Смерть поручика Пшапара	21
Лезгинъ Алли	29
Дагестанка Буба	29
Памятникъ	45
Воспоминаніе	46
Просьба	47
Случай	49
Алмазъ	50
Посылка	51
Валерикъ, Гехи и Асса	52
На смерть товарища	54
Александръ Великій	55
Вторая Имперія	57
Квирики	59
Пѣсня	66
На Валерикъ	66
Святое видѣніе	71
Пророкъ	74
Споръ	75
Молва	78
На годовщину смерти М. Д. Скобелева къ славянамъ	81
Изъ поэмы „Отблески Воспоминаній“	82
Ночные полеты умершаго героя	95
Пожеланіе	102
Въ день именинъ	103
Набѣгъ	113
Оборона Черноморскихъ береговыхъ укрѣпленій	121
Смотръ	140
Сухарная экспедиція	143
Кахетія въ 1854 г.	150
Кое что о службѣ и смерти на Кавказѣ Марлинскаго и Лер- монтова	184
Бѣдствіе въ Туркменской пустынѣ	198
Воспоминанія о Чечнѣ	205
Открытіе памятника	226
Не святочный рассказъ	234
Письма къ разнымъ лицамъ	258

Чеченецъ Берсанъ.

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ПРАВОВЪ ГОРЦЕВЪ

Берсанъ не старъ, но и не молодъ;
Убійства — подвиги въ горахъ,
Огонь страстей и сердца холодъ
Въ его написаны чертахъ.
Его семейство небольшое:
Жена Сафья и братъ Баталль;
Его наслѣдство дорогое =
Винтовка, пашка и кинжалъ.
Онъ былъ небѣденъ, небогаты,
По волѣ случая иль рока,
Онъ только годъ другой женаты.
Жена лезгинка издалека,
Какъ пери рѣдкой красоты,
Какой мы чудныя черты
Встрѣчаемъ иногда въ поѣмахъ,
Цѣня, какъ вздоръ, въ стихахъ рассказъ
Хотя красавецъ всѣхъ въ гаремахъ
Всегда былъ родиной Кавказъ.
Подъ бѣлою Сафьи чадрую,
Искусной сплетена рукою,
Вокругъ лилейнаго лица
Коса свивалась въ два кольца,
Какъ ночь черна и отѣняла
Лицо бѣлѣе покрывала.

Изъ-подъ ея густыхъ рѣсницъ
 Сверкаль огонь, какъ свѣтъ зарницъ,
 Огонь, что такъ у дѣвъ Кавказа,
 Какъ грань безцѣннаго алмаза,
 Блестящъ, — что такъ палящъ и жгучъ,
 Какъ въ жаръ полдневный знойный лучъ.
 А станъ Сафьи и образъ нѣжный,
 И формы груди бѣлоснѣжной
 Достойны были бы рѣзца
 Скульптуры древняго отца.

II.

Казалось счастливъ былъ Берсанъ
 Съ тѣхъ поръ какъ стройный, чудный станъ
 Лезгинки юной и прекрасной,
 Теперь рабы ему подвластной,
 Имѣлъ онъ право обнимать
 И окружающимъ сказать:
 Кто обладалъ еще такою
 Въ Чечнѣ красавицей женою!
 Но счастлива ль Сафья была,
 Женою сдѣлавшись Берсана
 Въ шестнадцать лѣтъ? Изъ Дагестана,
 Гдѣ родилась и расцвѣла,
 Какъ лилія подъ небомъ юга,
 Взята въ замужество она,
 И вмѣстѣ съ ней ея подруга,
 Взята Сафгатъ, Варры жена...
 Одна Сафгатъ лишь только знала,
 Что руки бѣлыя ломала
 И горько плакала Сафья,
 Когда шла замужъ за Берсана;
 Что два съ насѣчкою ружья,

Монетой сорокъ два тумана ¹⁾
 И весь подъ серебромъ кинжалъ
 Онъ за нее въ калымъ отдалъ.
 Идя столь юной за Берсана,
 Быть можетъ, плакала Сафья
 О синемъ небѣ Дагестана
 Иль лонѣ свѣтлаго ручья.
 Мужья, что въ сорокъ лѣтъ женаты,
 Что жизни опытомъ богаты,
 Которымъ нѣтъ лишь юныхъ дней,
 Чтобъ улыбался Гименей,
 Причину слезъ Сафьи, печали
 Скорѣй бы, можетъ, отгадали.

III.

Въ горахъ была пора весны.
 И облака, озарены
 Свѣтила вешняго лучами,
 Блуждали сонно въ небесахъ,
 То вдругъ, какъ птицы на крылахъ,
 Неслись по вѣтру надъ горами.
 Весной въ одинъ изъ свѣтлыхъ дней,
 Берсанъ у хижины своей
 Сидѣлъ вечернею порою,
 Скрывалось солнце за горою,
 Послѣдній лучъ его упалъ
 На желтыя вершины скалъ.
 Вечерній мракъ ужъ начинался,
 И все смолкало въ тишинѣ,
 Лишь гулъ потока раздавался.
 Отважно горецъ на конѣ,
 Въ косматой шапкѣ, буркѣ черной,
 Съѣзжалъ съ горы тропою горной.

¹⁾ Горцы, покупая невѣсть, всегда торгуются на туманы, туманъ — 10 руб.

IV.

БЕРСАНЪ.

Варра!

Какія вѣсти?

ВАРРА.

Собралась партія въ лѣсу.
 Чечня, старая чувствомъ мести,
 Своихъ сыновъ шлетъ за Ассу
 Свести съ гяуромъ разомъ счѣты.

БЕРСАНЪ.

Удастся-ль это намъ?

ВАРРА.

Есть слухъ, — на Сунжѣ три лишь роты.

БЕРСАНЪ.

Кто поведетъ насъ въ бой? Имамъ?

ВАРРА.

Нѣтъ! по его приказу,
 Начальствуетъ наибъ Талгикъ...
 Ударимъ въ шашки сразу!
 Напомнимъ русскимъ Валерикъ!

V.

Берсанъ, при вѣсти сообщенной,
 Рѣчами гостя восхищенный,
 Намазъ Аллаху сталъ творить,
 Моля его благословить
 На путь въ набѣгъ, на пиръ кровавый,
 Чтобъ пасть за родину со славой,
 Иль русскаго добыть коня.
 Отваги пылкой и огня
 Была полна душа Берсана, —
 Не охладили ихъ не рана,

Ни къ молодой женѣ любовь,
 Ни сорокъ прожитыхъ годовъ.

VI.

Въ глухую ночь, подъ сѣнью лѣса,
 Вокругъ стреноженныхъ коней,
 Чеченцы дремлютъ у огней,
 И листвы темная завѣса,
 И ночи черной, бурной темъ
 Скрывали горцевъ тысячъ семь.
 Въ одномъ кружку межъ узденями,
 Вблизи горѣвшаго костра,
 Мѣняясь изрѣдка рѣчами,
 Сидѣлъ Берсанъ и съ нимъ Варра.
 Какъ бурныя весною воды
 Изъ снѣговыхъ и черныхъ горъ,
 Стеклись поклявшися смыть позоръ,
 Притоковъ сунженскихъ народы: —
 На берегахъ ихъ матери — рѣки
 Уже селились казаки,
 И, не давая имъ покою,
 Аулы ближніе пожгли,
 Весь правый берегъ за рѣкою
 Опустошивъ, съ мечемъ прошли.

VII.

Съ востока вспыхнула денница,
 И звѣздъ померкшихъ вереница
 Ужъ стала съ неба исчезать.
 — „Проснись, Варра! пора вставать“:
 Берсанъ, проснувшійся съ зарею,
 Его будиль готовясь къ бою.
 Сѣдлаютъ горцы лошадей,
 Кто коротитъ ремень подпруги,
 Кто у винтовокъ на досугъ

Не подвинутилъ еще кремней,
 Кремни тотъ новые вправляетъ.
 Талгикъ бивакъ ужъ оставляетъ.
 Полны отваги бранной всѣ,
 То массою, то нитью длинной,
 Несутся всадники къ Ассѣ
 По мѣстности глухой, пустынной.
 Направо видѣнъ имъ Ачхой.
 Въ Чечнѣ нашъ пунктъ передовой.

VIII.

ВАРРА (*идущій съ Берсаномъ отдельно*).

Къ Аллаху передъ битвой
 Возносишь мысли ты съ молитвой,
 Что такъ задумался, Берсанъ?

БЕРСАНЪ.

Я сонъ припомнилъ странный,
 И думалъ все о немъ теперь.
 Ахъ! гадъ во снѣ — предвѣстникъ ранъ,
 Какъ бурь предвѣстникъ — лучъ багряный.

ВАРРА.

Предъ битвой снамъ не вѣрь.

БЕРСАНЪ.

Такой ужъ сонъ со мной разъ сбылся,
 Едва я жизни не лишился
 Въ степи, на грабежѣ одномъ
 И былъ съ отбитымъ табуномъ
 Опасно раненъ пулей въ руку.
 И сталъ съ тѣхъ поръ я вѣрить въ сны,
 Что предвѣщать они даны
 Для сердца радость или муку.
 Но объясни, Варра,

Сонъ мною видѣнный вчера.
 Моя жена мнѣ странно снилась.
 Гляжу: змѣя вокругъ обвилась
 Ея груди. И вотъ, во снѣ,
 Сафья мнѣ будто говорила:
 „Ужъ этотъ милъ и дорогъ мнѣ —
 „Я на груди его вскормила...
 „Берсанъ! на родинѣ моей
 „Грѣхъ убивать ужей.
 „Не убивай его, жестокій“!

ВАРРА.

— Да, смыслъ сна темный и глубокий.
 Гляди: вонъ тамъ вдали туманъ,
 А кажется гора — обманъ!
 Обманъ, какъ призрачныя горы,
 Твои, другъ ослѣпляетъ взоры!
 Обманы здѣсь намъ суждены.
 Не вѣрь, Берсанъ, словамъ жены:
 Смотри за ней ревнивымъ окомъ.
 Варра съ улыбкой намекалъ..
 Быть можетъ, что-нибудь онъ зналъ.
 Берсанъ обиженный намекомъ,
 Отъ гнѣва весь побагровѣлъ.

IX.

Въ Ачхоѣ выстрѣлъ загремѣлъ,
 На Сунжѣ грянули тревогу, —
 И на ассинскую дорогу
 Линейцы, съ быстротою птицъ,
 Летятъ на коняхъ изъ станицъ,
 Вслѣдъ имъ бѣгомъ идетъ пѣхота,
 А валъ станичный и ворота
 Укрыты пестрою толпой.
 Значки цвѣтнымъ пестрѣютъ макомъ, —

Значки съ крестомъ, значки съ луной.
 И горцы осторожнымъ шагомъ
 Ассу переѣзжаютъ въ бродъ.
 Грозить напоромъ быстрыхъ водъ,
 Грозить крутыми берегами
 Коню и всаднику рѣка.
 Сверкнулъ огонь — и межъ рядами
 Два — три упали казака;
 Вотъ залпъ — и нѣсколькихъ нѣ стало; —
 Хотя тамъ нашихъ было мало,
 Но бились храбро казаки.
 И бились часъ они ужъ цѣлый,
 Отбивъ два раза натискъ смѣлый.
 Но засверкали вдругъ штыки,
 И завязался бой серьезный
 Передъ рядами на конѣ,
 Съ орлинымъ взглядомъ, пылкій, грозный
 И закаленный весь въ огнѣ,
 Начальникъ линіи промчался,
 И путь къ побѣдѣ указалъ.
 (Онъ вышелъ славный генералъ,
 Что такъ изъ ряду выдавался,
 Что благородною стезей
 Шелъ такъ достойно къ возвышенью,
 Что въ цвѣтѣ жизни, къ сожалѣнью,
 Погибъ отъ пули роковой!)
 Блеснули шашки и кинжалы —
 Бой рукопашный ¹⁾ закипѣлъ;
 Хаджи-Муратъ, наибъ удалый,

¹⁾ Въ этомъ блистательномъ дѣлѣ 4 мая 1847 г., съ огромными толпами горцевъ, подъ начальствомъ Талгика и другихъ наивовъ, со славою участвовали части войскъ; 1-й Сунженской лин. Казач. полкъ, 3 сот. Донскаго казач. № 19 полка, 2 рот. 1-го батал. и 2-й батал. 77 пѣх. Тенгинскаго Его Им. Выс. Вел. Кн. Алексѣя Александровича полка и 2-й батал. 76 пѣх. Кубанскаго полка.

Вдругъ изъ засады налетѣлъ.
 Звучить оружіе ручное,
 И трупы стелятся кругомъ;
 Сквозь дыма облако густое
 Мелькнулъ, какъ тѣнь, значекъ съ крестомъ:
 То нашъ Баярдъ — Слѣпцовъ безстрашный,
 Съ булатной пашкою въ рукѣ,
 Повелъ резервъ на пунктъ опасный
 И горцевъ смялъ, тѣснилъ къ рѣкѣ.
 Ура — а! — дрогнули джигиты,
 Невыдержавъ рядовъ напоръ,
 И къ берегамъ Ассы сердитой,
 Забывъ и клятву, и позоръ,
 Бѣгутъ нестройными толпами, —
 И было злой рѣки волнами
 Ихъ много тамъ поглощено...
 На Сунжѣ мирно ужъ давно,
 Но мать, дитя свое качая,
 Поетъ казачка молодая
 Про славной бой, когда Слѣпцовъ,
 Съ дружиной храбрыхъ удалцовъ,
 Въ полонъ забралъ чеченцовъ много
 И въ рѣчку много потопилъ,
 Коня лишившись воронаго,
 Онъ пуще всѣхъ о немъ тужилъ.

X.

Толпы разбитыя бѣгутъ.
 Кто на Ачхой, кто на Бумуть;
 Побѣгъ скрываетъ мракъ вечерній.
 Усталый конь, по долгу вѣрный,
 Берсана мчитъ къ горамъ въ Чечнѣ.
 За нимъ на раненомъ концѣ,
 Варра едва лишь поспѣваетъ;
 Жестоко раненъ самъ въ тотъ день,

Съ конемъ вдругъ грянулся уздень.
Его Берсанъ приподымаетъ
И переноситъ подъ чинаръ.
Въ груди Варры пылаетъ жаръ;
Берсана проситъ онъ съ мольбою
Сходить поспѣшно за водою.
Вблизи текучій былъ родникъ, —
И, зачерпнувъ струи въ башлыкъ,
По каплямъ льетъ рука Берсана
Въ его просящія уста.
Варры была смертельна рана —
Густая кровь шла изо рта,
Его взоръ быстро помутился,
И онъ предъ смертью позабылся;
И вдругъ, очнувшись какъ отъ сна,
Манилъ Берсана онъ рукою,
И вслѣдъ была устремлена
Къ Аллаху мысль его съ мольбою.
Варра собралъ остатокъ силъ
И говорить хотѣлъ, казалось
— „Тебѣ не долго жить осталось,
Его Берсанъ предупредилъ:
„Варра! ты обладаешь тайной...
„Ты мнѣ обидно намекалъ, —
„И мой готовъ ужъ былъ кинжалъ
„За тотъ намекъ твой неслучайный,
„Тебя, какъ недруга, пронзить; —
„Но дней твоихъ ужъ рвется нить...
„Имѣлъ и самъ я подозрѣнье...
„Исполни просьбу, другъ мою:
„Скажи, что знаешь про Сафью?...
„Ужели братъ? его смиренье!
„Ужели обольстилъ Баталлъ?!“...
Берсанъ умолкъ и весь дрожалъ,
И ждалъ отвѣта съ нетерпѣньемъ.

Ему внимая съ сожалѣньемъ,
 Варра въ предсмертный часъ, безъ силъ,
 Съ трудомъ едва проговорилъ:
 „О!.. да!.. Сафгать... Софьи подруга...
 „Сказала мнѣ... прошу какъ друга...
 „То клевета... не вѣрь ты ей...
 „Твоя жена моей милѣй...
 „На свѣтѣ женщинъ добрыхъ мало...
 „У всѣхъ языкъ, какъ змія жало“!..
 И здѣсь огонь потухъ въ очкахъ,
 И голосъ у Варры прервался;
 Вздохнувъ и прошептавъ: „Аллахъ!“
 Онъ тихо съ жизнію разстался.

XI.

Берсанъ, обычаи храня,
 Не бросилъ тѣла въ снѣдь шакаламъ:
 Вблизи издохшаго коня
 Могилу вырылъ онъ кинжаломъ
 И въ ней Варру похоронилъ.
 Берсанъ въ душѣ его любилъ,
 Какъ друга юныхъ походовъ,
 Ночныхъ убійствъ и ограбленій.

XII.

Луна взошла, и подъ горой
 Свершенный трудъ его рукой —
 Варры могилу озарила:
 Но это свѣжая могила
 Берсана не могла смягчить;
 Надъ ней онъ, мрачный и угрюмый,
 Надъ ней, не въ силахъ слезъ пролить,
 Стоялъ подъ гнетомъ черной думы
 И былъ къ мольбѣ Варры онъ глухъ.
 Ему нашептывалъ злой духъ:

„Твое неложно подозрѣнье:
 Не вѣрь въ Баталла ты смирѣнье,—
 Твою Сафью онъ обольстилъ;
 Баталлъ прекрасенъ, въ цвѣтѣ силъ,
 А ты, Берсанъ, отъ ранъ ужъ хилый,
 Всегда угрюмъ, суровъ и дикъ,
 И съ виду кажешься старикъ,
 И тѣломъ, и душой отжилый!
 Въ тебѣ давно остыла кровь...
 У женщинъ мнѣнье и любовь
 Купить лишь можно болтовнею
 Да жизни лучшею порою...
 Онѣ, покрытая чадрой,
 Къ измѣнѣ склонны роковой;
 Имъ нужны сладкой лести сказки,
 Порой хотъ нѣжности и ласки;
 А ты лишь только и ласкалъ
 Коня, винтовку да кинжалъ“!..
 И много много горькихъ истинъ
 Шепталъ Берсану демонъ злой;—
 Весь міръ и цѣлый родъ людской
 Ему теперь былъ ненавистенъ.

XIII.

Раздольныхъ кабарды равнинъ
 Питомецъ быстрый, вѣтра сынъ,
 Добыть высокою цѣною,
 Несетъ Берсана конь лихой
 Вверхъ по ущелью, надъ рѣкою;
 Порой, надъ страшной крутизной,
 Топырить уши боязливо,
 Вздываетъ ноздри и храпитъ
 И, бѣлой пѣной весь покрытъ,
 Удары сносить терпѣливо.
 Вдали блеснулъ ужъ огонекъ,—

Бодрѣй сталъ конь, мрачнѣй сѣдокъ.
 Сѣдокъ коня все погоняетъ
 И на поляну выѣзжаетъ.
 Ужъ чаще брежетъ огонекъ,
 Свѣтлѣ въ отверстѣ слуховое.
 Въ груди Берсана ретивое
 Забилось сильно; вотъ мостокъ
 Надъ рытвиной переѣзжаетъ.
 Къ нему навстрѣчу выбѣгаетъ,
 Ласкаясь съ визгомъ, вѣрный песъ,
 Коня поставя за утесъ,
 Берсанъ чуть слышною стопою
 Идетъ, какъ воръ ночной порою;
 На сердце руку положилъ,
 Въ груди дыханье затаилъ—
 Въ окно онъ пристально глядитъ.

XIV.

Сафья, задумавшись, сидитъ
 Близъ углей тлѣющихъ мангала;
 Рука безмолвнаго Баталла
 Стругаетъ палочку ножомъ.
 (Всѣхъ горцевъ праздныхъ, безъ изъятя,
 Всегда любимое занятъе).
 Богъ вѣсть мечтаетъ онъ о чемъ,—
 О красотѣ, быть можетъ, гурій.
 И горецъ юный, бѣлокурый
 Украдкой взоры все бросалъ
 На ликъ Сафьи, и все стругалъ.
 Раскрывъ вдругъ рядъ зубовъ жемчужныхъ,
 Сафья запѣла про любовь
 Залетныхъ птичекъ изъ странъ южныхъ
 Въ страну тумановъ и лѣсовъ;
 И какъ ихъ хищные орлы
 Невинныхъ, слабыхъ убиваютъ;

Но волей мудраго Аллы
 Такъ суждено, и да познають,
 Ее здѣсь люди и вся тварь,
 И на предвѣчнаго алтарь
 За все несутъ благодаренье.
 И здѣсь Сафьи прервалось пѣнье,
 Чело подернула печаль,
 Слеза пробилась сквозь рѣсницы:
 Такъ свѣтлая тускнѣетъ сталь
 Въ тѣни и безъ лучей денницы!

XV.

БАТАЛЛЪ.

О чемъ грустить тебѣ, Сафья!
 Давно ли къ намъ тебя отдали!
 Не рано-ль дни для слезъ настали?
 Иль краше родина твоя?
 Но здѣсь Сафгатъ, твоя подруга,
 Землячка одного села,
 Довольна всѣмъ и весела—
 И въ часъ труда, и въ часъ досуга.
 Однажды пасъ въ лѣсу я козъ,
 Она туда пришла и пѣла,
 И нарвала мнѣ дикихъ розъ.
 Она мнѣ крѣпко надоѣла...
 Ее узналъ я съ той поры,—
 И жаль мнѣ добраго Варры...
 Сафья! Сафгатъ мнѣ говорила,
 Что будто въ Тавліи любила
 И до замужества мужчинъ,
 Что нѣтъ для женщины причинъ
 Отдаться одному душою,
 Чтобъ быть ревнивою женою.
 Ужель у васъ законъ такой?

Клянусь пророка бородой —
Подъ нимъ мужьямъ жить незавидно!

С а ф ѣ я.

У племени Богучемонъ ¹⁾
Еще слабѣй для насъ законъ:—
Любить намъ многихъ тамъ нестыдно...
Тамъ дикой ревности кинжалъ
Насъ не пугаетъ, другъ Баталлъ!..
Сафья, вздыхая, говорила
И на Баталла устремила
Свой грустный, томный, долгій взоръ.
Здѣсь былъ ужъ тихій разговоръ...
Любви взаимное признанье
Иль нравовъ вольныхъ описанье
Берсанъ подслушалъ, иль узналъ,
Что задумешный, тихій шепотъ
Былъ на его суровость ропотъ?—
Какъ знать! но онъ конца все ждалъ
И весь сгоралъ отъ ожиданья.
Умолкните, Баталлъ, Сафья!
Не дѣлайте любви признанья!
Вашъ шопотъ слышенъ, какъ струя
Ручья, какъ горлицъ воркованье;
Кругомъ царящее молчанье
Пора вамъ перестать смущать
Бесѣдой вашей говорливой:—
Подкравшись близко къ вамъ, какъ тать,
Берсанъ васъ слушаетъ ревнивый.

¹⁾ О вольности нравовъ богучемонцевъ, живущихъ въ Дагестанѣ, писалъ Марлинскій. См. „Разсказъ русскаго офицера бывшаго въ плѣну у горцевъ“. Кромѣ богучемонцевъ, на кавказѣ есть еще другія племена, отличающіяся оригинальностью подобныхъ нравовъ, такъ наприм., житель нарскаго общества, въ Осетіи, недовольный своею женою, говоритъ ей: „Ты такая дурная, злая женщина, что у тебя нѣтъ ни одного любовника“.

Но разговоръ ихъ все бѣжитъ,
 И головня, дымясь, горитъ,
 И блѣдный ликъ Сафьи Баталла
 Сіяньемъ розовымъ облить,
 Вотъ головня вдругъ затрещала;
 И, брызнувъ искра изъ мангала,
 На ткань шальваръ Сафьи летитъ;—
 Рука Баталла поспѣшила
 Тушить начавшійся пожаръ
 Широкихъ шелковыхъ шальваръ,
 И вдругъ случайно обхватила
 Сафьи смущенной стройный станъ...
 Отъ гнѣва задрожалъ Берсанъ,
 Его душа кипѣла мщеньемъ;
 Плеча могучаго движеньемъ
 Сломавъ, какъ щепку, съ трескомъ дверь
 Стоялъ онъ въ саклѣ у порога,
 Какъ демонъ злой, отступникъ Бога,
 Какъ надъ добычей лютый звѣрь...
 Сверкнуло лезвіе кинжала —
 И грудь пронзенная Баталла
 Послѣдній испустила вздохъ!..
 Кто-бъ отгадать навѣрно могъ
 И сдѣлать вѣрно заключенье:
 Преступно было ли движенье
 Руки Баталла или нѣтъ?
 Кто можетъ дать прямой отвѣтъ?
 Кто скажетъ прямо, безъ морали
 И безъ возрѣній съ высоты:
 Какія юношу мечты
 И страсти въ день тотъ волновали
 И мысль черты его о чемъ
 Одушевляла предъ концомъ?
 Въ ладонь въ груди чернѣла рана.
 Въ убійствахъ частыхъ изловчась,

Вѣрна была рука Берсана,
 Но въ роковой, ужасный часъ
 Ему крови Баталла мало...
 Еще ударъ и вслѣдъ другой —
 Какъ розы смятой подъ ногой,
 Сафьи—красавицы не стало...

XVI.

Гдѣ мирная жила семья,
 Вдругъ стала свѣжая могила, —
 Ручьемъ широкимъ кровь текла
 И, слившись, саклю затопила.
 Какъ угасающій вулканъ,
 Вулканъ, истратившій всѣ силы,
 Стоялъ надъ трупами Берсанъ,
 Въ раздумьѣ, мрачный и унылый.
 Теперь разсудокъ говорилъ,
 Что страшное онъ преступленье
 Напрасно, можетъ, совершилъ;
 Что мщенье лучшее—презрѣнье;
 Что довѣрять молвъ людской
 И безразсудно, и опасно.
 И вдругъ убійцѣ стало страшно
 Стоять въ крови, имъ пролитой.

XVII.

Берсанъ покинулъ кровь родной.
 Въ тущобахъ дикаго Бумута,
 Въ душѣ съ отчаяньемъ, съ тоской,
 Какъ звѣрь, бродилъ онъ безъ пріюта,
 Снимать не смѣя башлыка.
 Но есть отчаянью предѣлы,
 Не знаетъ ихъ одна тоска.
 Убить и къ жизни охладѣлый,
 Вдали людей одинъ онъ жилъ; —

Но судъ суровый шаріата *)
Его за кровь жены и брата
Въ горахъ на смерть приговорилъ.

XVIII.

Страшась извѣстной и позорной,
Жестокой казни надъ собой,
Съ мѣстами родины нагорной,
Весь исхудалый и больной,
Берсанъ рѣшилъ навѣкъ проститься.
Когда туманъ встаетъ въ горахъ,
Гонимый бурей въ небесахъ,
Желаетъ тщетно внизъ спуститься,
Залечь межъ скалъ двухъ въ уголку,
И снова облакомъ стремится,—
Изгнанникъ переплылъ рѣку;
Подобно тучкѣ пріютиться
Онъ одного теперь желалъ,
И злополучіемъ гонимый,
Тоской, болѣзнью одержимый,
Въ предѣлы русскіе бѣжалъ.
Въ глухомъ и жалкомъ укрѣпленѣ,
На рубежѣ Большой Чечни,
Одинъ, какъ узникъ въ заключенѣ,
Я проводилъ безцвѣтно дни: —
Я въ гаризонѣ былъ со взводомъ.
Кругомъ воинственнымъ народомъ
И сбродомъ бѣглыхъ окруженъ,
Съ ружьемъ спалъ весь мой гарнизонъ.
За укрѣпленіемъ, надъ рѣкою,
Раскинутъ мирный былъ аулъ;

*) Судъ, основанный на священныхъ мусульманскихъ книгахъ, въ которыхъ опредѣлены степени наказанія и преступленія между магометанами.

Скрипъ арбъ и мельницъ стукъ и гулъ
 Лишали ночью сна, покою.
 И съ валу видно было мнѣ,
 Какъ азіатки, подъ чадрую,
 Съ кувшиномъ мѣднымъ на спинѣ,
 Къ рѣкѣ ходили за водою.
 Но услаждали тамъ мой взоръ
 Сіявшій вѣчными снѣгами
 Вдали Казбекъ подъ небесами,
 Зубцы и грани ближнихъ горъ,
 Однѣ и тѣ же все картины
 Я ежедневно созерцалъ
 И безпрестанно повѣрялъ
 Тамъ проходившихъ дней рядъ длинный.
 Чеченцы мирные порой
 Меня въ редутѣ посѣщали,
 И все бояромъ величали
 За угощенье аракой.
 Однажды съ ними за стаканомъ
 Въ кругу сидѣлъ одинъ пѣвецъ —
 То былъ изъ горъ Чечни бѣглець,
 И назывался онъ Берсаномъ.
 На балалайкѣ онъ игралъ
 И съ чувствомъ пѣсни пѣлъ родныя, —
 И дико взоръ его сверкалъ,
 Какъ въ дни убійствъ, во дни былые.
 Иной разъ страшенъ былъ Берсанъ:
 Когда наполненный стаканъ
 Держа обѣими руками,
 Слова невнятные шепталъ,
 Водилъ съ безуміемъ глазами,
 И, блѣдный весь, онъ трепеталъ.
 Припадками-ль болѣзни черной,
 Или страдалъ онъ чѣмъ другимъ,
 Того навѣрно я не знаю;

Молвы носился лепетъ вздорный,
 Что онъ шайтаномъ одержимъ,
 Но той молвы не отвергаю.
 Отъ кунака же я слыхалъ,
 Что онъ убилъ жену и брата;
 Что въ мирный онъ аулъ бѣжалъ,
 Суда страшася шаріата.
 Разказа этого герой,
 Въ стѣнахъ глухаго укрѣпленья,
 Былъ для меня иной порой
 Живыхъ предметомъ размышленій
 Его открытое чело
 Морщины рано все изрыли,
 Его черты всѣ заклеили
 Слѣды страстей и жизни зло,
 Въ его сверкавшемъ дико взорѣ,
 Пугавшемъ робкихъ и дѣтей,
 Читая часто ужасъ, горе,
 Разстройство видѣлъ я идей.
 Касалася руки злодѣя
 Съ участіемъ моя рука,—
 Какъ будто руку кунака,
 Ее сжималъ я, не краснѣя.

XIX.

Была зима, кончался годъ,
 Полки отправились въ походъ.
 Гремѣли пѣсни, барабаны:—
 Мы проходили подъ стѣнами,
 Въ чеченскій слѣдуя отрядъ,
 Того въ пустынь укрѣпленья,
 Гдѣ умиралъ я отъ томленья,
 Гдѣ былъ не разъ Берсану радъ.
 Всегда съ кинжаломъ, грозныхъ, праздныхъ,
 Въ чухахъ разорванныхъ и грязныхъ,

Моихъ знакомыхъ я узналъ: —
 Въ аулѣ былъ у насъ привалъ,
 Но мой пѣвецъ меня не встрѣтилъ.
 „Здоровъ! здоровъ! бояръ-кунакъ!“
 Меня привѣтствовали такъ.
 Я имъ привѣтствіемъ отвѣтилъ.
 И наконецъ друзей спросилъ:
 — Версанъ уѣхалъ или боленъ?
 — „Валлахъ! Берсанъ умерилъ“
 Отвѣтъ чеченцевъ былъ,
 Такимъ отвѣтомъ недоволенъ,
 Спросилъ я Иссу, кунака,
 Понявшаго мое желанье.
 Пѣвца убило не изгнанье,
 Свела въ могилу не тоска,
 Не судъ суровый шаріата
 Берсана смертію казнилъ:
 Его нашло тамъ мщенье брата,
 Его тамъ средній братъ убилъ!
 За кровь убитаго Баталла
 Бѣглець палъ также отъ кинжала
 Безъ флага краснаго зарытъ
 Въ могилѣ одинокой, тѣсной,
 Берсанъ почилъ не какъ джигитъ,
 Хотя онъ былъ джигитъ извѣстный.

СМЕРТЬ ПОРУЧИКА ИШАПАРА.

Въ Чечнѣ, разъ зимнею порою,
 Среди пылающихъ костровъ,
 Рубили лѣсъ мы за Гехою.
 Рабочихъ крикъ, стукъ топоровъ
 Далеко раздавались съ эхомъ,
 И сокрушенныхъ топоромъ

Все заглушалъ деревьевъ громъ,
 Громъ падавшихъ чинаръ, орѣховъ —
 Лѣсовъ. Чечни могучій родъ.
 Вблизи была въ резервѣ рота:
 Козловъ широкія ворота
 Отъ взвода отдѣляли взводъ.
 Передъ дымящими углями,
 Поставя бокомъ барабанъ,
 Съ полузакрытыми глазами
 Сидѣлъ нашъ храбрый капитанъ.
 — Безъ дѣла скучно вашей ротѣ,
 Я, подходя къ нему, сказалъ.
 — „Да, полагаю объ охотѣ
 „Ужъ думалъ я, — двухстволку взялъ,
 „Теперь не то *), что въ прежни годы:
 „Прошла пора кровавыхъ дѣлъ;
 „Не тѣ кавказскіе народы —
 „Ихъ страшный жаръ перегорѣлъ.
 „Не быть въ такихъ ужъ передрягахъ,
 „Ужъ не видать такихъ намъ сѣчь!...
 „Въ зубахъ съ кинжаломъ, смѣлымъ шагомъ,
 „Бывало лѣзутъ на картечь...
 „Вотъ, напрімѣръ, хотъ подъ Абиномъ,
 „Иль тамъ, гдѣ умеръ Ишапаръ...
 „Да въ рядѣ битвъ кровавыхъ длинномъ
 „Перегорѣлъ ихъ дикій жаръ“...
 — Не откажите, капитанъ,
 Въ одномъ, прошу васъ, одолженьѣ:
 Поразскажите, какъ отъ ранъ
 Погибъ товарищъ вашъ въ сраженьѣ.
 — „Мой долгъ вамъ это разсказать

*) Разсказъ этотъ написанъ еще во время военныхъ дѣйствій на Кавказѣ.

„Изъ Адлера отрядъ *) шелъ въ Сочи
 „Восточный берегъ занимать.
 „Тогда едва ставало мочи
 „Отряду нашему идти
 „По страшно дикому пути.
 „Да, испытали тамъ мы горе.
 „Бурливо слѣва злое море.

*) Отрядъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Анрепа, и прикрытіемъ эскадры, подъ командой вице-адмирала Лазарева, шелъ берегомъ изъ Адлера (укр. Святаго Духа) въ Сочи (укр. Навагинское) 8, 9 и 10 октября 1841 года, по мѣстности дикой, пересѣченной руслами горныхъ рѣчекъ, поросшей лѣсомъ и колючкой. Отрядъ состоялъ: изъ 4-хъ бат. Тенгинскаго пѣх. полка, 4-хъ сводныхъ бат. 13 пѣх. дивизіи и 3-хъ пѣшихъ сотень имеретинской милиціи. Авангардъ былъ подъ командою генераль-маіора Муравьева (въ настоящее время графъ Амурскій, аріергардомъ командовалъ командиръ Тенгинскаго полка полковникъ Хлюпинъ. По причинѣ опустошительныхъ болѣзней: лихорадокъ и цынги, наличной составъ ротъ былъ въ 60—70 штыковъ. Цѣль движенія отряда была: наказать убыховъ за ихъ враждебныя дѣйствія въ предшествовавшемъ году и возведеніе отдѣльной башни подлѣ укр. Навагинскаго которое горцы безпрестанно беспокоили выстрѣлами изъ орудій, взятыхъ въ нашихъ укр. въ 1840 году.—Отъ Адлера до Сочи сухимъ путемъ около 20 верстъ. На всемъ этомъ разстояніи горцы устроили множество заваловъ. Убыхскій предводитель Хаджи-Берзекъ торжественно поклялся, что не пропуститъ русскихъ. Клятва его, можетъ быть, и оправдалась бы, если-бъ отряду не оказалъ содѣйствія флотъ, обстрѣливавшій берегъ на всемъ протяженіи отъ Адлера до Сочи. Несмотря на это, движеніе войскъ было самое трудное и сопротивленіе горцевъ самое упорное каждый завалъ приходилось брать штурмомъ. И только послѣ трехдневнаго кровопролитнаго боя, отрядъ вечеромъ 10 октября, успѣлъ достигнуть Сочи, лишившись 8 офицеровъ и значительнаго числа нижнихъ чиновъ. Потеря у горцевъ была также значительна. Семидесятилѣтній Хаджи-Берзекъ изъ всей своей фамиліи остался одинъ; всѣ его родственники и сыновья, въ числѣ 9 человекъ, были убиты. Блаженной памяти покойнымъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ всѣ офицерскіе чины, участвовавшіе въ экспедиціи 41 года, были удостоены наградъ, и весь отрядъ не въ зачетъ получилъ полугодовое жалованье.

„А справа росъ по высямъ лѣсъ.
 „Въ людей, страдавшихъ лихорадкою *),
 „Въ лѣсу засѣвъ, толпы черкесъ
 „Стрѣляли съ хищною украдкою.
 „Четвертый весь нашъ батальонъ
 „Въ цѣпи шелъ правой подъ горами;
 „Между колючими кустами
 „Съ большимъ трудомъ тянулся онъ. —
 „Тогда десятой нашей роты
 „Былъ командиромъ Ишапаръ.
 „Едва взошла цѣпь на высоты
 „И скрылася въ сѣни чинаръ,
 „Какъ въ шашки на его тамъ роту
 „Вдругъ бросились толпы черкесъ; —
 „И огласился гигомъ лѣсъ,
 „И пасть въ немъ слабому оплоту
 „Ужъ, вѣрно, было суждено!...
 „Да тамъ погибла эта рота...
 „Ужъ было тихо и темно, —
 „Ушли мы подъ защитой флота.
 „Въ лѣсу, на берегу въ кустахъ,
 „Тѣла убитыхъ **) всѣ остались,
 „Гдѣ противъ горцевъ на штыкахъ
 „Три дня отчаянно мы дрались.
 „Вдругъ юнкеръ Мищенко, силачъ,
 „Изъ груды тѣлъ, какъ тѣнь поднялся,
 „Его штыкъ согнутый въ калачъ,
 „Въ крови враговъ, у ногъ валялся.
 „Разъ прикладомъ басурманъ,

*) По словамъ очевидцевъ, почти всѣ люди были больны, губительному дѣйствию лихорадки подвергались даже собаки шедшія за отрядомъ.

**) По причинѣ малочисленности отряда, недостатка вьюковъ и сильныхъ натисковъ непріятеля, не только тѣла убитыхъ, но и всѣ раненые, немогшіе слѣдовать за отрядомъ, были оставлены.

„Онъ шашкой, въ схваткѣ рукопашной,
„Семнадцать получилъ тамъ ранъ.
„Истекши кровью, раненъ страшно,
„Съ свинцомъ въ груди простертъ лежалъ
„Нашъ храбрый Ишапаръ, поручикъ.
„Его тамъ юнкеръ утѣшалъ,
„И изъ лѣсу и изъ колючекъ
„Задумалъ вынести на рукахъ.
„И вотъ взвалилъ его на плечи.
„Стоялъ какъ стражъ, на полѣ сѣчи
„Чинаръ близъ моря въ ста шагахъ,
„Ударомъ громовымъ разбитый.
„Туда лишь Мищенко достигъ,
„Какъ снова, кровью весь облитый,
„Упалъ подъ ношей въ тотъ же мигъ.
„Подъ тѣмъ увянувшимъ чинаромъ,
„Который одинокъ стоялъ,
„Онъ долго рядомъ съ Ишапаромъ,
„Какъ трупъ безжизненный лежалъ.
„Рука врага ихъ обобрала:
„Одежда съ нихъ была снята,
„И наготу ихъ прикрывала
„Одна ночная темнота;
„И звѣзды съ сумрачныхъ небесъ
„Свѣтъ проливали на ихъ тѣло;
„Вблизи шумѣлъ по высямъ лѣсъ,
„И море Черное ревѣло.
„Прохлада ночи, моря гулъ
„Сномъ мертвымъ спавшихъ пробудили.
„На небо Мищенко взглянулъ,
„И ждалъ когда окрѣпнуть силы,
„Потомъ, съ молитвой на устахъ,
„Онъ тихо снова приподнялся
„И съ мыслью все не разставался:
„Поднять и вынести на рукахъ

„Товарища на полѣ сѣчи;
 „Но тотъ рѣшился умереть,
 „И были ихъ живыя рѣчи, —
 „Ихъ передать мнѣ не съумѣть...
 „Одинъ уговорить старался
 „Себя покинуть погибати;
 „Другой хотѣлъ его поднять —
 „И Ишапаръ одинъ остался...
 „И тамъ, на берегу морскомъ,
 „Весь обнаженъ, среди колючекъ,
 „Во цвѣтѣ лѣтъ, въ груди съ свинцомъ,
 „Погибъ со славой нашъ поручикъ!
 „Бивакъ нашъ былъ въ шести верстахъ,
 „И Мищенко пришелъ къ отряду.
 „Крестъ, чинъ и пенсіонъ въ награду,
 „Да память храбраго въ рядахъ
 „Онъ получилъ—да и въ отставку.
 „Я слышалъ, онъ еще живетъ,
 „Взялъ черноокою полтавку,
 „Дѣтей имѣетъ, пашетъ, жнетъ,
 „И подъ крыломъ жены-голубки
 „Порой страдаетъ лишь отъ ранъ“.
 Здѣсь, пепелъ вытряхнувъ изъ трубки,
 Замолкъ бывалый капитанъ.
 На пенъ присѣвши, я мечталъ,
 Стукъ топоровъ въ лѣсу вторился,
 А я далеко улеталъ,
 Далеко мыслью уносился:
 Туда, гдѣ Ишапаръ погибъ,
 Гдѣ море Черное волнами
 Шумитъ и плещетъ съ пѣной зыбъ
 На берегъ, памятный боями; —
 Тудѣ, гдѣ Мищенко живетъ,
 Гдѣ, окруженъ дѣтей онъ кучей,
 Хлопочетъ; пашетъ, сѣетъ, жнетъ...

Кто не рожденъ для жизни лучшей,
 Ни для семьи, ни для труда,
 О! тотъ, заброшенный сюда
 Покоренъ будь своей судьбѣ!
 И если путь свой кончишь въ дѣлѣ,
 Съ свинцомъ, съ разрубамъ на тѣлѣ, —
 Оставишь память по себѣ.

Лезгинъ Алли.

„Возьму винтовку и пистолѣ
 „И по двѣ пули вколочу, —
 „Въ горахъ скучаю, какъ въ неволѣ,
 „Давно порыскать я хочу.
 „Въ оружьѣ весь и духомъ смѣлый,
 „Вскочу на добраго коня
 „И въѣду въ чуждые предѣлы.
 „Лишь только свѣтъ погаснетъ дня.
 „Въ Кахетин, странѣ цвѣтущей,
 „Живетъ красавица княжна;
 „Ночной порой изъ бѣлой кущи
 „Выходитъ въ садъ гулять она.
 „Я смѣло спрыгну съ аргамака,
 „Какъ-будто добрый человѣкъ;
 „Залаетъ чуткая собака —
 „Пшеничный брошу ей чурекъ.
 „Когда съ красавицей грузинкой
 „Застану милаго въ саду —
 „Ползкомъ загложшею тропинкой
 „Какъ хищный звѣрь, къ нимъ подойду,
 „Когда же тамъ княжна грузину
 „Себя позволить цѣловать, —
 „Клянусь, кинжалъ широкій въ спину
 „Ему всажу по рукоять!
 „Схвачу красавицу въ объятья

„И посажу верхомъ съ собой;
 „Услышу, вѣрно, я проклятья,
 „Но полечу съ добычей той.
 „И пусть не шлють просить грузины:
 „Ее за выкупъ не отдамъ;
 „Когда нарѣжутся морщины,
 „Тогда грузинку лишь продамъ.
 „А до поры той неизбежной
 „Я клятву дамъ ее любить,
 „И дни спокойно, безмятежно
 „Въ любви съ ней буду проводить.
 „Носить кинжалъ оставлю длинный,
 „И не поѣду на войну,
 „И сладко, сладко такъ усну
 „На той груди я лебединой!.....
 „Но если — упаси Аллахъ!
 „Враги смекнутъ о похищенъѣ,
 „На Алазани берегахъ
 „Меня настигнутъ съ бранью, мщеньемъ, —
 „Имъ докажу, что я лезгинъ,
 „Имъ докажу, на самомъ дѣлѣ:
 „Какъ звѣрь паду, но не одинъ
 „Падеть съ разрубамъ на тѣлѣ!“
 Такъ говорилъ лезгинъ Алли,
 На промыслъ ѣдучи опасный;
 На третій день сказалъ въ пыли
 Къ горамъ съ грузинкою прекрасной.
 Уже зубцы лезгинскихъ скалъ
 Ему видны изъ-за тумана;
 Алли коня нещадно гналъ,
 Рукой обвивъ княжну вокругъ стана;
 Уже сказалъ онъ надъ рѣкой,
 И близко берегъ былъ пустынный,
 Но здѣсь постигъ часъ роковой —
 Его настигнули грузины.

Что удалой онъ былъ лезгинъ,
 То доказалъ онъ имъ на дѣлѣ:
 Онъ палъ, — но палъ тамъ не одинъ,
 Съ свинцомъ, съ разрубамъ на тѣлѣ.

Дагестанка Буба.

Повѣсть изъ нравовъ горцевъ.

Отъ ранъ и лѣтъ согбенный, хилый,
 Души недугомъ одержимъ,
 Давно лезгинецъ Ибрагимъ
 Стоитъ надъ пропастью могилы.
 Но лишь сосѣди поведутъ
 Съ нимъ рѣчь о прошлыхъ битвахъ,
 И, по обычаю, въ молитвахъ,
 Джигитовъ павшихъ помянуть, —
 Его взоръ молніей сверкаетъ,
 Какъ будто врагъ стоитъ предъ нимъ,
 И тяжело затѣмъ вздыхаетъ
 Безсильный, дряхлый Ибрагимъ.
 По комъ скорбитъ онъ и тоскуетъ?
 Не смерти ли приходъ онъ чуетъ?
 Не голосъ тайный ли твердитъ,
 Что онъ умереть не какъ джигитъ?
 Нѣтъ! онъ тоскуетъ не о томъ:
 У одряхлѣвшаго лезгина
 Три взрослыхъ, храбрыхъ были сына,
 Но битвы грозный грянулъ громъ, —
 И пали подъ Кока-Шурою *)

*) Близъ этого аула, 3 іюля 1844 г. генералъ-маіоръ Пассекъ съ 7-ю ротами Апшеронскаго пѣх. полка нанесъ страшное пораженіе 12-тысячному скопищу горцевъ. Кромѣ множества убитыхъ, непріятель потерялъ здѣсь много значковъ; изъ числа ихъ 7-мъ были подарены Апшеронскому полку, съ которыми храбрыя роты, въ послѣдніе годы военныхъ дѣйствій на Кавказы, постоянно ходили въ походы.

Они, какъ вѣтви подъ грозою.
 Къ отцу несчастному судьба
 Была сурова и жестока; —
 Но дочь, но имени Буба,
 Прекрасна, какъ цвѣтокъ Востока,
 Какъ пальма южная стройна,
 Взамѣнъ сыновъ ему дана,
 Лишь въ ней имѣлъ онъ утѣшенье,
 Въ одной сосредоточивъ въ ней
 Воспоминанье лучшихъ дней,
 Въ ней видѣлъ съ жизнью примиренье.

Промчалось много красныхъ дней,
 И, съ крикомъ, стаи журавлей
 На крыльяхъ нитью ужъ помчались
 За горы снѣжныя, на югъ,
 Боясь прихода раннихъ вьюгъ.
 У дѣвъ сердца тоскою сжались:
 Въ глуши и посреди столицъ.
 Имъ перелетныхъ парныхъ птицъ
 Напоминаетъ крикъ прощальный
 Быть одиночества печальный.
 Но одиночества тоска
 Была отъ сердца далека
 Бубы, казалось, счастливою.
 И часто старецъ молчаливый,
 Въ минуты по дневной зарѣ,
 Взиралъ на дочь свою съ любовью,
 Когда, припавши къ изголовью,
 На мягкомъ, розовомъ коврѣ
 Она съ улыбкой засыпала!
 Когда съ зарею вставъ она,
 Какъ роза свѣжести полна
 Стихъ изъ Корана напѣвала;
 Когда звенящій бубенъ свой
 Въ рукѣ держа надъ головой,

Она кружилася, танцуя, —
 Какъ бы маня для поцѣлуя
 Кого-то бѣлою рукою,
 Качала мѣрно головой.
 И такъ, Буба не тосковала,
 И, ставъ отрадою отцу,
 О немъ молилася Творцу,
 И выйти замужъ не желала.
 И много сваталось за ней
 Богатыхъ, храбрыхъ узденей.
 Изъ горъ окрестныхъ, отдаленныхъ;
 И много могъ бы Ибрагимъ
 Добра и денегъ взять въ калымъ
 Отъ жениховъ, въ нее влюбленныхъ,
 Въ числѣ другихъ въ нее влюбленъ
 Былъ Измаиль, изъ Джахъ-ястара;
 Былъ знатенъ, жилъ богато онъ,
 Но былъ по лѣтамъ ей не пара,
 Ужель Буба, въ расцвѣтѣ лѣтъ,
 Дала безбрачія обѣтъ?
 Ужель любовь не волновала
 На персяхъ дѣвы покрывала
 Дыханьемъ пламеннымъ своимъ?
 О — нѣтъ! она давно любила, —
 Любила чувствомъ молодымъ,
 Но выборъ сердца отъ всѣхъ скрыла.
 Избранный сердцемъ былъ Алли,
 Душою горецъ благородный;
 Онъ былъ пришелецъ издали,
 Пастухъ овецъ, бѣднякъ безродный.

Ужъ нитью длинной журавли
 Надъ Дагестаномъ пролетѣли;
 Сады въ долинахъ не цвѣли,
 И скалъ вершины забѣлѣли.

И въ эту пору Измаилъ,
 Любовью страстною сгарая,
 Вновь Ибрагиму предложилъ
 Калымъ богатый, обѣщая
 Ему покорнымъ зятемъ быть.
 И, какъ свою зеницу ока,
 Онъ клялся именемъ пророка
 Бубу лелѣять и хранить.
 Блѣдна, безмолвна вышла въ сѣни
 Она рѣшенья ждетъ отца,
 И на чертахъ ея лица
 Видна печать души волненій,
 Какъ въ лонѣ свѣтлыхъ водъ предметъ.
 И былъ отца таковъ отвѣтъ:
 „Большая честь — родство съ тобою,
 „За честь, калымъ благодарю.
 „Клянусь пророка бороною,
 „Съ тобой отъ сердца говорю!
 „Но, Измаилъ, другъ, сынъ безцѣнный!
 „За твой калымъ обыкновенный
 „Дочь не могу тебѣ отдать...
 „Перенося двойную муку,
 „Ружья не въ силахъ ужъ поднять
 „Бубы отдать я клялся руку
 „Тому, кто Пассека убьетъ...
 „Моя могила имъ изрыта...
 „Кто руку русскаго джигита
 „За дочь въ калымъ мнѣ принесетъ?
 „Кто той рукой мечеть украсить;
 „Кто мечь души моей погаситъ?...
 „Клянусь тебѣ Аллахомъ въ слухъ,
 „Лишь за того дочь Ибрагима,
 „Будь онъ уздень или пастухъ,
 „Поидетъ безъ всякаго калыма!..“
 Сталъ Измаилъ кусать свой усъ,

Рѣчами старца изумленный,
И гордо вышелъ онъ съ поклономъ,
Давая знать, что онъ не трусь.

Лучъ дня погасъ, и тѣнь ночная
Въ ущельѣ тѣсномъ ужъ царить;
Потокъ, на камни набѣгая,
Въ тиши почной звучнѣй гремитъ,
И въ этотъ часъ алмазной гривой
Не блещетъ онъ; и подъ горой,
Рога поднявши горделиво,
Олень идетъ на водоной.
Кто въ этотъ часъ, въ горахъ опасный,
Злодѣйствъ отмѣченный чертой,
Съ ружьемъ, надъ пропастью ужасной,
Идетъ излучистой тропой?
Куда ты, путникъ одинокій,
Куда спѣшишь въ недобрый часъ?
Не довѣрайся зрѣнью глазъ:
У ногъ твоихъ обрывъ глубокій.
То шелъ Алли въ далекій путь,
На подвигъ смѣлый, невозможный:
Хотя-бъ на камень придорожный
На часъ присѣлъ онъ отдохнуть,
Онъ пробирается къ границѣ,
Гдѣ Апшеронскій полкъ стоитъ:
Но берегись! — умрешь, джигитъ,
Умрешь, закованный въ темницѣ!
Да и напрасенъ замысль твой
Добыть тамъ руку генерала: —
Волнѣ девятаго ли вала
За первую нестись волной!
Кока-шуринаскаго героя
Ужъ дни судьбою сочтены!
Падетъ онъ жертвою войны,

Въ пылу отчаяннаго боя!
 Онъ будетъ гордостью дружинъ
 И загремѣтъ полкъ Апшеронскій...
 Весь превратился въ слухъ лезгинъ;
 Вдали сталъ слышенъ топотъ конскій.
 Онъ все яснѣй, и стукъ копытъ
 Уже близко сзади раздается;
 На поворотѣ, гдѣ гранить
 Стѣной отвѣсной выдается,
 Покрытый тучкой въ вышинѣ,
 На иноходцѣ — скакунѣ,
 Въ оружьѣ всадникъ показался.
 Въ часъ поздній, въ мѣстѣ томъ глухомъ,
 Съ лицомъ закрытымъ башлыкомъ,
 Абрекомъ съ виду онъ казался.
 — Онъ вѣрно ѣдетъ за душой, —
 За кровь отца или кровь брата,
 Землѣ непреданныхъ родной.
 Врагу, по привиламъ *) адата,
 Позорно кровь родныхъ дарить, —
 Идя, Алли такъ думалъ честный.
 И поспѣшилъ онъ уступить
 Дорогу спутнику. Извѣстный
 Сказавъ въ привѣтствіе „селямъ“.
 Путь стороной держалъ онъ самъ.
 Абрекъ, обычай соблюдая,
 Лишь головой слегка кивнулъ,
 И быстро на него взглянулъ,

*) Адатъ — судъ, основанный на изустныхъ преданіяхъ. Въ противоположность суду по шаріату, адатъ велить, мстить убійцѣ или его родственникамъ смертію же, а иначе неотомщенная кровь падаетъ безчестіемъ на фамилію убитаго. Отсюда вытекаетъ неугасяемое кровомщеніе горцевъ, противъ котораго безсиленъ нашъ законъ, примѣняемый въ настоящее время къ убійцамъ — кровомстителямъ, число которыхъ не уменьшается.

За поворотомъ исчезая.
 О, берегись его, джигитъ!
 Взоръ у него зловѣщій, смѣлый,
 И какъ у барса онъ горитъ,
 А ты вступаешь въ скаль предѣлы:
 Твоя винтовка вѣрно бьетъ,
 Кинжалъ широкій остръ, какъ бритва,
 Но не спасутъ они, — молитва
 Тебя лишь, можетъ быть, спасетъ.

Въ тѣснину узкую вступая,
 Алли съ плеча винтовку снялъ,
 И, пѣсню громко распѣвая,
 Свой путь безопасно продолжалъ.
 Онъ съ чувствомъ пѣлъ, и пѣсни эхо
 Неслось далеко между скаль;
 Растущихъ тамъ лѣсныхъ орѣховъ,
 Щепча, казалось, подпѣвалъ
 Листокъ пѣвцу съ душой наивной:
 И звукамъ пѣсни заунывной,
 При шумѣ водъ въ тиши ночной,
 Природа дикая внимала.
 Вдругъ грянулъ выстрѣлъ подъ скалою,
 И пуля въ грудь пѣвца попала,
 И пѣсни былъ его конецъ:
 Его насквозь пронзилъ свинецъ.
 Но кто убійца? чьей рукою
 Ударъ направленъ мѣтко былъ?
 Кто, притаившись подъ скалою,
 Какъ звѣрь, добычу сторожилъ?
 Луна ужъ всходитъ надъ тѣсниной
 И серебрить отвѣсы скаль,
 Злодѣй, рисуясь тѣнью длинной,
 Идетъ къ добычѣ, какъ шакаль.
 Поодаль конь стоитъ въ тревогѣ,

И, слыша стонъ, и чуя кровь,
 Храпитъ испуганъ, и въ тревогъ
 Бѣжать отъ страха онъ готовъ.
 Храпитъ Алли, и лужа крови,
 Дымясь, сбѣгаетъ подъ бугоръ;
 И вотъ злодѣй, нахмурия брови,
 Въ лобъ пистолетъ навелъ въ упоръ.
 Раздался выстрѣлъ — и настала
 Затѣмъ въ тѣснотѣ тишина.
 Лучами яркими сіяла
 Въ зенитѣ полная луна,
 И, свѣтъ бросая, озарила
 Черты убійца ужъ яснѣй;
 Кажись, черты — то Измаила?
 Да, это онъ — абрекъ... злодѣй!
 Стремясь къ обѣщанной наградѣ,
 Уздень рѣшился на подлогъ,
 Ему безъ трепета во взглядѣ,
 Его свершить кинжалъ помогъ,
 Ужъ мѣсяцъ къ западу склонился,
 Готовясь скрыться за горой,
 И онъ въ обратный путь спустился,
 Съ трофеемъ — правою рукой.

Лежить въ саквахъ трофей кровавый,
 И бьетъ по ребрамъ онъ коня.
 „Хотя трофей добытъ безъ славы,
 „Но выше славы для меня: —
 „За эту кость, за эту руку
 „Убитого мной пастуха
 „Куплю я счастье... Совѣсть муку
 „Я заглушу... Кто безъ грѣха
 „Когда чего нибудь добился,
 „Когда онъ къ счастью стремился,
 „Когда за счастья порогъ

„Прямымъ путемъ ступить не могъ!..
 „Аллахъ простить, простятъ и люди;
 „И какъ мнѣ люди не простятъ? —
 „Я родомъ знатенъ, я богатъ,
 „И деньги имъ даю я въ ссуды;
 „И если-бъ, въ случаѣ подлогъ
 „Мой послѣ какъ нибудь открылся,
 „Кто-бъ за пришельца мститъ мнѣ могъ?
 „И кто-бъ отважился рѣшился!“
 Такъ разсуждалъ уздень съ собою;
 Везя трофей въ замѣнъ калыма,
 Дуль черпѣлъ ужъ подъ горой, —
 Надъ нимъ столбы стояли дыма.

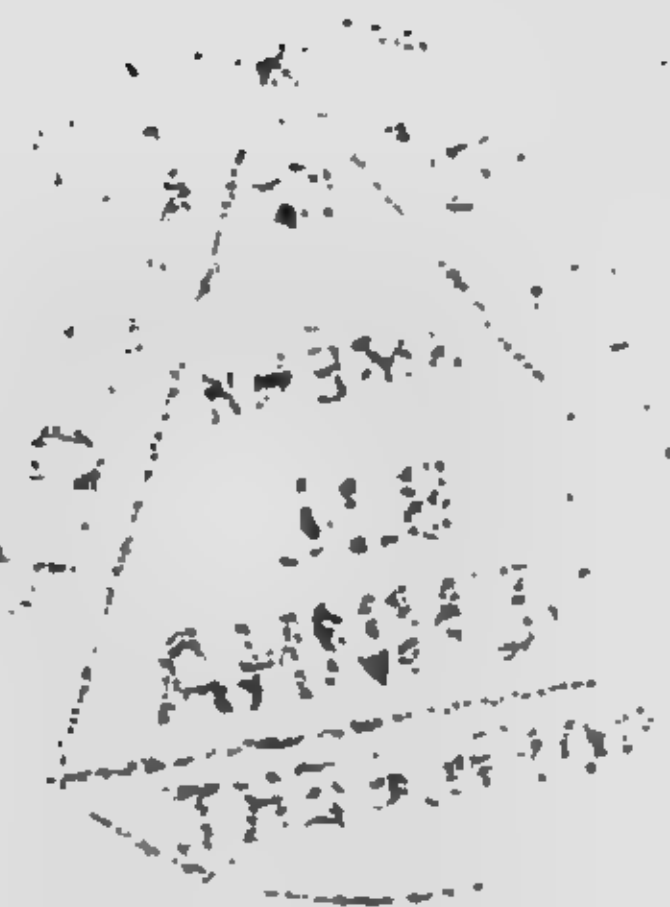
Нѣтъ лучше времени въ горахъ
 Какъ осень. Съ утренней зарею
 Покрыты горы синевою.
 И на лазурныхъ небесахъ,
 Какъ на картинѣ силуэты
 Рисуются руины горъ, —
 И отличить межъ ними взоръ
 Зубцы вершинъ, какъ минареты.
 И допотопные лѣса,
 Стопы обвивши великановъ,
 Напрасно молятъ небеса,
 Прося дождя или тумановъ.
 Въ одинъ такой осенній день
 На кровли, башни Джахъ — ястара
 Народъ, отъ мала и до стара,
 Пришелъ глазѣть: — его уздень,
 Измученъ весь, запачканъ кровью.
 На пятый день скакалъ домой.
 Вотъ онъ, привѣтствуемъ толпой,
 Вокругъ поводитъ гордо бровью —
 И къ Ибрагиму мчится въ домъ.

Почетные собрались гости
И, опершись на палки-трости,
Узденья просятъ объ одномъ,
Про подвигъ разсказать подробно:
Далеко-ль, какъ и чѣмъ убилъ
Гяура храбрый Измаиль.
Съ осанкой гордо-благородной
Имъ разсказалъ красно злодѣй
О днѣ послѣднемъ генерала,
И сколько дней онъ везъ трофеи.
Толпа, разиня ротъ внимала:
Искусно сплетенной разсказъ
Ее привелъ въ живой экстазъ,
И старецъ, въ словѣ честный, твердый,
И славой жениха онъ гордый,
Гостямъ при этомъ говорилъ:
„Завѣтъ отцовъ, завѣтъ адата
„Исполнилъ витязъ за меня;
„Въ калымъ ни серебра, ни злата
„Я не хочу отъ узденя;
„И лишь хочу къ вратамъ мечети
„Рукою собственной джигить
„Пусть эту руку пригвоздитъ.
„Ее узрять мои тамъ дѣти;
„Ихъ ангелъ смерти приведетъ;
„И будь рука лишь не гяура —
„Съ вратъ ангелъ бурею сорветъ“!
Толпа внимала глазъ прищуря,
Когда рѣчь кончилъ Ибрагимъ;
Она, съ условіемъ однимъ,
Его желанье одобрила:
Три дня, три ночи чуда ждать, —
Пройдутъ — и свадьбу вслѣдъ сыграть.
Толпа на пиръ ужъ зубъ вострила.
На то старикъ и Измаиль

Безъ разсужденій согласились.
 И всё, шумя, домою пустились.
 И каждый изъ гостей хвалилъ
 Умъ старика — его даръ главный:
 Хвалили, удивляясь вслухъ,
 И подвигъ Измаила славный.
 А что исчезъ бѣднякъ-пастухъ,
 И къ нимъ въ аулъ не возвратился,
 Тому никто не удивился:
 Онъ былъ имъ чуждъ, былъ бѣденъ, сиръ—
 Онъ никого-бъ не звалъ на пиръ!
 Уже всё ушли, и лишь остался
 Съ своимъ трофеемъ Измаиль.
 Старикъ молчаніе хранилъ.
 И рѣчь начать онъ затруднялся;
 Ихъ обоихъ иной вопросъ
 Смущалъ и ставилъ въ затрудненіе.
 Но скоро кончилось смущеніе:
 Отецъ, схватя трофей, понесъ
 Въ другую сакли половину.

Въ окно дочь грустная глядитъ,
 И, взоръ туманный на долину
 Бросая, тихо говоритъ:
 „Вернись, другъ-сердца незабвенный!
 „Ужель мной данный амулетъ
 „Тебя отъ пули и измѣны
 „Не сохранить въ дорогѣ? Нѣтъ!
 „Я вѣрю въ силу талисмана;
 „Мое мнѣ сердце говоритъ —
 „Тебя въ пути онъ сохранитъ:
 „Съ молитвой списанъ изъ корана
 „Однимъ онъ набожнымъ муллою.“
 Приходъ здѣсь старца роковой,
 Прервавъ тревожное мечтанье,

Привелъ Бубу всю въ содроганье
 И если-бъ вдругъ ударилъ громъ,
 И горы въ бездну провалились,
 Такимъ мертвящимъ чувства льдомъ
 Ея ланиты-бъ не покрылись!
 Но что красавица съ тобой?
 Зачѣмъ такимъ недвижнымъ окомъ,
 Въ смущеннѣй грустномъ и глубокомъ,
 Глядишь? Скажи, зачѣмъ взоръ твой,
 Какъ будто чѣмъ онъ околдованъ,
 Къ рукъ принесенной прикованъ?
 Иль не видала мертвыхъ рукъ,
 Привѣшенныхъ къ вратамъ мечети?
 На нихъ глядятъ безъ страха дѣти,
 Такъ отчего же твой испугъ?
 Она не скажетъ, не отвѣтитъ—
 Отвѣтъ бы сердце все раскрылъ,
 Но взоръ внимательный примѣтитъ,
 Что на рукъ Алли знакъ былъ—
 Рубецъ зажившій, неслучайный.
 Подобный знакъ у горцевъ съ тайной
 Бываетъ связанъ,—и любви,
 И друга клятвы неизмѣнной
 Бываетъ часто онъ эмблемой.
 При этомъ капли три крови,
 Другимъ лицомъ въ водѣ испиты,
 По гробъ скрѣпляютъ звена узъ.
 Клялись такъ прежніе джигиты,
 Вступая въ родственныи союзъ.
 Такъ вотъ причина-то испуга!
 Такъ вотъ какой знакъ приковалъ
 Глаза Бубы!—онъ все сказалъ—
 И злодѣянье и смерть друга...
 Ударъ для сердца громовой
 Недолго, впрочемъ, продолжался:—

Тростникъ погнулся, закачался
 И снова гордо всталъ прямой.
 Бубы все вспыхнуло лицо,
 Во взорѣ молнія сверкала,
 Но тихо вслѣдъ она сказала,
 Увидя жениха кольцо,
 Что ради клятвъ отца и слова,
 Она принять кольцо готова.

Для всѣхъ желанный день пришелъ,
 День пышной свадьбы Измаила.
 Сверхъ мелкихъ штукъ зарѣзанъ вошь,
 Чтобы толпа не охулила;
 А чтобъ народъ чужой и свой
 Его пиръ свадебный прославить,
 Бузу онъ патокой подправилъ,
 И угощаетъ всѣхъ бузой.
 Гудить зурна *) и барабаны
 Подъ звукъ зурны въ тактъ громко бьютъ,
 И пѣснь обычную поютъ,
 И ночью, съ факеломъ нефтянымъ,
 Подругъ поющихъ цѣлый сонмъ
 Ведетъ Бубу къ узденю въ домъ.
 Его мать, съ кишмишемъ, мукою,
 Ее встрѣчая, говоритъ:
 „Да принесешь, дитя, съ собою
 „Къ намъ счастье въ домъ,—да окружить
 „Рой правнуковъ твои колѣни!
 „Войди же, дочь,—благословенный
 „Да будетъ твой въ нашъ домъ приходъ!“
 И здѣсь дрожащею рукою
 Она на дочь кишмишъ съ мукою

*) См. статью „Воспоминаніе муталима“ въ Сборникъ свѣдѣній
 о кавказскихъ горцахъ, за 1868 годъ,

Изъ чашки высыпаетъ. Вотъ, —
 Корову бѣлую выводятъ—
 Отъ матери узденя даръ.
 Такой коровы Джахъ-ястаръ
 Еще не видѣлъ,—но уводятъ
 Ее назадъ:—невѣстка въ домъ
 Идти не хочетъ;—и кругомъ
 Идетъ въ народъ громкій шепотъ:
 „Стыдится въ даръ рогалю взять,
 „Свой родъ не хочетъ унижать.“
 Вотъ слышны ржанье, конскій топотъ,
 И изъ растворенныхъ воротъ
 Ведутъ коня,—и здѣсь народъ
 Уже увидѣлъ даръ узденя:
 Зерномъ откормленный ячменя.
 То конь былъ масти золотой,
 Но крупу съ черной полосой.
 Потупя взоръ, стоитъ старуха;
 Очами, полными огня,
 Взглянувъ на цѣннаго коня,
 Подала знакъ надрѣзать ухо,—
 И гордо въ домъ вошла Буба;
 За ней вошла подругъ гурьба.

Гудитъ зурна, и барабаны
 Бьютъ громко въ тактъ подъ звукъ зурны:
 Идутъ, веселія полны,
 Уздень и кругъ друзей избранный
 Съ пирушки друга холостой...
 Пришли—и шаферъ вызываетъ
 Подругъ изъ спальни молодой,
 Гурьба со смѣхомъ выпорхаетъ.
 И вотъ, смѣнилъ Бубы подругъ
 Одинъ взволнованный супругъ.
 Постель готова новобрачнымъ,

Они вдвоемъ,—и Гименей
 Задвинулъ пологъ свой надъ ней...
 Подъ кровомъ полуночи мрачнымъ
 Чета грудь съ грудью ужъ лежитъ;
 Снаружи двери сторожить
 Товарищъ—шаферъ Измаила:
 Безмолвна и мрачна, какъ ночь,
 Хладна, печальна, какъ могила,
 Лежала Ибрагима дочь.

ИЗМАИЛЬ.

Любви какое выше чувство?

БУБА.

Одно высокое искусство —
 Владѣть оружіемъ стальнымъ,
 Ему теперь предпочитаю...
 Желаньемъ пламеннымъ сгараю —
 Руки движеніемъ однимъ
 Воизить кинжалъ врагу-злодѣю
 По рукоять, по локоть въ грудь!..

ИЗМАИЛЬ.

Но я отмстилъ; вражду забудь;—
 Съ тобою спорить я не смѣю,
 Твои напрасны хоть слова...
 Моя кружится голова...
 Стою у вратъ такъ близко рая.
 Его порогъ переступая—
 О! тамъ найду, чего желалъ,
 О чемъ и день и ночь мечталъ,
 Тоскуя долго одинокій!..
 Буба, вздохъ испустивъ глубокій,
 Какъ зимній ледъ была хладна
 Къ словамъ восторженнымъ супруга:

Жестокой скорби вся полна,
Она звала къ себѣ тѣнь друга.

Потомъ, не двигаясь, нашла,
Что схоронила подъ подушкой
Въ минуту выхода подругъ;
И длинной, страшною игрушкой,
Когда сгоралъ огнемъ супругъ,
Она, откинувъ одѣяло,
Со злобной радостью играла.

И з м а и л ь (обнимая).

О, дай обнять себя, другъ, мнѣ!..
Буба! я весь горю въ огнѣ!

Б у б а.

Нѣтъ, Измаиль, злодѣй, убійца!
Нѣтъ лжець коварный, кровопійца!
Тебѣ не обнимать меня!..
Сгоришь не отъ любви огня—
Умрешь, безчестный, отъ кинжала!..
Злодѣй, умѣй же умирать!..
Буба сквозь зубы прошептала,
И вдругъ кинжалъ по рукоять
Она узденю въ бокъ вонзила...
На утро снова пировать
Друзья сошлись,—и отворила
Тихонько двери спальни мать.
Глядитъ: лежать безъ одѣяла,
Въ объятьяхъ тѣсныхъ и въ крови,—
И матери очамъ предстала
Картина злобы—не любви:—
Въ одной рукѣ кинжалъ сжимала,

Другою мужа обняла—
 Страшна, черна Буба была
 И ярость мщенья выражала.
 Рукою правой Измаиль
 Обвилъ жены плечо и шею,
 Другою за горло давилъ;
 И видно было, что злодѣю
 Въ послѣдній часъ предсмертныхъ мукъ
 Не измѣнила сила рукъ.
 И той ужасной тамъ картинѣ
 Дивились всѣ, и малъ, и старъ—
 И говорить объ ней понынѣ
 Ауль богатый Джахъ-ястаръ.

П а м я т н и к ъ *).

Есть въ Бессарабіи пустынной,
 Среди раздолія полей,
 Изъ камня дикаго старинный,
 Покрытый мохомъ мавзолей.
 Онъ подъ тяжелыми плитами
 Скрываетъ павшихъ въ битвѣ прахъ,
 Едва замѣтными чертами
 Гласить о давнихъ временахъ.
 Но тамъ преданіе осталось,
 Между народомъ надъ Днѣстромъ,
 Что войско польское сражалось
 Съ турецкой ратью въ полѣ томъ;
 Что тамъ, разбитый отступая,
 Погибъ Жолкѣвскій отъ вины

*) Гетману Жолкѣвскому, въ Сорокскомъ уѣздѣ, въ 10 верстахъ отъ м. Аттаки. Памятникъ этотъ имѣетъ форму пирамиды, которой діаметръ въ основаніи $2\frac{1}{2}$ арш. и высота 3 саж.

Правителей роднаго края,
 Далеко внесшихъ мечъ войны.
 Что тамъ, съ дружиной, сыновьями,
 Онъ палъ подъ саблями враговъ,
 Настигнуть дикими ордами
 Вблизи днѣстровскихъ береговъ;
 Что гетманша сама была
 На исторической могилѣ,
 И мавзолеей тутъ возвела
 Въ честь тѣхъ, кто сердцу были милы.
 Преданье говорить, на немъ
 Вверху прибитыя таблицы
 О томъ несчастѣ роковомъ
 Вмѣщали будто бы страницы.
 Теперь слѣды латинскихъ словъ
 Лишь есть на немъ, покрыты мохомъ;
 Но я не могъ прочесть годовъ,
 Увѣковѣченныхъ эпохой.
 Вблизи дороги старый слѣдъ,
 Вдали дорога столбовая,
 И больше ничего тамъ нѣтъ, —
 Лишь степь раскинулась глухая.

В о с п о м и н а н і е

К. Е. Н. Р—ОЙ.

Весна на пиръ свой вызывала.
 И помню, былъ прекрасный день,
 И ароматомъ наполняла
 Ужъ садъ душистая сирень.
 То, помню, день былъ первый мая, —
 И я въ саду сорвалъ сирень,
 И солнце жгло, и разцвѣтая
 Деревья тамъ бросали тѣнь.

Но съ вами я весны веселья
Тогда въ душѣ не раздѣлялъ:
Въ Кавказа дикія ущелья
Мнѣ путь далекій предстоялъ.

Я былъ задумчивъ и печальный,
Когда-жъ разлуки часъ насталъ,
То вмѣстѣ съ вами въ часъ прощальный,
Глядя на васъ, я зарыдалъ.

Меня крестомъ вы осѣнили:
Была ужъ тройка подъ крыльцомъ, —
И вы къ телѣгѣ проводили
Меня съ заплаканнымъ лицомъ.

И кони въ даль меня помчали,
И пыль гналась за мной столбомъ.
А вы на путь мнѣ все желали,
Махая бѣлымъ вслѣдъ платкомъ.

О, помню, какъ вы провожали,
Меня крестомъ въ путь осѣня,
Какъ счастья искренно желали —
Но счастье не ждало меня!..

П р о сь б а.

Г. В. В. Л—МУ.

Товарищъ, встрѣчусь-ли съ тобою?
Ты уѣзжаешь изъ полка, —
Мечта отрадна и сладка
Летѣть на родину стрѣлою.

Летѣлъ бы за тобою вслѣдъ.
И я по твоему примѣру,
Да все препятствія невмѣру,
Притомъ родныхъ давно ужъ нѣтъ,
Лишь есть одна сестра родная;
Она болѣзненна, стара,

Живетъ въ стѣнахъ монастыря,
Въ молитвахъ сердце согрѣвая.

Обитель эта на пути
Тебѣ въ твою страну родную, —
Зайди въ обитель ту святую.
И потрудишься къ сестрѣ зайти.

Она сердечно будетъ рада
И въ путь тебя благословить, —
Конечно, ты поставь на видѣ,
Что другомъ былъ ея здѣсь брата.

Вблизи-жъ, стоитъ гдѣ древній храмъ,
Увидишь домикъ ты съ балкономъ,
Зайди туда съ моимъ поклономъ, —
Тебѣ на память адресъ дамъ.

Въ томъ скромномъ домикѣ, близъ храма,
Гдѣ былъ я нѣкогда знакомъ,
И видѣлъ искренній пріемъ,
Жила одна старушка дама.

У ней племянница была,
Созданье чудное, блондинка,
Нѣжна какъ свѣжая коринка, —
Тогда лишь только разцвѣла.

И если все подъ мирной сѣнью,
Она попрежнему цвѣтеть,
Скажи, что тотъ поклонъ ей шлетъ,
Кто не предалъ ее забвенью;

Скажи, что ей желанья шлю,
Что вижу я во снѣ порою
Все образъ милый предъ собою;
Скажи, что все ее люблю...

Но, нѣтъ! не говори объ этомъ:
Припомнивъ прошлое, она
Была бы, можетъ, смущена
Такою вѣстью, какъ извѣтомъ.

Иль, можетъ, назвала-бъ глупцомъ
 За то, что съ нею, столь прелестной,
 Я, по причинѣ мнѣ извѣстной,
 Не могъ сковать себя кольцомъ;
 За то, что разъ, средь ночи лунной,
 Любви я розу не сорвалъ,
 И отъ любви ея бѣжалъ,
 Когда любилъ ее безумно...

Скажи, что счастливъ я, здоровъ,
 Что полюбилъ я шумъ здѣсь славы,
 Что въ ней для сердца нѣтъ отравы,
 Что для нея кипитъ лишь кровь!
 Что чувствамъ много здѣсь простору,
 Что льстятъ меня кресты, чины,
 Что сердца не тревожатъ сны, —
 Наговори побольше вздору.

1850 г.

С л у ч а й.

Разъ изъ набѣга отступали
 Мы подъ лѣсистую горой;
 Чеченцы сзади провожали
 Насъ съ дикимъ гикомъ и пальбой;
 А справа, изъ кустовъ строчили
 Своимъ порядкомъ насъ во флангъ, —
 И мы съ урономъ проходили.
 Тогда, имѣя первый рангъ,
 Въ цѣпи я правой шель со взводомъ,
 Любили усачи меня:
 Я ласковъ съ этимъ былъ народомъ
 И не страшился съ нимъ огня.
 Съ приказомъ взять опушку лѣса
 Вдругъ адъютантъ въ цѣпь прискакалъ;

И началась въ тотъ часъ піеса,
Лишь только поданъ былъ сигналъ —
Въ колоннѣ грянули изъ пушки.
Бѣгомъ я велъ своихъ людей
Къ занятію лѣсной опушки,
И первый въ сѣнь влетѣлъ вѣтвей.
Въ ушахъ свистѣлъ свинецъ летучій;
Одинъ убить былъ рядовой,
Другихъ же тернъ держалъ колючій.
Гляжу, тамъ съ черной бородой
Стоитъ чеченецъ подъ чинаромъ,
Вперивъ свой жгучій взоръ въ меня;
Его не вынесъ я огня
Очей, горѣвшихъ дикимъ жаромъ...
Мой взоръ смутился и поникъ:
Онъ дуло въ лобъ навелъ винтовки...
Невольно испустилъ я крикъ —
О скорой помощи крикъ громкій...
Одну лишь шашку я съ собой
Имѣлъ въ ту страшную годину,
Но вдругъ явился рядовой
И горцу весь вонзилъ штыкъ въ спину...
Изъ раны кровь его текла,
И вмигъ въ лицѣ онъ измѣнился;
Вздохнулъ и произнесъ „Алла“!
И тутъ же съ жизнію простился.
Съ земли увлаженной поднялъ
Я длинную его винтовку
И съ изумленьемъ увидалъ,
Когда открылъ, взглянулъ на полку,
Что ужъ пуста была она.
Я струсилъ, признаюсь, напрасно:
Со мной исторія смѣшна,
Но съ горцемъ кончилась несчастью.

А л м а з ъ.

Посаженный на почву золотую,
 Какъ ярко онъ горитъ для глазъ!
 Скажи: откуда ты, алмазъ,
 Попалъ на грудь красавицы крутую?
 — Я алчной занесенъ рукой
 Изъ-за морей сюда, въ страну полночи;
 Какой же здѣшной страстной дѣвы очи
 Дерзнуть соперничать со мной?
 — Нѣтъ спора въ томъ, пришелецъ драгоцѣнный,
 Пришелецъ къ намъ изъ-за морей,
 Твой блескъ затмитъ ихъ блескъ очей;
 Ты лучъ и лишь сгараемъ, но нетлѣнный.
 Но благодатный солнца лучъ
 Всѣхъ радуетъ, все оплодотворяетъ;
 А блескъ твой, гордость, зависть пораждаетъ,—
 Тѣмъ только ты, пришлецъ могучъ!

П о с ы л к а.

По просьбѣ вашей шлю для васъ
 Кинжалъ и два ковра:
 Кинжала родина Кавказъ;
 Въ ножны изъ серебра
 При мнѣ облекъ его чеченъ;
 Кто выковалъ клинокъ,
 Страшася, можетъ быть, измѣнъ,—
 Тяжелый молотокъ,
 Да онъ того лишь знаетъ имя.
 Роскошные ковры
 Я здѣсь купилъ у армянина,
 Какъ Персіи дары;

Верблюды принесли ихъ на горбахъ
 Изъ рынковъ Тегерана.
 А, можетъ, выткала въ слезахъ
 Дочь бѣдная Ирана!..

Не мало любилъ и страдалъ я двояко:
 Порой на мгновенье, порою года,
 И билось сердце тревогою всякой,
 И нѣтъ ужъ тревоги въ немъ больше слѣда;
 И нынѣ оно ужъ какъ уголь истлѣвшій:
 Нѣтъ больше въ немъ искры горячей, святой;
 Годъ за годомъ мчится, — какъ мигъ пролетѣвшій,
 Его наполняетъ одной пустотой.
 И тускло вокругъ все, и нѣтъ упованій,
 Нѣтъ въ прожитой жизни отрадныхъ слѣдовъ, —
 И память страшится, не безъ основаній,
 Заглядывать въ область протекшихъ годовъ...
 И что же она тамъ въ туманѣ увидитъ
 Любви вздоръ, ледъ дружбы и шаткость родства...
 Отравой грусть въ сердце холодная снидетъ,
 Когда лишь припомню мечты, хвастовства...
 Еще тамъ, спрошу я, что больше увидитъ?
 Пороки, черты опошлившихся лицъ...
 Остывшее сердце жизнь возненавидитъ,
 При видѣ то грустныхъ, то грязныхъ страницъ...

Ст. Гроз—ская. 1856.

Валерикъ, Гехи и Асса.

„Грустно, больно мнѣ, сестра,
 Какъ прійдетъ мысль, что пора
 Та настанетъ скоро злая,

Когда мы съ тобой, стальная *)
 Здѣсь пропустимъ чрезъ берега
 Ненавистнаго врага...
 Имя славнаго пророка
 Мы на помощь призовемъ,
 Станемъ грудью мы вдвоемъ,
 Отразимъ напасть рока!..
 Не дадимъ рубить лѣса,
 Какъ позволила Асса"...
 Говорилъ такъ Валерикъ,
 И на смѣлый, дерзкій кликъ
 Чечня Малая возстала.
 Шапки вмигъ обнажены,
 И Большой Чечни сыны
 На подмогу къ ней примчали —
 На бой русскихъ вызывали.
 Засверкали вдругъ штыки,
 И нагрянули въ Гехи **);
 Завязался бой кровавый,
 И какого нашъ Двуглавый
 Ужъ давно здѣсь не видалъ,
 Какъ побѣды добывалъ...
 Что тѣснины Дагестана!..
 Вся гехинская поляна,
 Словно плугъ ее вспахалъ,
 Была ядрами изрыта,
 И тѣлами вся покрыта...
 Кто не скажетъ, кто видалъ,
 Что чеченскіе кинжалы

*) Лѣсистое мѣсто Гехи, гдѣ протекаетъ рѣченка этого же названія, значитъ по чеченски *сталь*, какъ Валерикъ рѣчка *смерти*. Суевѣрные горды съ таинственностью говорятъ, что русскіе по этой причинѣ не могутъ здѣсь утвердиться.

**) Въ 1840 г. нашъ отрядъ, шедшій отъ Грозной, здѣсь имѣлъ сильное дѣло.

Тамъ прикладовъ не рубали,
 Но зубрились о штыки?
 Будутъ памятни Гехи!..
 Десять лѣтъ тому минуло —
 Не забыть намъ Валерикъ:
 Поработалъ тамъ нашъ штыкъ *),
 Весь въ крови, въ крови по дуло...
 И рѣченокъ этихъ воды
 И въ былые послѣ годы
 Много славы пронесли,
 Крови много унесли!..
 Но насталъ сорокъ девятый —
 И кровавый Валерикъ
 Буйну голову поникъ
 Въ годъ тотъ славою богатый.
 Вспомнивъ дерзости, Асса
 Буйному не отвѣчала,
 Лишь взглянувъ на небеса,
 На нихъ съ грустью указала:
 Тамъ, подъ ними, на скалы
 Налетѣли ужъ орлы *)!..
 Тщетно помощь призывая,
 Предъ Слѣпцовымъ хищникъ палъ! —
 Отъ Ассы и до Галгая
 Онъ Двуглаваго призналъ.

Ст. Ар—ая. 1850 г.

*) Въ томъ же 40 году, въ руслѣ рѣчки, которое — ничто иное, какъ глубокая природная канава, на днѣ которой въ засуху едва сочится Валерикъ. Еще и теперь въ томъ мѣстѣ, гдѣ переходилъ нашъ отрядъ, подъ начальствомъ генерала Галафѣева, видны гніющія бревна, изъ которыхъ были устроены завалы.

*) Галашевскій отрядъ. Послѣ рукопашнаго дѣла 12-го декабря 1849 г.. въ которомъ Слѣпцовъ на-голову разбилъ тавлинцевъ, присланныхъ на помощь Шамилемъ, всѣ галашевскія общества, жившія по Ассѣ и ея притокамъ, окончательно покорились, до Галгаевского ущелья.

На смерть товарища.

Въ бою кровавомъ, съ угасавшимъ взоромъ,
 Онъ распростертъ былъ на снѣгахъ Чечни;
 Быть можетъ, въ памяти его съ укоромъ
 Толпилися протекшей жизни дни,
 А можетъ, лучшія воспоминанья: —
 Онъ умиралъ... его потухъ ужъ взоръ...
 А раненыхъ, вокругъ него, стенанья
 Шумъ битвы заглушалъ, средъ дикихъ горъ...
 И не одинъ, въ крови, онъ былъ простертый:
 Смерть много сдвинула на вѣкъ бровей.
 Ауль горѣлъ, и дикія когорты
 Дрались за каждый шагъ земли своей...
 По скату стѣнъ глубокой котловины,
 Пробивъ туманъ, лучъ солнечный сквозилъ,
 И на дышавшія еще руины
 Въ послѣдній разъ свое сіянье лилъ.
 Среди онъ ихъ, съ открытыми глазами,
 Лежалъ безъ жизни, блѣдный, на снѣгу;
 А занятъ былъ я пошлыми мечтами...
 Я со стыдомъ вамъ говорю — не лгу...
 Утративъ жаръ, такъ наши умъ и чувства
 Глядятъ съ холодною на все порой, —
 На трудъ страдальческій, на трудъ искусства,
 Въ грязь втоптанный насмѣшливой судьбой.

Ст. А—я. 1851 г.

Александръ Великій.

Идетъ Царь Александръ съ добычей славы,
 Идетъ и грозная его фаланга, —
 Идетъ отъ рубежей своей державы,
 Отъ береговъ далекаго онъ Ганга:
 Идетъ изъ Индіи вспять онъ, стоокій.

Гремятъ тимпаны, трубы и кимвалы;
 Прошелъ Аравіи песокъ глубокій,
 И станомъ сталъ вождь, съ арміей усталой,
 Въ виду чудовищнаго Вавилона,
 Гдѣ мысль имѣлъ, по взятіи стѣнъ Рима,
 Вкопать столбы всемірнаго онъ трона,
 Для геніевъ мысль дерзка исполнима...
 Вотъ вышелъ къ обладателю полсвѣта
 Изъ градскихъ вратъ на встрѣчу волхвъ ученый, —
 Мудрецъ не съ лестью вышелъ для привѣта,
 Нѣтъ! — онъ пришелъ, любовью привлеченный,
 На встрѣчу генію, предстать съ мольбою —
 Чтобы прошелъ царь мимо Вавилона,
 Гдѣ царствовать не суждено судьбою
 Герою, сыну Юпитеръ Аммона, ...
 У вратъ съ чела въ прахъ спала діадима,
 Но царь царей смущенъ не былъ знаменьемъ:
 Порою, какъ густые клубы дыма
 Эолъ своимъ уноситъ дуновеньемъ,
 Высокій умъ попралъ такъ предразсудокъ...
 Смѣнили оргіи думъ начертанья,
 И былъ въ ходу лишь полубога кубокъ,
 И слышались въ чертогахъ ликованья...
 О кубокъ, кубокъ предка Геркулеса,
 Завоевателемъ до дна испытый!
 Наперснику ты славы Ахилеса
 Не съ ядомъ ли, въ часъ пира, былъ налитый? ...
 Испивъ, непобѣдимый царь воитель
 На золотомъ одрѣ въ недугъ изнываетъ,
 И ангелъ смерти, — бичъ гордыни, мститель, —
 Надъ нимъ свое крыло распростираетъ...
 Межъ тѣмъ, какъ онъ тріумфомъ погребальнымъ
 Почтенъ не былъ подвластными вождями,
 Съ раздоромъ, злобой, бѣшенствомъ нахальнымъ
 За власть его шелъ споръ вождей съ женами...

На цѣлый свѣтъ скандалъ былъ непристойный,
 И кончился имперіи паденьемъ...
 Исторія! скажи: кто былъ достойный
 Взять власть его съ всецѣлостнымъ твореньемъ?...
 И пересталъ гремѣть военный геній
 На мира древняго страхъ, удивленье,
 И изъ начальныхъ всѣхъ его твореній
 Остался градъ — Египта украшенье,
 Да осталась побѣдъ его лишь слава...
 По волѣ Іеговы, а не рока
 „Вѣтрамъ всѣхъ странъ дана его держава“,
 Какъ былъ предъ тѣмъ святой глаголъ пророка...
 Но славное его молвою имя
 Живетъ у всѣхъ народностей Востока, —
 Имъ внука нарекла Екатерина,
 И имъ славна у насъ еще эпоха...

Вторая Имперія.

(ПОДРАЖАНІЕ).

Межъ тѣмъ, какъ всѣ, по чувству недовѣрія,
 Бросали взоръ косою на Франціи свободу,
 Возстановилась снова въ ней имперія,
 Съ посулами всѣхъ благъ великому народу:
 Межъ тѣмъ, какъ по міру бродившій праздно родъ
 Изгнанника родъ призванъ на ступеніи трона,
 И съ шумомъ, крикомъ легкомысленный народъ
 Вновь куритъ фиміамъ дѣламъ Наполеона,
 Какъ не сказать: Народъ великій, ты пустой!
 О какъ не повторить такого выраженья!
 Его въ Россіи повторить солдатъ простой...
 Давно ли ты, испивши чашу униженья,
 Насмѣшливый, несправедливый приговоръ
 Въ слухъ произнесъ, лишивъ его правъ гражданина?

За то, что данъ тебѣ Европою отпоръ!
 Давно-ль покоила лонгвундская долина
 Въ забвеніи вождя развѣнчаннаго прахъ,
 А ты,ломавъ, какъ прежде, клятву обѣщаній,
 Изгналъ бурбоновъ родъ, съ насмѣшкой на устахъ?
 Но мы привыкли слышать вопли ихъ изгнаній,
 А пустота твоя не устрашаетъ насъ.

.
 Забыто все — забывчивость непостижима!
 И вотъ, безъ тѣни легкаго упрека, вновь
 Схватился ты за громкое въ народахъ имя.
 Того, кто спасъ тебя, когда точилъ ты кровь...
 И нынѣ зданіе его возстановили,
 Призвали и забытый родъ его на тронъ,
 И стали съ жаромъ рыться вы въ архивной пыли,
 Желая воскресить порядокъ и законъ;
 Но долго ли, среди тщеславныхъ угожденій,
 Французы, будетъ васъ плѣнять глубокій слѣдъ —
 И вашей славы слѣдъ — при немъ всѣхъ учрежденій,
 И родъ его почите ли на много лѣтъ?...
 И я душой взгрустнулъ, когда, живя въ пустынѣ,
 Узналъ, что былъ во Франціи переворотъ, —
 И пожалѣлъ я о Наполеона сынѣ,
 Что Метернихамъ столько лѣтъ внушалъ заботъ,
 Чтобъ о наслѣдіи за Рейномъ не мечталъ онъ...
 И вспомнивъ то, невольно грустно и смѣшно...
 Смѣшно, когда-бъ теперь былъ герцогъ кардиналомъ,
 А грустно — въ немъ дитя за тронъ погублено,
 За тронъ возстановленный нынѣ изъ руины...
 И если духъ вождя летаетъ по ночамъ,
 И будить мертвые на смотръ свои дружины,
 То, пролетая въ полночь, съ вихремъ, по полямъ,
 Встоскуетъ горько онъ по миломъ сердцу сынѣ:
 Зачѣмъ не живъ ближайшій онъ наслѣдникъ трона!..
 И если полетитъ съ тоскою, въ Палестинѣ,

Потомъ на Нилъ, къ гробницамъ вѣчнымъ фараона,
Гдѣ мчится на конѣ, порою, бедуинъ,
Гдѣ ураганъ, кружа, несетъ песокъ зыбучій —
На большей пирамидѣ тамъ, грустя одинъ,
По сынѣ онъ оставитъ слѣдъ слезы горючей...

Ст. М—ая. 1852 г.

К в и р и к и *).

Начальникъ нашего отряда,
Кавказскій старый генералъ,
Не раздѣляя окружавшихъ взгляда,
Впередъ движеніе замедлялъ...
Прошелъ ужъ Май. Пришли къ намъ три дружины
Для операціи на Батумъ.
Нашъ генералъ вдругъ сталъ угрюмъ,
Безъ всякой видимой, кажись, причины.
Съ короткой трубочкой въ зубахъ
Безъ дѣла сталъ шагать онъ у палатокъ;
Въ его задумчивыхъ чертахъ
Досадныхъ; мрачныхъ чувствъ былъ отпечатокъ.
Онъ былъ храбрецъ и хлѣбосолъ;
Всѣ въ нашемъ штабѣ — званный и незванный,
Садись у него за столъ.
Но вотъ, начальникъ штаба и фазаны
Его не стали посѣщать;
Столь рѣзкой переменъ въ отношеніяхъ
Не могъ причины я понять,

*) Названіе высокаго, лѣсистаго отрога Аджарскаго горнаго хребта, упирающагося въ Черное море. За южнымъ склономъ этого отрога находится Батумъ; на сѣверномъ же, въ минувшую войну съ Турціей, сильно укрѣпленномъ, происходили кровопролитныя дѣла 11 и 12-іюня 1877 и 10 января 1878 г., названныя Цихисдзирскими — отъ стариннаго укрѣпленія Цихисдзиры, находящагося на гребнѣ высоты Квирики.

Но кончились мои недоумѣнья —
 Разсѣялъ самъ ихъ генералъ :
 Последней спицы въ колесницѣ
 Узнать онъ мнѣнъе пожелалъ.
 Надъ исправленьемъ диспозицій, —
 Ихъ мнѣ давали исправлять
 И запятыя разставлятъ, —
 До поздней разъ поры я провозился,
 Подстрѣленный*) турецкій песъ
 Въ углу моей палатки шевелился;
 На мѣстѣ томъ онъ, вѣрно выросъ:
 Тамъ домъ, сожженный нами, находился.
 Подобно мнѣ и онъ трудился,
 И онъ, какъ я, не почивалъ:
 Прилежно рану онъ лизалъ;
 Имѣлъ я сожалѣнъе къ ветерану —
 Онъ получилъ за родину ту рану;
 Я никогда его не гналъ,
 И бѣдный песъ за то ко мнѣ ласкался.
 Гляжу: нашъ храбрый генералъ
 Въ дверяхъ моей палатки показался.
 Я всталъ и молча предложилъ
 Ему единственный мой стулъ походный;
 Онъ прежде трубку закурилъ.
 „Вы человѣкъ видавшій и способный“,
 Онъ тихо, медленно сказалъ,
 И дымъ пуская, продолжалъ:
 „Образованъе не мое — простое,
 „При этомъ, знаю, вамъ дано...
 „Искалъ я случая давно

*) Почти всѣ собаки воинственныхъ горцевъ-кабулетцовъ, уда-
 лившихся въ ущелья Аджарскаго хребта, остались на пепелищѣ
 сожженныхъ ауловъ. Воемъ своимъ ночью, вмѣстѣ съ воемъ шака-
 ловъ и дикими перекликами въ лѣсу горцевъ, онѣ наводили уныніе.

„Про затрудненіе мое — большое
„Вамъ откровенно рассказать...
„Желалъ бы мнѣнъе ваше знать:
„Какъ лучше поступить, на что рѣшиться...
„Нашъ генеральный штабъ чрезчуръ храбрится
„Идти теперь же на Батумъ,
„И съ бою взять..., отъ черныхъ думъ
„Тоска гнететъ... да, говорю вамъ прямо...
„Тамъ будетъ бой съ отборнымъ ужъ низамомъ“.
— На вашемъ мѣстѣ, генераль,
— И то, что взято вами, я-бъ оставилъ, —
Отвѣтилъ я. Онъ взоръ въ меня уставилъ, —
Онъ разъясненья ожидалъ,
Бывъ удивленъ такимъ моимъ отвѣтомъ.
Напрасно не теряя словъ на это,
Изъ-подъ подушки я досталъ
Два нумера мнѣ присланной газеты;
На затрудненіе свое отвѣты
Въ одномъ изъ нихъ онъ прочиталъ.
Приведено тамъ было Мольтке мнѣнъе:
По взморью наше на Батумъ движенъе
Въ немъ вождь германскій осудилъ.
Но что сказалъ бы онъ, стратегъ великій,
Когда бы лично тамъ онъ былъ,
Когда бы самъ взглянулъ онъ на Квирики?
Взглянувъ, онъ вѣрно бы сказалъ:
Не взять ихъ вамъ, высоты эти:
Такой позиціи, крѣпчайшей въ свѣтѣ,
Ни кто еще штыкомъ не бралъ!
На ней въ четыре яруса траншеи,
А выше ихъ на гребнѣ батареи
Вселяли страхъ, смущали умъ...
Подъ тяжестью печальныхъ думъ,
На грудь склонивши голову сѣдую
Читалъ въ раздумьѣ генераль.

„Стратегъ ошибку не мою — чужую,
 „Въ своемъ здѣсь мнѣнѣ указалъ...
 „Да, много, много правды въ мнѣнѣ этомъ;
 „Цѣль нашу въ немъ онъ осудилъ предъ свѣтомъ.
 „Онъ компетентный судія...
 „О сколько разъ твердилъ имъ я,
 „Что кромѣ фанатичнаго народа
 „Намъ путь въ Батумъ запретъ еще природа,
 „Потребуя сугубыхъ силъ...
 Онъ кончилъ рѣчь — и вдругъ спросилъ.
 „А ваше мнѣнѣ о Квирики,
 „Укрытой рядомъ батарей?“
 Слыхалъ я въ Гуріи о ней: —
 Ни Баязетъ, ни Амуратъ великій
 Ее взять силой не могли;
 У нихъ, гурійцевъ, есть о томъ преданье;
 О неприступности ея сказанье
 Имъ дѣды ихъ передали.
 Вамъ, полагаю, предстоитъ дилемма:
 Напрасно кровь пролить солдатъ,
 Или другому сдать отрядъ,
 Въ столь полное событій важныхъ время.
 Во всякомъ случаѣ избрать
 Вы вправѣ лучшее для васъ рѣшенье;
 Но слѣдуетъ просить, писать,
 Чтобъ вамъ скорѣй прислали подкрѣпленье,
 По крайней мѣрѣ два полка...
 Въ войнѣ опасно свысока
 Глядѣть — питать къ врагу пренебреженье;
 Здѣсь кстати помнить это изрѣченье, —
 Его сказалъ Наполеонъ.
 Такъ откровенно я ему отвѣтилъ.

.

.

Прислали вмѣсто двухъ полковъ :

Одинъ и съ нимъ три пѣшихъ батареи, —
 И въ исполненіе смѣлыя затѣи
 Мы стали тотчасъ приводить.
 Настали дни, — ихъ пережить
 Не всѣмъ тамъ было суждено судьбою...
 Готовились къ упорному мы бою.
 Приѣхалъ генералъ другой, —
 Вѣкъ отжившій старикъ крутой, —
 Начальствовать надъ нашими войсками.
 Рѣшилъ онъ штурмомъ гору брать, —
 И диспозиціи*) писать
 Поспѣшно стали. Дня кровавой драмы
 Безъ вѣры въ шансы ждали мы.
 И межъ бывалыми людьми,
 Видавшими войну, шли разсужденья,
 Что турки намъ дадутъ отпоръ;
 И слышенъ былъ за мнѣнья споръ, —
 То были все недобрыя знаменья!
 Вотъ нами жданный день насталъ;
 Едва лишь запылалъ востокъ зарею,
 Ракета взвилась огненной змѣею:
 То былъ въ атакѣ нашъ сигналъ;
 По третьей вдругъ забили барабаны,
 И грянулъ залпъ изъ батарей.
 Промчались въ свитѣ красные фазаны,
 И генералъ кричалъ: „живѣй,
 „Вы, лѣстницы несите штурмовыя!“...
 И турокъ вызовъ нашъ принялъ,
 И съ броненосцевъ бомбы пудовыя
 Бросая, флангъ нашъ поражалъ;
 И задымилася въ огнѣ Квирики,
 И молній непрерывный блескъ

*) Передъ боемъ 11 и 12 іюня 1877 г. три раза мѣняли диспозицію.

Мелькалъ, — и слилось все, и горцевъ крики,
И пушекъ гулъ, и ружей трескъ
Въ хаосъ короткихъ и протяжныхъ звуковъ ...
Былъ полдень, — раненыхъ несли;
Искажены черты ихъ были мукой,
И у иныхъ, какъ цвѣтъ земли,
Отъ дыма, копоты чернѣли лица,
Отъ бомбъ трещалъ вокругъ насъ лѣсъ,
И были псы, и вся лѣсная птица
Поднялась съ крикомъ до небесъ ...
Потребовали весь резервъ, — съ музыкой
Черезъ темный лѣсъ онъ проходилъ;
Сквозь дымъ лучъ солнца золотилъ
Вершины скалъ и моря зыбь. Вдругъ дикій
Въ лѣсу раздался горцевъ гикъ:
Толпа обходомъ тылу угрожала;
Былъ впереди ея старикъ,
Мулла; но скоро вспять она бѣжала:
Картечь и залпами свинецъ
Ее разстроили въ конецъ.
Не то явили таборы низама
На укрѣпленныхъ высотахъ:
Тамъ шла уже не шуточная драма,
Тамъ былъ за турокъ самъ Аллахъ;
И тамъ гремѣло больше ста орудій,
И съ права флотъ не умолкалъ;
И умирали даромъ наши люди:
Ихъ врагъ незримый поражалъ ...
И тѣ, что лѣстницы несли, тамъ пали,
Отъ пуль изъ встрѣченныхъ траншей;
И лишь къ одной изъ батарей
Охотники отважно добѣжали.
Ихъ помню, семь я насчиталъ,
Съ вершины исполинскаго кургана.
Одинъ, другой — четвертый палъ, —

Бѣжали три... Рожки безъ барабана
 Сыграли къ вечеру кругомъ.
 И вотъ, подъ пушекъ гулъ и громъ,
 Колоны наши къ рѣчкѣ отступили
 И залегли у береговъ.
 Измучены и голодны всѣ были:
 Никто не спалъ: бой ночью вновь
 Начался и гремѣлъ онъ до разсвѣта;
 И въ дымъ съ огнемъ окутана, одѣта,
 Всю ночь Квирики, какъ перунъ,
 Метала молніи, чугунъ.
 Съ началомъ дня огонь затихъ. Колоны
 Послали раненыхъ убрать;
 Въ лѣсу по высямъ раздавались стоны
 И ихъ мольбы — не покидать.
 Еще не всѣхъ полуживыхъ прибрали,
 Какъ изнова начался бой;
 Его ужъ турки первые начали.
 Вдругъ измѣнивъ обычай свой,
 Ихъ таборы съ высотъ и изъ закрытій
 Спустились безстрашно внизъ,
 На знамени ихъ былъ девизъ:
 Насъ истребить иль пасть въ борьбѣ открытой.
 Вверхъ, подъ защиту батарей,
 Не устоявъ въ борьбѣ, они бѣжали;
 Тѣла ихъ грудами въ лѣсу лежали,
 Добычей сдѣлавшись звѣрей,
 Но все еще гудѣла канонада,
 Какъ съ той, такъ и съ другой сторонъ.
 Сочли людей — и нашъ уронъ
 Не малый былъ для нашего отряда.
 На завтра вечеромъ, въ пыли,
 Въ крови, мы съ поля битвы отступали,
 И все что кровью мы взяли,
 Теперь, обливъ вновь кровью, покидали!...

Колонны двинулись назадъ,
 На сборный пунктъ, назначенный заранѣ:
 Здѣсь простоялъ два дня отрядъ,
 И здѣсь мы посчитали наши раны,
 И раненыхъ транспортъ *) большой

П ѣ с н я .

Про гибель Михайловскаго укрѣпленія и подвигъ
 самоотверженія рядового Архипа Осипова.

Съ шумомъ, грохотомъ стремится
 Въ море Черное Вуланъ;
 За волной волна вслѣдъ мчится,
 Съ горъ несетъ Кавказа дань.

Ты видала, рѣчка, диво,
 Какъ нашъ Осиповъ, Архипъ,
 Сдѣлалъ взрывъ и самъ во взрывѣ
 Съ непріателемъ погибъ.

Разскажи же, чтобъ всѣ знали
 Про судьбу богатыря, —
 Разскажи, какъ умирали
 За Россію, за Царя!

И подробно разсказала
 Быстра рѣченька о томъ,
 Какъ Михайловское пало
 Въ прахъ въ году-сороковомъ!
 — Подъ начальствомъ главнымъ Лико

*) Вынесенныхъ раненыхъ, по недостатку перевозочныхъ средствъ, отправляли на вьючныхъ черводарскихъ лошадяхъ такимъ способомъ: концы двухъ переплетенныхъ хворостомъ жердей привязывали къ сѣдламъ двухъ лошадей — одной впереди, другой позади. На каждой такой люлькѣ поднимали двухъ раненыхъ: такой способъ транспортированія ихъ нерѣдко употребляли въ Кавказской войнѣ и здѣсь, какъ нельзя болѣе кстати, былъ примѣненъ по указанію покойнаго гечерала Денибскова, стараго кавказца.

Гарнизонъ въ пятьсотъ штыковъ,
Окружонъ толпою дикой,
Сталъ считать — не счелъ враговъ.
Но начальникъ тотъ бывалый,
Не смутившись, говорилъ:
„Вы, ефрейторы. капралы,
„Не считайте вражьихъ силъ!
„За Аргуномъ, за Лабоею,
„Въ Дагестанѣ за хребтомъ,
„Тамъ ихъ силу больше вдвое
„Разбивали мы, какъ громъ!
— На защиту укрѣпленья
Убѣждалъ такъ, ободрялъ,
И не видя онъ спасенья,
„Погребемъ врага!“ сказалъ.
— И той волюшкой удалой
Гарнизонъ сталъ бодръ, силенъ,
И три раза отбивалъ онъ
Штурмъ на главный бастіонъ,
И ту волю въ исполненье.
Храбрый Осиповъ привелъ:
Взрывъ разрушилъ укрѣпленье,
На валы лишь врагъ взошелъ.
Онъ свой подвигъ славный смѣло.
И умѣючи свершилъ,
И его лишь помнить дѣло
Онъ товарищей просилъ.
И завѣтъ его узнали
Черезъ оставшихся въ живыхъ,
И приказъ о немъ отдали
Для частей всѣхъ строевыхъ.
И въ приказѣ рассказали,
Какъ при штурмѣ полегли
Рядовые и капралы,
Офицеры какъ легли.

Краусгольдъ тамъ, подпоручикъ
Бравый ротный командиръ,
Первый легъ у царскихъ пушекъ,
Въ новенькій одѣтъ мундиръ.
И легли, въ рукахъ съ булатомъ,
Вѣрно долгъ исполнивъ свой,
И начальникъ храбрый съ братомъ
И Гаевскій молодой.
Защищаясь молодецки,
Вслѣдъ легли тамъ у валовъ
И подпрапорщикъ Корецкій,
И фельдфебель съ нимъ Камленъ.
И тѣла ихъ всѣ остались
На разрушенныхъ валахъ
Звѣрю, коршуну достались, —
Разнесло ихъ вѣтромъ прахъ.
Такъ погибъ по Божьей волѣ
Гарнизонъ нашъ изъ трехъ ротъ;
Въ двадцать разъ силъ вражьихъ болѣ
Тамъ напало на пятьсотъ
И погибло укрѣпленье
Такъ врагамъ Руси на страхъ,
И великое смятенье
Было въ горскихъ племенахъ
Но, погибнувъ, сохранился
Въ сердцѣ русскомъ тотъ оплотъ,
Чтобъ вовѣки имъ гордился
Православный весь народъ.
Чтобъ солдаты молодые,
Время ихъ когда прійдетъ,
Вспомнивъ подвиги былые,
Воскресли храбрыхъ родъ.

Напечатано во „Владикавказскомъ листкѣ объявленій“ № 13,
1881 года.

На Валерикъ.

Въ странѣ, гдѣ долго мечъ царилъ съ пожаромъ,
И жилъ воинственный народъ,
Гдѣ каждый кустъ достался намъ не даромъ,
И кровь текла изъ году въ годъ, —
Впервые я, попавши въ полкъ старинный,
Услышалъ въ дѣлѣ пули свистъ.
Былъ, помню, зной, и темный листъ
Манилъ подъ сѣнь; цвѣтами и малиной
Краснѣлъ на Валерикъ нашъ путь.
Отъѣхалъ я за цѣпь — взглянуть
На интересную вблизи картину:
Какъ коршуны, слетались въ долину
Джигиты — встрѣтить насъ свинцомъ.
Хватили въ нихъ сперва ядромъ;
Я заглядѣлся. Сочную малину,
Межъ тѣмъ, давай солдаты рвать.
Вотъ слышу крикъ: „не гни вы спину!
„Эй, вы — въ цѣпи! не отставать!“
Вдругъ залпъ — и ягоды солдатикъ рвавшій
Убить былъ пулей наповалъ.
Полковникъ, изъ колоны прискакавшій,
Сверкнувъ глазами, мнѣ сказалъ:
Что отъ меня въ цѣпи всѣ безпорядки,
Что я на мѣстѣ не своемъ;
Грозилъ арестомъ мнѣ, судомъ, —
Арестомъ кончились его нападки,
И памятенъ мнѣ Валерикъ,
Не боемъ — этимъ случаемъ со мною!
У берега наибъ Талгикъ
Насъ встрѣтилъ перестрѣлкою пустою.
Но девять лѣтъ предъ тѣмъ назадъ
Прошелъ по трупамъ тамъ отрядъ;
А въ бывшихъ крѣпкихъ изъ колодъ завалахъ,

Устроенныхъ въ руслѣ рѣки,
 Былъ два часа бой *) на штыкахъ, кинжалахъ!
 Когда отрядъ тотъ чрезъ Гехи
 Шелъ жечь, громить аулы подъ горами;
 Въ движеніи туда крови ручьями
 Увлажилъ онъ путь въ дебряхъ свой.
 Тамъ былъ и ты, поэтъ, въ дни испытанья
 Попавшій на Кавказъ за наказанье,
 И ты тотъ видѣлъ страшный бой,
 Увѣковѣченный твоимъ твореньемъ, —
 Заваловъ въ рѣчкѣ смерти рядъ,
 Потоки крови и съ мрачнымъ выраженьемъ
 Суровыхъ плакавшихъ солдатъ
 Надъ умиравшимъ храбрымъ командиромъ,
 Который кровью истекалъ
 И тише, тише все шепталъ,
 Подъ дубомъ разставаясь съ этимъ міромъ...
 О чемъ же храбрый лепеталъ,
 Когда подъ тѣмъ онъ дубомъ понемногу
 Вручалъ свою навѣки душу Богу?
 Того ты намъ не досказалъ;
 Неполно, блѣдно и твое сказанье
 О боѣ въ рѣчкѣ на штыкахъ:
 Еще живетъ въ полкахъ о немъ преданье,
 И вѣчно будетъ жить въ горахъ!
 Какъ очевидецъ, могъ сказать ты болѣ
 Того, что ты о немъ воспѣлъ;
 Въ дни испытанья, видно, поневолѣ
 Всего сказать ты не хотѣлъ!...

Святѣе видѣніе.

Производилъ я слѣдственное дѣло,
 Чудесный былъ въ немъ эпизодъ,

*) 30 октября 1840 года во время возстанія Чечни.

Включенный мною въ протоколъ всецѣло,
 Какъ фактъ, вселившій страхъ въ народъ
 Въ селеніяхъ Оссетіи нагорной,
 Забывшій праотцовъ завѣтъ,
 Какъ фактъ, пролившій въ душу свѣтъ
 Прельщенныхъ басней Магомета вздорной,
 Въ горахъ, гдѣ бѣшеный Урухъ
 Въ бездонной трещинѣ волной сверкаетъ,
 Гдѣ конь храпитъ, и взоръ, и слухъ
 Вокругъ природа дикая пугаетъ,
 Стоитъ поросшій мохомъ храмъ.
 Гранить со сланцомъ пополамъ
 Въ стѣнахъ его срослись, и весь онъ черный. —
 Давно съ вѣками онъ въ борьбѣ упорной!
 Но уцѣлѣлъ на немъ символъ —
 Символъ священный отъ временъ Тамары;
 Ни бури, ни большой орды татары
 Не тронули его, лишь полъ
 Въ немъ позже тронуть хищною рукою.
 Забыть стоитъ съ поникшей онъ главою
 И слушаетъ рѣки злой гулъ.
 Угрюмый съ башнями аулъ
 Уже для жертвъ безкровныхъ, для моленій,
 Не ходитъ въ свой старинный храмъ,
 И попуская мерзость, срамъ,
 Имѣлъ и цѣль онъ дерзкихъ разрушеній;
 Отступники хотѣли снять
 Плиту съ церковной каменной ограды,
 Но были дерзости своей не рады:
 Одинъ съ увѣчемъ былъ поднять,
 Другой убить былъ рухнувшей плитою.
 Въ одной верстѣ отъ храма, подъ горою,
 Побѣговъ молодыхъ полна,
 Есть роща изъ березъ, — она
 Посвящена явителю дѣлъ чудныхъ,

Помощнику въ скорбяхъ, болѣзняхъ трудныхъ.
 Усердьемъ первыхъ христіанъ
 Ему и храмъ былъ посвященъ когда то,
 Когда бичи народовъ, странъ
 Дарили только слабымъ жизнь за злато.
 Святитель Николай Святой,
 Невѣрнымъ опечаленный тѣмъ людомъ,
 Не пощадившимъ рощи этой,
 Явилъ во очію надиво чудо:
 Явился старшинѣ днемъ онъ,
 Въ сіявшей ризѣ, какъ огонь,
 И голосомъ, какъ трубный звукъ, загробнымъ,
 Во тѣмъ заблудшимъ, вѣрою неплоднымъ,
 Въ лицѣ аула старшины,
 За срамъ и разореніе святыни,
 Онъ пригрозилъ имъ карами такими: „Хазби! Хазби!
 „И ты не пощадилъ завѣтной рощи!
 „Да будешь нѣмъ въ теченіи дня и ночи!
 „Когда-жъ отверзнутся уста,
 „Повѣдай имъ, что все свята,
 „Что все мила она мнѣ и понынѣ:
 „Ихъ праотцы въ жестокія години,
 „Когда за крестъ въ краю родномъ,
 „Травили псами, жгли огнемъ, —
 „Ее мнѣ посвятили, и въ гоненіи
 „Они меня молили о спасеніи.
 „Я гласъ услышалъ отъ сердець;
 „Моей молитвой, наконецъ,
 „Молитвою у Вышняго Престола,
 „Имъ Богъ помогъ, Богъ христіанъ —
 „И край почилъ отъ бѣдъ, отъ ранъ.
 „Но ваша нынѣ дерзко-злая воля
 „Нарушила отцовъ завѣтъ,
 „И будетъ вамъ на много лѣтъ
 „Золъ предками вкушонныхъ болѣ вдвое.

„Коль станете вы попускать
 „Впредь мерзость, срамъ и разорять
 „Мнѣ посвященное, навѣкъ святое“!..
 Упавъ, какъ бурей сдунутый листокъ,
 Хазби воскликнулъ: „О, Святой *) Пророкъ!
 „Виновны мы предъ Богомъ и Тобою!“
 Лишь только это онъ сказалъ, —
 Когда впервые искренно съ мольбою
 Свою виновность онъ созналъ, —
 Исчезло вдругъ чудесное видѣнье;
 На томъ же мѣстѣ онъ — и въ то-жъ мгновенье,
 Узрѣлъ огромнаго орла,
 Вверхъ съ поднятой высоко головою.
 Орелъ поднялся къ небесамъ стрѣлою,
 И сводъ небесъ покрыла мгла...
 Хазби возсталъ, — испуганъ, потрясенный,
 Онъ сутки былъ безъ языка;
 Теперь Святому рощи посвященной
 Ни чья не рубить ужъ рука!

Примѣчаніе. Описанный здѣсь храмъ — Донюфарскій — одинъ изъ древнѣйшихъ въ горахъ Оссетіи. Онъ нѣкогда былъ монастырь, посвящ. Святителю Николаю Чудотв. Бывшіе его прихожане, совратившіеся въ магометанство въ 1850-хъ годахъ послѣ чудеснаго явленія аульному старшинѣ Хазби Бетрозову, перестали брать каменные плиты, дѣлать оскверненія и рубить рощу, посвящ. Святому; а старики вновь стали соблюдать христіанскіе посты и праздники, и въ дни Святаго приносить ему и жертвы, по народному издревле обычаю.

Разсказъ Бетрозова многимъ, въ томъ числѣ и начальствовавшимъ въ Оссетинскомъ округѣ лицамъ. былъ дословно мною занесенъ въ протоколъ, какъ фактъ благотворно повліявшій на шаткихъ въ вѣрѣ христіанъ ближайшаго къ Донифарсу населенія. Во время производства мною слѣдствія, объ отступленіи отъ христіанства въ Оссетіи болѣе тысячи дворовъ, я былъ въ 1867 г. въ этомъ аулѣ и

*) Горцы магометане называютъ Св. Николая Чудотворца Пророкомъ.

на мѣстѣ слышалъ о чудесномъ явленіи Св. Чудотворца. Оно, по словамъ очевидца, происходило такъ: срубивъ дерево, онъ услышалъ въ роцѣ громкій голосъ: „Хазби! Хазби!“ Думая, что это называетъ его по имени докучливый кредиторъ, онъ отозвался: — не безпокойся, долгъ мой я тебѣ заплачу скоро. Невидимый на это возразилъ: „я не тотъ, за кого ты меня принимаешь; но ты, какъ и всѣ твои односельцы, мнѣ также должны. Я Пророкъ Николай!“ И въ это мгновенье передъ глазами пораженного Бетрозова предсталъ, въ близкомъ разстояніи, Святой, — какимъ его изображаютъ на иконахъ, — въ необыкновенно сіявшемъ святительскомъ облаченіи, и грознымъ, громогласнымъ голосомъ ему, павшему на землю, сказалъ все то, что выражено мною въ стихотворной формѣ. Послѣ исчезновенія видѣнія, принявшаго образъ улетѣвшаго въ высь огромнаго орла, и сдѣлавшейся, затѣмъ, мглы, Бетрозовъ едва пришелъ въ себя отъ ужаса. и только на другой день въ состояніи былъ рассказать своимъ односельчанамъ обо всемъ, имъ видѣнномъ и слышанномъ.

П р о р о к ъ.

— По волѣ Я Творца земли, Царя небесъ
 Прошелъ страны земныя свѣта,
 И тьму явилъ Я имъ невиданныхъ чудесъ —
 И тщетно ждалъ на нихъ отвѣта!
 Принесъ я на посѣвъ имъ лучшаго зерна,
 И плевелы громилъ нещадно;
 На стогнахъ и изъ позлащеннаго окна
 Глаголъ мой слушали всѣ жадно.
 Судья, купецъ, патрицій, грѣшница, жена,
 Потупя взоры, мнѣ внимали.
 „Кто онъ? какою жолчью рѣчь его полна!
 „Чего онъ хочетъ?“ вопрошали.
 „Ужель ему средь насъ несродны ухищренья,
 „Ложь, лицемѣріе, порокъ?“
 Сказали: „онъ не тотъ, кого мы ждемъ явленья“.
 — Я былъ неузнанный Пророкъ?
 И лишь немногіе меня въ тѣ дни признали,
 И то все нищіе какъ я;
 Они за истину со мною пострадали,

И шли за мной во всѣ края.
 И въ тѣхъ они краяхъ и знойныхъ и холодныхъ
 Мое посѣяли зерно,
 Недавшее желаннаго — имъ правъ свободныхъ;
 Но міру давшее оно
 Всѣхъ большее, всѣхъ высшее изъ благъ небесныхъ
 И сладостнѣй всѣхъ сладкихъ сновъ:
 Въ цѣпяхъ и недугахъ душевныхъ и тѣлесныхъ
 Надежду, вѣру и любовь.
 Напечатано въ № 175 газеты „Свѣтъ“, за 1883 г.

С п о р ъ.

Въ ратномъ станѣ за рѣкою,
 У шатра вдали,
 Воеводы межъ собою
 Споръ разъ завели
 „Городъ надо брать намъ съ бою,
 „Штурмомъ надо брать;
 „Я ручаюсь головою —
 „Имъ не устоять!
 „Вѣрьте будемъ завтра съ вами
 „На валахъ стоять,
 „И побѣду надъ врагами
 „Громко ликовать!“
 Въ дни намъ памятнаго года
 Такъ затѣялъ споръ,
 Говорилъ такъ воевода —
 И вошелъ въ шатеръ;
 И оттуда выйдя съ планомъ,
 Снова продолжалъ:
 „Здѣсь мы будемъ завтра рано!“
 Валъ онъ указалъ.
 Но сѣдой весь воевода,
 Опытомъ богатъ,

Не изъ знатнаго онъ рода,
 Пожалѣлъ солдатъ;
 И на это такъ отвѣтилъ:
 „Я въ трубу другой
 „Валъ за этимъ разъ примѣтилъ;
 „Грозный валъ, крутой!...
 „Какъ бы съ вами, воевода,
 „Дѣло порѣшить?
 „Какъ бы много намъ народа
 „Штурмомъ не сгубить?
 „Лучше городъ мы осадой
 „Правильной возьмемъ,
 „Хоть и будутъ здѣсь досада,
 „Порицаній громъ,
 „Хоть мы эдакъ можемъ съ вами
 „Поотнять наградъ;
 „Но мы кровью и костями
 „Не наполнимъ градъ.
 „Градъ онъ — крѣпость отъ природы,
 „Страшно укрѣпленъ;
 „Взяли-бъ — ахнули-бъ народы;
 „Самъ Наполеонъ,
 „Этотъ воинъ отъ рожденья,
 „Вѣрно-бы сказалъ:
 „Лавръ достойный удивленья
 „Русскій штыкъ пожалъ...
 „Не пожать здѣсь, воевода,
 „Лавровъ этихъ намъ:
 „Штыкъ слабѣтъ годъ-отъ-года —
 „Здѣсь не Ардаганъ!“
 Воевода, третій, малый,
 Слушая сказалъ:
 „Воеводы-генералы!
 „Я возьму тотъ валъ!
 „Только дайте мнѣ въ подмогу

„Храбрый полкъ одинъ,
„Я открою вамъ дорогу
„Вонъ до тѣхъ вершинъ!
„И пролью немного крови, —
„Безъ крови не быть“.
Но нахмурилъ старый брови,
Быстро сталъ ходить;
И крутя усы сѣдые,
Рѣзко возразилъ:
„Воеводы молодые!
„Вашъ умѣрьте пылъ:
„Передъ валомъ тѣмъ глубокий
„Съ засѣкою ровъ...
„Потекутъ крови потоки, —
„Даромъ храбрыхъ кровь...
„Всякъ здѣсь, мучимъ честолюбьемъ,
„Кровь бы лить желалъ...
„Нѣтъ, взять можно лишь орудьемъ —
„Не штыкомъ тотъ валъ!“...
Но тотъ третій, въ младшемъ чинѣ,
Правду говорилъ:
Штыкъ трехгранный нашъ понынѣ
Славы не сгубилъ;
Подъ его командой славной
Валъ онъ одолѣлъ.
Бой былъ страшный, бой неравный —
Витязь уцѣлѣлъ.
И онъ умеръ; и такъ странно
Жертвой смерти сталъ...
Не на полѣ умеръ бранномъ,
Какъ того искалъ...
Да, скосила смерть героя,
Витязя того!...
И молясь у аналоя
По душѣ его,

Младъ и старецъ съ сѣдиною
 Свѣчку подали,
 И съ сердечной простотою
 Всюду рѣчь вели:
 „Кто же нынѣ межъ вождями
 „Будеть намъ стѣной,
 „Двигать храбрыми полками,
 „Смѣло вести ихъ въ бой?
 „Кто умѣетъ передъ битвой,
 „Градомъ изъ свинца,
 „Жаркой рѣчью, какъ молитвой,
 „Зажигать сердца?
 „Кто онъ? — кто? они спросили;
 „Есть ли онъ иль нѣтъ?“ —
 Споръ горячій такъ рѣшили:
 — Дастъ война отвѣтъ?

Напечатано въ № 176 газеты „Свѣтъ“, за 1883 годъ.

М о л в а.

„Пробудися, полуночный,
 Богатырь — колоссъ!
 На рѣшеніе восточный
 Выступилъ вопросъ.
 Ужъ придумалъ рыцарь планы,
 Какъ его рѣшить,
 Взять онъ дастъ тебѣ Балканы
 Чтобъ друзьямъ всучить...
 Онъ на это тароватый,
 Мастеръ проводить!
 Планъ его мое мнѣ злато
 Помогло раскрыть.
 Развернися же могучій
 Богатырь царей,
 Можетъ грянуть громъ изъ тучи

Средь твоихъ полей...
 На меня ты не сердися
 За рядъ прошлыхъ бѣдъ.
 Старца болѣ не страшися,
 Страшенъ твой сосѣдъ"...
 Предъ великою борьбою,
 Устрашившій міръ,
 Такъ покрытый сѣдиною,
 Молвилъ богатырь
 Старецъ палъ въ борьбѣ неравной,
 Кровью онъ истекъ;
 Взоръ его соперникъ главный
 Бросилъ на востокъ.
 И въ тѣ дни, какъ витязь плѣнный
 Со слезой давалъ
 Выкупъ тяжкій драгоцѣнный,
 Русскій людъ сказалъ:
 „То-то будетъ хлопотъ
 Нашему теперь!...
 По краямъ интрига, шопотъ
 Настежъ всюду дверь...
 До границъ дорогъ не много
 И тѣ въ чьихъ рукахъ?
 Пассажиръ хранимъ лишь Богомъ...
 На всѣхъ поѣздахъ...
 Интендантскіе запасы.
 Темная — статья;
 Войскъ испытанныхъ хотъ массы,
 Сути нѣтъ — ружья...
 Генералы боевые...
 Много-ль ихъ въ живыхъ?
 Развѣ выйдутъ молодые
 Изъ бурь боевыхъ...
 И не та ужъ дисциплина,
 Духъ вездѣ не тотъ;

Колоссальная машина
Медленно идетъ...
И дошелъ сей говоръ громкій
И до высшихъ сферъ;
И пошли порядковъ ломки,
И идутъ теперь...
Богатырь нашъ! не напрасно
Въ тѣ дни говоръ былъ;
Зла, хлопотъ тебѣ ужъ гласно
Рыцарь натворилъ...
Развернися-же могучій
Богатырь Царей!
Чтобъ не грянулъ громъ изъ тучи
Средь твоихъ полей...
Облекися въ панцырь прочный
Богатырь колоссъ!
Чтобъ ты могъ рѣшить восточный
На всегда вопросъ, —
Этотъ для тебя извѣстный,
Роковой вопросъ,
Ради коего ты тщетно
Столько жертвъ принесть!

На годовщину смерти М. Д. Скобелева къ славянамъ.

Вздыхала, рыдала Москва
И тризны во храмахъ справляла,
Зловѣщая въ массахъ молва
До басни смѣшной выростала.
Надъ кѣмъ же, съ печальнымъ лицомъ
Какъ въ горести жгучей орлица,
Надъ милымъ сраженнымъ пленцомъ,
Сѣдая склонилась столица?
По комъ же — и вслѣдъ за Москвой,
Вся Русь, сожалѣя, вздыхала?

Кому, съ непритворной слезой,
 Послѣдній она долгъ воздавала?
 Для горя причина была, —
 Не даромъ склонялись въ молитвѣ.
 Россія лишилась орла,
 Полетомъ могучаго въ битвѣ!
 Войска и всѣхъ званій народъ
 Ему то долгъ этотъ воздали,
 Его преждевременный гробъ
 Съ горючей слезой провожали!
 И вѣсть объ несчастіи томъ,
 Промчалась на югъ за Балканы, —
 Славянъ поразила какъ громъ
 П болью проникла въ ихъ раны...
 Не стало щита у славянъ.
 И это они ужъ сознали,
 И въ скорби отъ будущихъ ранъ.
 Героя, какъ мы, поминали...
 Вокругъ не проглядно — темно,
 Но близится день роковой...
 У шваба готово ярмо
 И въ позѣ тевтонъ боевой...
 Сплотитесь, Славяне, стѣной
 Предъ тучей, имѣющей хлынуть,
 Не дайте землѣ вы-родной
 Въ неволѣ на вѣки загинуть;
 И дайте отпоръ безъ орла,
 Полетомъ могучаго въ брани,
 Когда вамъ свобода мила
 И мило названье — славяне!

Пятигорскъ,
 23 іюня 1883 г.

Напечатано въ газетѣ „Свѣтъ“ № 145.

Когда могильщика лопата
 Мнѣ тѣсный уголъ отведетъ,

Стихи и рассказы.

И мавзолѣй мой не богатый
 Травой забвенья заростетъ, —
 Тогда пусть вамъ страница эта
 Хоть разъ напомнить обо мнѣ:
 Ее для васъ, а не для свѣта,
 Писалъ больной я въ тишинѣ.

Изъ поэмы отблески воспоминаній

посвящ. М. Ѳ. П-Н-Л-И.

I.

Теперь я буду продолжать
 Вновь повѣсть грустную мою. Размѣромъ
 Хоть писана она тяжелымъ — сѣрымъ
 Почти стихомъ, но пробѣжать,
 Ее совѣтую въ досугъ я все-же:
 Настанетъ, можетъ, время — и дороже
 Ее вы будете цѣнить,
 И, пробѣгая, говорить:
 — Какъ есть, въ ней жизнь очерчена поэта,
 — Загнатаго людьми, судьбой:
 — Ее писалъ онъ видно, не для свѣта:
 — Въ ней исповѣдь души прямой;
 — Въ ней есть и интересъ, и чувство вмѣстѣ,
 — И нѣтъ самохваленій, лжи, —
 — И мнѣ въ концѣ ея такъ много чести
 — Онъ оказалъ отъ всей души.

II.

Съ натурою горячей, откровенной,
 Не многими любимъ я былъ;
 А изъ начальниковъ лишь незабвенный
 Герой Слѣпцовъ меня цѣнилъ...
 Хваля меня разъ въ обществѣ ужъ много;

Узналъ меня случайно онъ, —
 Сказалъ чистосердечно онъ, что Богомъ
 Большимъ я даромъ надѣленъ.
 И вотъ, попалъ къ нему я адъютантомъ,
 И въ горы сдѣлалъ съ нимъ походъ
 Въ сорокъ девятый громкій годъ.
 Не дали крестика тогда мнѣ съ бантомъ,
 Когда онъ бралъ аулъ Аршты.
 (Смѣшны теперь мнѣ тѣ мечты)
 Но чинъ второй за тотъ аулъ мнѣ дали;
 При томъ меня онъ отличилъ;
 Всѣ съ завистью въ полку про то узнали; —
 Меня при всѣхъ благодарилъ.
 Увы! скосила смерть его такъ рано!...
 Въ средѣ завистливыхъ людей
 Влачилъ я снова жизнь безъ цѣли, плановъ,
 Не ожидая лучшихъ дней.
 Стоялъ я долго такъ среди колючекъ,
 Но дани Вакху не давалъ,
 Прошли года — я только былъ поручикъ.
 Порою, крѣпко я скучалъ,
 Хандрилъ, и въ часъ тяжелый къ пистолету
 Глаза въ упоръ я устремлялъ, —
 Но валъ девятый не насталъ...
 Ихъ было ровно восемь; два я свѣту,
 Давно минувшихъ, описалъ.
 Когда-жъ прійдетъ послѣдній валъ?
 И гдѣ волной холодною, высокой —
 Въ странѣ родной или чужой, далекой
 Онъ смоесть грустной жизни слѣдъ?
 Его я жду, его все нѣтъ...

III.

Но вотъ, моя рѣшилася судьбина;
 И что сказать мнѣ вамъ объ ней?

Она безцвѣтна, хоть не очень длинна:

Меня окуталъ Гименей...

Обвить его я крѣпко ручкой дамской,

Быль вынужденъ искать уже гражданской,

Предсталъ и случай — я нашелъ.

И вотъ, въ военно-горскомъ управленьѣ

Я слѣдователемъ вдругъ сталъ.

И день, и ночь я все писалъ

Исторіи ужасныхъ преступленій,

И воровскихъ, и темныхъ дѣлъ:

Отъ нихъ покоя не имѣлъ:

И въ праздники, и въ часъ во всякій данный

Являлся гость въ цѣпяхъ — злодѣй нежданный.

Отъ хлопотъ кучи разныхъ дѣлъ

Изнемогая, я хирѣлъ.

И даже въ лучшую весны погоду

Не смѣлъ мечтать, подумать про свободу.

И здѣсь пробилась сѣдина: —

Хотя кипучая волна

Въ груди, порою все же бушевала...

Бываетъ, что и съ блѣдныхъ лицъ

Уже постриженныхъ бѣлицъ

Срываютъ злыя бури покрывала...

По всѣмъ работалъ я столамъ;

Не успѣвалъ — дѣла къ себѣ бралъ на домъ.

Суровъ и строгъ я былъ къ ворами, —

На мѣсть смотрѣлъ инымъ — печальнымъ взглядомъ.

IV.

Преступники по вѣрѣ, ренегаты

Всѣхъ больше мнѣ далися знать;

Дѣла объ нихъ сюжетами богаты,

Ихъ можно какъ романъ читать.

Въ нихъ все есть: кровь, презрѣніе къ преданьямъ

И къ вѣрѣ прадѣдовъ святой;

Всего же больше: страстное желанье
 Обзавестись другой женой,
 Когда жена по вѣрѣ христіанка,
 Подъ бременемъ заботъ, трудовъ,
 Утратила всю прелесть спозаранка,
 Подъ ношей горя и годовъ.
 Вотъ, напрімѣръ, по части крови дѣло, —
 Его Зола въ романъ вклеилъ бы смѣло.
 Въ ущельѣ Долаковъ Гопанъ,
 (Предъ нимъ ничто и мой Берсанъ!)
 Убилъ отца, и мать, и братьевъ младшихъ,
 Чтобъ съ брата средняго женой,
 Въ отцовской башнѣ подъ горой,
 Прижить семью воровъ, заклятыхъ, падшихъ
 Въ грѣхѣ злодѣя, ихъ отца, —
 Въ грѣхѣ предъ вѣрой предковъ и предъ Богомъ.
 По долгу службы былъ я за порогомъ
 Ужасной башни. Два лица,
 Злыхъ, блѣдныхъ, встрѣтили меня въ молчаньѣ
 Сѣдой Чопанъ, его жена.
 Потокъ горячихъ, долгихъ увѣщаній
 Напрасенъ былъ! — и лишь одна
 Улыбка злая на устахъ ихъ спнихъ
 Дала мнѣ истину понять.
 Что имъ давно нѣтъ дѣла до святыни,
 Что Церковь имъ уже не мать...

V.

Дѣла о ренегатахъ больше года
 Усердно я производилъ;
 И крестъ среди заблудшаго народа
 Вновь, сколько могъ, я утвердилъ.
 Дѣтей и взрослыхъ, бѣдныхъ и богатыхъ
 Отцомъ я воспріемнымъ былъ;
 И дѣти горь внимать бывали рады

Тому, о чемъ я говорилъ.
 И говорилъ я имъ, начавъ съ Адама,
 И поражалъ рассказъ ихъ мой;
 Усѣвшись въ рядъ съ поджатыми ногами,
 Они вздыхали всѣ порой...
 И имя дать мое они просили
 Дѣтямъ крещенымъ мной въ горахъ.
 И съ той поры священниковъ не били,
 Не приводили больше въ страхъ.
 Меня за утоление ихъ печали
 Экзархъ въ письмѣ благославлялъ;
 Всѣмъ толмачамъ прислали по медали,
 Къ которымъ ихъ я представлялъ.

VI.

Едва-ль кто-бъ могъ подобно мнѣ трудиться,
 Трудился я какъ волъ;
 И честный трудъ еще бы могъ продлиться,
 Но тайный мнѣ твердилъ глаголъ:
 Тебѣ-ль плодить бумаги дѣловыя?
 Тебѣ-ль пристало ихъ кропать!...
 Ихъ бросилъ я... мечтанья золотыя
 Вновь стали душу волновать...
 Въ полкъ перейдя, я имъ отдался снова,
 Имъ весь досугъ я посвящалъ.
 Въ семь дней моя „Буба“ была готова;
 Ее съ „Берсаномъ“ я отдалъ
 На судъ людской, нерѣдко злой пристрастный,
 Но онъ меня не уязвилъ.
 Кавказъ сказалъ: — стихи звучны, прекрасны,
 Одинъ журналъ ихъ похвалилъ.
 И я писалъ и жегъ мои творенья, —
 И только „Пѣсня“ да „Пророкъ“
 Одни съ печатью вышли вдохновенья,
 Лишь ихъ огню я не обрѣкъ.

Стихи я бросилъ, принялся за прозу;
 Но разъ сглупилъ: я смотрѣть воспѣлъ;
 Сорвалъ стихомъ колючую я розу —
 И въ полкъ другой я улетѣлъ.
 Но сердцемъ былъ въ полку родномъ мнѣ, старомъ,
 Въ которомъ съ юныхъ лѣтъ служилъ;
 И монументомъ, „Пѣсней“, „Эшапаромъ“
 Ему за все я заплатилъ...
 Да, я любилъ тотъ полкъ, хотя досады
 И въ немъ вкушалъ вчастую я;
 Хотя, порой, и въ немъ бывали рады
 Подставить ножку мнѣ друзья...
 И помню я, въ тѣ дни его я славу
 Въ стихахъ и прозѣ воспѣвалъ;
 Въ пирахъ съ рѣчами выступалъ.
 И въ долгъ входилъ, поя, кормя араву.
 Хоть вовсе былъ я не богатъ,
 Но никому не льстилъ, не поклонялся;
 И бывши восемь лѣтъ женатъ,
 Углы я гнулъ, за масками гонялся...
 И разъ былъ вызванъ на дуэль.
 Но ссора кончилась виномъ — не кровью;
 И убивалъ всѣ силы хмѣль.
 И подкрадался недугъ къ изголовью.
 И разъ былъ болѣнъ не шутя,
 Но Богъ помогъ — и я съ одра поднялся,
 И все забывъ, съ огнемъ опять пускался
 Играть какъ малое дитя.
 И въ ту я пору — пору золотую
 Развитія таланта, силъ, —
 Чортъ знаетъ гдѣ бывало зачастую
 Игралъ и ночи проводилъ...

VII.

Какъ птичка, вырвавшись весной изъ клѣтки,
 Не вѣдаетъ, куда летитъ,

То сѣвъ, поетъ, то вновь мѣняетъ вѣтки,
 Такъ все мѣнялъ и я въ тѣ дни:
 Игру съ кокеткой, карты и шатанья
 Смѣнили ружья и ремни.
 Изъ тактики, уставовъ я познания
 Черпалъ и кое-что схватилъ: —
 Они для истинно среды военной
 Есть то, что искорки въ шипучемъ съ пѣной:
 Для нихъ я музу разлюбилъ.
 И только разъ газетныя сужденья,
 Тому не помню сколько лѣтъ, —
 Случайно дали мнѣ сюжетъ
 Для одного въ тѣ дни стихотворенья,
 Съ заглавьемъ — „три богатыря“?
 Оно, какъ звуки серебра,
 Слухъ поражало; пѣсню лебединой
 Ужъ я считалъ его, назвалъ.
 Ступивъ на путь мертвящей умъ рутины,
 Стихи писать я пересталъ.
 А въ звучныхъ тѣхъ, послѣднихъ предъ войною,
 Уже не Муза — Пифія со мною
 Бесѣду разъ въ ночи вела
 И рѣчь ея страшна была...
 И все почти сбылось, къ несчастью, нынѣ,
 О чемъ мнѣ шопотъ былъ полубогини...

VIII.

Приблизилось предвидѣнное время:
 Замѣтно хмурилъ брови Марсъ,
 Глядѣло зло покорное намъ племя,
 И укрѣпляли турки Карсъ.
 Весной войну газеты возвѣстили,
 Поднявши за и противъ лай;
 И добровольцы за Дунай
 Со всѣхъ угловъ Руси на брань спѣшили.

То были памятные дни:
 Безъ задней мысли, безъ корыстной цѣли,
 Шли кости положить одни, —
 Другіе не затѣмъ туда летѣли,
 Не всѣ искомое нашли,
 Но пьяницъ всѣхъ оттуда проводили...
 Запасные въ полки пришли, —
 И лишь съ приходомъ ихъ заговорили,
 Что видно, быть большой войнѣ.
 Одни отцы семействъ лишь утверждали,
 Что нѣтъ еще причины для печали,
 Что лишнихъ денегъ нѣтъ въ казнѣ
 Вести войну изъ-за славянъ, къ тому-же,
 Обоза нѣтъ и главнаго — нѣтъ ружей
 И генераловъ боевыхъ...
 Здѣсь, вмѣсто ряда запятыхъ,
 Пора поставить мнѣ къ главѣ сей точку,
 Къ чему и память я тружу,
 Пора съ тобой проститься этой строчкой,
 Полкъ старый, — въ новомъ я служу.

IX.

Въ полку другомъ мнѣ горькихъ испытаній
 Съ интригой, выпалъ цѣлый рядъ...
 Хотѣлъ податься я въ Бѣлградъ, —
 Оттуда шелъ призывъ на поле брани.
 Но вдругъ послѣдовалъ приказъ: —
 Закрѣпить служащимъ въ Сербію дорогу:
 Къ войнѣ готовился Кавказъ;
 Войска на югъ тянулись понемногу.
 Затѣмъ, насталъ и намъ чередъ,
 Нашъ полкъ ушелъ и сталъ вблизи границы,
 Въ краю глухомъ, среди болотъ.
 Изъ этой повѣсти двѣ — три страницы
 Здѣсь выброшу — блѣдны онѣ;

Скажу лишь: лихорадками страдали
 Мы въ нездоровой той странѣ.
 Въ апрѣлѣ вѣсть пришла и мы узнали,
 Что мечъ перетянулъ вѣсы,
 Былъ обнаженъ за христіанъ Востока...
 И къ берегамъ ¹⁾ мы двинулись Челока.

X.

Природы горной тамъ красы
 Не уступаютъ красотамъ Кавказа,
 А дикость, хищность намъ аджарца, Лаза ²⁾
 Наномнили Чечни сыновъ.
 Изъ-за деревъ, изъ-за кустовъ
 Они вездѣ насъ пулями встрѣчали,
 И были звѣремъ, --- и лѣса
 Въ ночную пору дико оглашали
 Не человѣчьи голоса.
 На слѣдующій день мы до разсвѣта,
 Съ бивака снялись, шли впередъ,
 Въ лѣсу наткнулись мы на два люнета
 И быстро взяли ихъ въ обходъ:
 Путь дальше безъ урона продолжали;
 Того-жъ числа другой отрядъ
 Занялъ редутъ мухаэстатъ,
 Его безъ боя турки намъ отдали.
 Занявши этотъ мы редутъ,
 На лаврахъ легкихъ долго почивали: —

¹⁾ Эта высота въ отрядѣ нашемъ чаще называлась — цихисдзирской, потому что за гребнемъ ея находилось старинное укрѣпленіе Цихисдзиры и небольшое при немъ населеніе.

²⁾ Аджарцы и лазы, какъ и наши гурійцы, принадлежатъ къ грузинскому племени. Нарѣчіе, обычаи и костюмъ ихъ, исключая религіи тѣ же, что и у гурійцевъ. Лазы, живущіе по самому взморью, сѣвернѣе Батума, составляютъ особое общество — кобулетское, почему отрядъ нашъ дѣйствовавшій въ этомъ обществѣ, названъ кобулетскимъ.

Мы сухарей, снарядовъ ждали;
 Пошли дожди — сталъ труденъ путь.
 Въ концѣ концовъ совѣтомъ порѣшили
 Вести отрядъ впередъ опять,
 На гору-Хоцубань, — и взять
 Ее намъ удалось не безъ усилій,
 Дрались хоть горцы — не низамъ:
 Отсюда полная красота картина
 Въ величіи открылась намъ:
 Направо море: на хребтѣ Эвксина
 Качался броненосный флотъ;
 Налѣво горы; въ нихъ народъ,
 Бѣжавъ отъ насъ, съ имуществомъ укрылся.
 А впередіи крутой отрогъ
 Тянулся къ морю, и за нимъ дотился
 Батумъ; отрогъ тотъ безъ дорогъ, —
 Ему названье — высота Квирики ¹⁾, —

XI.

Прорѣзами бойницъ на насъ
 Съ высотъ командующихъ батареи
 Глядѣли грозно; могъ нашъ глазъ
 Примѣтить тамъ какъ муравьи пигмен
 Насыпку дѣлали земли.
 Лишь двѣ тропы туда вели;
 Пѣхотныя траншеи, съ блиндажами,
 Тѣ воздвигали муравьи.
 Внизу рѣка, съ крутыми берегами,
 Катилъ быстрые струи.

XII.

Взявъ высоту, названіемъ Самеба,
 Рѣшили мы Квирики брать;

¹⁾ Эта высота въ отрядѣ нашемъ чаще называлась — цихисдзирской, потому что за гребнемъ ея находилось старинное укрѣпленіе Цихисдзиры и небольшое при немъ населеніе.

Но важнаго въ войнѣ — снарядовъ, хлѣба

Мы стали снова поджидать.

И здѣсь черезъ лазутчика узнали,

Что изъ Стамбула падишахъ

Прислалъ шесть тысячъ на судахъ,

На высотахъ мы станъ ихъ различали, —

То были лучшіе полки.

Въ вечерній часъ мы устремляли взоры

Туда: порою тамъ играли хоры,

Горѣли ярко огоньки —

Желанный мною часъ насталъ:

Я вырвался изъ штаба въ полкъ, — но доли

Я лучшей не нашелъ въ строю...

Черезъ слабость глупую мою —

И дѣйствовать, и говорить всѣмъ прямо, —

Черезъ мой характеръ пылкій и упрямый

И неумѣнье чувствъ скрывать,

Вездѣ вредили мнѣ и взять

Мной заслуженное мнѣ не давали.

.
.
.

И наконецъ, меня служить услали

За сотню верстъ, въ районъ другой.

Служилъ я тамъ до заключенья мира;

Я часто сталъ уже хворать,

И съ моего безъ пятнышекъ мундира

Рѣшилъ я эполеты снять.

Больной сошелъ съ служебной я арены,

И пріютился въ тѣхъ мѣстахъ,

Гдѣ, на Подкумка берегахъ

И Лермонтовъ болѣлъ, сошелъ со сцены.

Четвертый годъ я здѣсь лечусь:

Болѣзнь, врачи твердятъ, отъ малокровья,

Какъ тѣнь, по паркамъ я влачусь,

Пью воду съ молокомъ, — но нѣтъ здоровья.

И здѣсь разъ, у цѣлебныхъ водъ,
Сидѣлъ я на скамьѣ, въ рукѣ съ стаканомъ:

Кругомъ сидѣлъ больной народъ;
Пришли и вы туда вдвоемъ съ уланомъ.

Я всталъ, вамъ мѣсто предложилъ;
Съ улыбкой вы меня благодарили;

На васъ я взоръ мой устремилъ —
И вы со мною въ разговоръ вступили.

Прошло еще не много дней, —
Я васъ одну случайно въ паркѣ встрѣтилъ;

Вы были искреннѣй, милѣй, —
И я вамъ чувствомъ искреннимъ отвѣтилъ.

Открывшись вамъ, что я поэтъ,
И вы тому не мало удивились.

И взоромъ жаднымъ въ книгу углубились —
Въ мои творенья юныхъ лѣтъ.

И новыя мои стихотворенья
Я вамъ на память подарилъ, —

И голосъ вашъ отъ сердца былъ,
За тѣ мои отъ сердца приношенья...

Когда-жъ вамъ руку я пожалъ
Въ послѣдній разъ, въ минуту разставанья,
Вы мнѣ сказали: „до-свиданья!“

И я вамъ это обѣщалъ:
Вамъ слово далъ я побывать у моря,

Куда вы такъ меня звали...

Увы! кипучихъ волнъ валы
Не оживятъ ни чувствъ моихъ, ни взора.

И если здѣсь пробьетъ мой часъ,
Что скоро, можетъ быть, случится,
Тогда пусть въ вашемъ сердцѣ сохранится

Обѣщанный мной вамъ рассказъ,
Нобросокъ это блѣдный, скороспѣлый,
И тьма въ немъ многоточій, есть пробѣлы; —

Хитрецъ лишь можетъ говорить,
 Желая истину онъ скрыть,
 Свѣтъ увѣряя въ громкихъ фразѣхъ смѣло,
 Что въ жизни точекъ не имѣлъ,
 Что все ему повѣдалъ безъ пробѣловъ;
 Они-жъ и точки — всѣхъ удѣлъ!...
 Ошибки въ жизни, страсти, увлеченья
 Всегда достойны больше сожалѣнья, —
 Мудрецъ какой-то говорилъ.
 И я ихъ дѣлалъ, ими увлекался,
 И ненавидѣлъ, и любилъ,
 И легкомысленно порой смѣялся
 Надъ тѣмъ, чего не понималъ.
 И въ этомъ былъ я истымъ сыномъ вѣка;
 Но, спотыкаясь, я не палъ, —
 Достоинство сберегъ я человѣка.
 Служилъ я честно изъ всѣхъ силъ,
 И велъ борьбу съ интригою открыто; —
 И памятникъ героямъ ¹⁾ позабытымъ
 Воздвигнуть мысль подалъ, развилъ.
 Къ нему для арміи травой забвенья
 Уже тропа не заростетъ, —
 И славный подвигъ самоотверженья
 Онъ передастъ изъ рода въ родъ.
 Окончилъ 9 октября 1883 г.
 въ Пятигорскѣ.

ПОЭМА

Ночные полеты умершаго героя.

полетъ первый.

Въ глухую и жуткую пору полночи
 Когда потухаютъ огни

¹⁾ Штабсъ-капитану Лико и рядовому Архипу Осипову, во Владикавказѣ.

Когда лишь у горя не сомкнуты очи,
 Лишь блещутъ свѣтила одни, —
 О, въ пору угрюмую мрачную эту,
 Удобную столь для злыхъ дѣлъ,
 Порою, бываютъ видѣнья поэту
 Ужъ отданныхъ тлѣнію тѣлъ.
 И въ пору чудесъ, тайнъ, невѣдомыхъ свѣту,
 Герои встаютъ изъ могилъ,
 Блуждаютъ, тоскуютъ и только къ разсвѣту
 Въ гробы прилетаютъ безъ крылъ.
 И нынѣ выходитъ, встаетъ изъ могилы
 Почившій народный герой,
 И сѣвъ на коня онъ, летитъ что есть силы
 Какъ нѣкогда мчался онъ въ бой.
 И прежде летитъ онъ въ свой корпусъ четвертый
 Проверить порядки, что далъ,
 Взирая съ любовью на храбрыхъ когорты,
 Онъ полонъ чувствъ грустныхъ сказалъ:
 „Его въ образецъ всѣмъ хотѣлъ я устроить
 „И въ томъ бы я, можетъ, успѣлъ,
 „Но смерть помѣшала начатки достроить!“
 И съ этимъ къ другимъ отлетѣлъ.
 И здѣсь усмотрѣлъ онъ порядки все тѣ же,
 И только любви не узрѣлъ...
 И сталъ подниматься какъ паръ онъ все рѣже
 На Вислу, за Бухъ отлетѣлъ.
 И тамъ находилъ онъ все тѣ же порядки,
 Лишь мало нашелъ крѣпостей —
 Валы хоть и были исправлены, гладки,
 Но бѣды не всѣ отъ дождей...
 И вспять онъ помчался. — Въ пути онъ обратномъ
 Резервныя видѣлъ — войска,
 И что-то сказалъ онъ о дѣлѣ имъ ратномъ
 И рѣчь показалась рѣзка...
 Заглянулъ онъ въ склады у вратъ большихъ градскихъ

Немало въ нихъ было всего.
 Отъ суконъ, товаровъ, печеній солдатскихъ
 Шибнуло, ихъ гнилью, его.
 Вдругъ взоры упали на путь сообщенья;
 По немъ-то покатятъ полки!..
 И взоры сверкнули отъ гнѣва, презрѣнья,
 И были страшны, велики
 Порывы его чувствъ при видѣ дороги!...
 На югъ онъ, направилъ полетъ.
 Ужъ выглянулъ мѣсяцъ изъ тучи двурогій
 Онъ Плевнѣ привѣтствіе шлетъ,
 И мчится все дальше, къ сынамъ Горы Черной.
 Проснулись вожди — юнаки,
 Погибшіе въ битвахъ, въ странѣ ихъ нагорной,
 Въ долинѣ великой рѣки.
 Онъ просить о чемъ-то, обнявъ ихъ рукою,
 Онъ съ жаромъ имъ что-то твердить.
 Простился, и весь озабоченъ, съ тоскою
 На сѣверъ къ могилѣ летитъ.

Полетъ второй.

И снова выходить въ полночь изъ могилы
 Въ расцвѣтѣ погибшій герой,
 И снова направилъ путь къ югу безкрылый:
 Къ Босфору направилъ путь свой.
 Мелькнула у моря съ дворцами Одесса,
 Эвисина любимая дщерь.
 Вотъ берегъ, гдѣ подвигъ и мечъ Ахиллеса
 Прославилъ на вѣки Гомеръ;
 И близокъ и берегъ, гдѣ бѣдная Гела
 Погибла когда-то въ волнахъ, —
 Гдѣ древняя слава Эллиновъ шумѣла
 Въ безчисленныхъ, славныхъ бояхъ,
 Туда то недавній ревнитель Ахилла

Свой быстрый направилъ полетъ, —
 Куда мысль и въ жизни не разъ уносила.
 Его въ дни мечтаній, заботъ.
 И здѣсь-то предѣлъ и предметъ былъ полета:
 Онъ форты и пушки считалъ;
 Нелегкая выпала ночью работа!
 Считая, онъ часто вздыхалъ.
 Но сведена, свѣрена чиселъ вся сумма, —
 Потъ градомъ катился съ чела;
 О пользахъ отчизны все прежняя дума
 На немъ вновь черту провела.
 „Увы, трудъ напрасный!... и зналъ бы, полета
 „Сюда бы я, можетъ, не взялъ...
 „О, крѣпко замкнуты въ проливы ворота!“
 Онъ съ горестнымъ чувствомъ сказалъ.
 „И нынѣ возможны ключи отъ Босфора
 „Въ рѣкахъ лишь кровавыхъ найдти...
 „О, если-бъ тогда мы не слушали вздора!
 „О, если-бъ мнѣ дали дойти!
 „Я взялъ бы и спряталъ ключи тѣ въ карманы,
 „Отчизнѣ ихъ въ даръ бы принесъ...
 „Пусть въ Азіи были-бъ на царствѣ султаны;
 „Но былъ бы рѣшонъ ужъ вопросъ,
 „Вопросъ тотъ Восточный, всемірно-великій,
 „Что планы вершилъ Петра;
 „И были-бъ теперь намъ не страшны всѣ крики,
 „Всѣ ноты — плодъ вздорный пера...
 „Я высказалъ мысли открыто при жизни,
 „Какъ важно Босфоромъ владѣть...
 „Несите-жъ слѣпые, отъ всѣхъ укоризны, —
 „Вы, давшіе пута надѣть.
 „Теперь же, чтобъ это поправить вамъ дѣло,
 „Ищите другаго ключа, --
 „Пока не погасло, оно не истлѣло,
 „Какъ гаснетъ отъ вѣтра свѣча...

„Гдѣ вѣрный лежитъ ключъ отъ этихъ проливовъ,
 „То мѣсто назвалъ я, открылъ.
 „Найти ключъ возможно, ища терпѣливо,
 „Въ краю томъ что я покорилъ.
 „Не спите-жъ! — взгляните: ужъ къ этимъ проливамъ
 „Такъ близокъ теперь Альбіонъ!“
 Онъ кончилъ и, взвившись надъ моремъ бурливымъ,
 Помчался въ обратный путь онъ.

Возвратный путь второго полета.

Вотъ море другое предъ нимъ зашумѣло —
 Проливъ то у Керчи шумѣлъ:
 Налѣво у берега что-то чернѣло —
 То крѣпости профиль чернѣлъ.
 Туда онъ, на башни, валы, бастіоны,
 Орлиные взоры вперилъ.
 „Не брошены-ль даромъ на нихъ милліоны?“
 Онъ, глядя на крѣпость, спросилъ.
 „Кажись милліонъ ужъ девятый по смѣтѣ, —
 „Не сведены все здѣсь концы!
 Такъ думалъ печальникъ отчизны несчастной,
 И вдругъ среди горестныхъ думъ,
 Назадъ полетѣлъ онъ надъ бездною страшной:
 Полѣтъ онъ направилъ въ Батумъ.
 У моря тянулись крутые отроги,
 За ними ютился Батумъ.
 „Такъ вотъ тѣ высоты, куда безъ дороги
 „Шли наши вожди на обумъ!
 „Такъ вотъ гдѣ и городъ, штыку недоступный,
 „Гдѣ будетъ современемъ складъ
 „Товаровъ, идущихъ путемъ сухопутнымъ,
 „Съ Востока на Вѣну, Бѣлградъ!“
 Не кончилъ онъ этихъ еще размышлений,
 Какъ видѣнъ былъ спящій Тифлисъ.
 Мелькали на стогнахъ лишь кое-гдѣ тѣни,

Лишь кое-гдѣ ваньки неслись,
 Да въ темныхъ мѣстахъ пробиралися воры,
 Которыми городъ кишить.
 Чего-то искали героя тамъ взоры,
 Нашли и онъ въ лагерь спѣшить.
 Разбить онъ у берега маленькой Веры;
 Въ немъ пѣсни, рожка не слышать;
 Въ немъ спали драгуны, стрѣлки, гренадеры
 Отборная, храбрая рать, —
 Рать гордая славой старинной и новой
 Побѣдой въ неравныхъ бояхъ,
 И бывшая въ битвахъ такъ часто готовой
 Погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ!
 И здѣсь усмотрѣлъ онъ порядки, какъ всюду,
 Любви же и здѣсь не узрѣлъ...
 Взглянулъ на приказы, бумажныхъ дѣлъ груды, —
 Вдохнулъ и — прочь отлетѣлъ.
 „Не здѣсь имъ, не здѣсь ужъ войскамъ этимъ мѣсто!“
 Онъ ими любуясь сказалъ:
 „Туда-бъ ихъ — за Нѣманъ на Вислу, у Бреста,
 „Имъ мѣсто тамъ!“ онъ повторялъ.
 Отсюда направилъ полѣтъ онъ чрезъ горы,
 Которымъ и „Демонъ“ летѣлъ.
 Картины иныя тамъ встрѣтили взоры,
 Онъ много новаго узрѣлъ.
 Прекрасныя станціи тамъ по дорогѣ
 Уже разрушеніемъ грозятъ,
 Хоть отпусковъ, вѣрно, идетъ на нихъ много,
 Чтобъ были хоть чище на взглядъ.
 На скалы дорога красиво взбѣгаетъ,
 Проѣзжему виды сулить;
 Но все же бѣдою она угрожаетъ:
 Отъ вѣтра тамъ стѣнка летитъ.
 Идетъ золотой дождь на этотъ путь вѣчно,
 И новыхъ все требуетъ смѣть.

Природа все въ этомъ виновна, конечно,
 То знаетъ, то вѣдаетъ свѣтъ.
 Окинулъ презрительнымъ скорбнымъ онъ окомъ
 Творенье не Бога — людей, —
 И вдругъ, на челѣ благородномъ, высокомъ
 Печаль отразилась сильнѣй...
 Летитъ онъ высоко надъ шапкой Казбека,
 Долину ужъ Чорта минулъ;
 На Бога творенье не рукъ человѣка
 Онъ благоговѣйно взглянулъ: —
 Взглянулъ онъ на Балку Сухую *) въ вершинѣ:
 Тамъ трескъ раздавался, какъ громъ, —
 И камни, и щебень — все съ массою глины
 Катилось громаднымъ слоемъ.
 И скалы въ вершинѣ трещать продолжали,
 И съ грохотомъ падали внизъ;
 И всадники въ страхъ отъ мѣсть тѣхъ скакали
 И пѣшіи спѣшили подъ карнизъ;
 И масса та въ Балкѣ широкою лавой
 Съ особеннымъ шумомъ текла, —
 И впала въ злой Терекъ, и желто-кровавый
 Оттѣнокъ волнѣ придала.
 И бѣшеный Терекъ, принявъ дань отъ Балки,
 Ее въ даль съ волною помчалъ;
 Надъ нимъ не кружились, ни коршунъ, ни галки,
 Никто дань отнять не желалъ!
 Свершень черезъ горы полетъ поднебесный;
 Ужъ свѣтитъ вблизи огонекъ.
 У стопъ исполиновъ, въ долину прелестной,

*) Сухая Балка находится на правомъ берегу р. Терека, въ одной верстѣ отъ сел. Казбека. Описанное здѣсь явленіе — когда по глубокому руслу Балки, съ вершины ея несется новою глубиной отъ 2—3 сажень красноватая глина съ камнями, — бываетъ одинъ разъ въ году, въ концѣ іюня или въ началѣ іюля, и продолжается иногда болѣе недѣли.

Веселый не спитъ городокъ: —
 Онъ время досуга проводить весь въ клубъ, —
 Не въ чтеньи журналовъ, газетъ, —
 Его интересъ, интересъ сугубый:
 Винтъ, и винтить и съ дамой пикетъ.
 Въ немъ все есть, что можетъ рука дать прогресса:
 Театръ, клубъ, огромный базаръ,
 Два банка, казенная, частная пресса,
 Заводы, гдѣ дѣйствуетъ паръ,
 Чугунка, бульвары, паркъ, магазины, —
 Духановъ же больше всего.
 И между всѣмъ этимъ полкъ славный, старинный, —
 Питомецъ не вѣка сего;
 И памятникъ, — массамъ гласящій немного,
 Героямъ безроднымъ, простымъ,
 Погибшимъ во славу оружия родного.
 Изъ нихъ двухъ одинъ рядовымъ
 Служилъ на Кавказѣ въ полку томъ старинномъ,
 Затѣянъ на память вѣкамъ,
 Какого-то штабъ-офицера починомъ,
 Исполненъ съ грѣхомъ пополамъ,
 Онъ въ сказанный городъ доставленъ готовымъ.
 Вотъ въ часъ предразсвѣтній, предъ зорей румяной,
 Къ нему прилетѣлъ нашъ герой.
 Кругомъ тишь, лишь предъ иконой святою
 Въ оружіѣ стражъ молча ходилъ.
 Но въ часъ тотъ крикъ пѣтеля громко раздался,
 И небо зардѣлося чуть —
 И всадникъ воздушный на сѣверъ помчался,
 Къ могилѣ направилъ онъ путь.
 Какъ „Демонъ печальный“, съ ужасной тоскою
 Онъ, въ даль улета, сказалъ:
 „Когда злой леталъ духъ надъ грѣшной землею,
 Стараясь умножить онъ зло,
 „Клянусь я, его здѣсь подъ этой луною

„Не столько въ то время было!
 „А нынѣ проникнувъ и въ доли и горы,
 „Удесятерилось оно...

Пожеланіе.

Посвящ. М. М. К-Н-Р-Д-Н.

Я встрѣтилъ прелестъ женщину, не красотою
 Она меня очаровала:
 Отъ недуговъ тоски иль страстныхъ чувствъ въ груди
 Уже она полуувяла...
 О встрѣчу ли когда нибудь ее опять,
 Пожму ли вновь отъ сердца руку?
 Молю, чтобъ могъ прочесть тогда въ ея чертахъ,
 Улыбку счастья — не сердца муку!
 Но если встрѣтить вновь не суждено ее,
 Я сохраню воспоминанья,
 Какъ сладкій сонъ, объ ней, — прожить вѣкъ счастливо
 Мои ей будутъ пожеланья.
 Кисловодскъ, 16 Іюля 1882 г.

Въ день именинъ.

Васъ съ днемъ ангела поздравить
 Ъхать въ городъ я рѣшилъ;
 Руку вамъжать желая, —
 Ъхать скоро я спѣшилъ,
 Годы-жъ въ счастья проводите!
 Ангелъ вашъ васъ да хранитъ!
 Нѣсть числа вамъ благъ желаетъ
 Отъ души пѣтъ.

17 Сентября, 1888 г.

Изъ поэмы „Отблески воспоминаній“ К. Бѣлевича
(неизданное).

Не скоро послѣ взятія Самебы
Запасъ прислали сухарей;
А до того пекли сырые хлѣбы
Солдаты наши безъ затѣй; —
Мука была, имѣлось также мясо,
Не доставало только крыль.
Лазутчикъ главный нашъ, Гуріецъ Яссо,
Начальству нашему твердилъ,
Что несмотря на турокъ батареи,
Легко осуществить его затѣи —
Идти возможно на Батумъ;
Идти рѣшили наобумъ!...
О вы, виновники затѣй, стратеги!
Повѣдайте въ какой странѣ,
Въ какихъ вѣкахъ, въ какой войнѣ,
Межъ моремъ и высокими горами,
Врагу сдавались города,
Имѣя форты въ два ряда?
Сдавались съ запасами, войсками,
Когда имъ съ моря сильный флотъ,
А съ горъ воинственный народъ
Во всякомъ случаѣ подали-бъ руку!
Но мудрецы, зубрившіе науку,
Того не видя предъ собой,
Забывши все, что имъ съ кафедръ читали,
Тамъ, за кверикской высотой,

Богатый легкій лавръ пожать мечтали,
 Глядя на вещи свысока,
 Повѣривши разсказамъ плута Яссо,
 Они лишь ради той мечты
 Вели войска на пушечное мясо!...
 Былъ май. Съ Самебы до Мухоэстата
 Дорогу проводилъ отрядъ,
 Взамѣнъ ружья — топоръ, кирка, лопата
 Тогда были въ рукахъ солдатъ.
 Увы! напрасно дѣлали дорогу —
 И видно не угодно было Богу,
 Чтобъ мы пришли въ Батумъ по ней
 Безъ генераловъ, кораблей.
 Межъ тѣмъ какъ насъ тоска и лихорадки
 Въ той дикой мучили странѣ,
 Судьба негаданно свои нападки
 Невѣсть за что послала мнѣ.
 Въ одинъ дождливый, помню, день неожиданно
 Я былъ оторванъ отъ полка,
 И въ штабъ попалъ въ среду звѣрей, фазановъ.
 Писать работа не легка
 Въ плохой палаткѣ, въ зной или на стужѣ,
 Когда течетъ сквозь полотно,
 Но здѣсь еще условия были хуже —
 Писать реляціи красно.
 Одна тоска и времени потеря
 Надъ ними голову ломать!
 Хотя дежурнаго штабъ-офицера
 Не дѣло вовсе ихъ кропать,
 Въ отрядѣ такъ меня именovali.
 Имѣлъ я кучу спѣшныхъ дѣлъ;
 Но въ чемъ меня иной разъ утруждали,
 Надъ чѣмъ я думалъ и потѣлъ
 И всомнить то теперь смѣшно, досадно!
 Одну колонну горцы разъ изрядно

Тогда отдѣлали въ горахъ.
 Начальникъ штаба, на глазахъ
 Котораго она вспять отступила,
 Позвалъ меня и предложилъ:
 Дешешу написать искусно, тонко,
 И истину затмить въ ней фразой громкой.
 Я выслушалъ и настрочилъ;
 — Колона, встрѣтивъ скопище большое,
 — Должна была вдругъ отступить,
 — Бывъ численно врага слабѣе втрое.
 „Какъ можно такъ намъ доносить.
 „Слова здѣсь отступить отступление
 „Произведутъ дурное впечатлѣнье?
 Подумавъ вновь, я написалъ:
 — И встрѣтивъ на пути заваль,
 — И скопища въ немъ силъ громаднѣхъ,
 — Колона вышла изъ тѣснинъ.
 „И это не прольетъ тамъ чувствъ отрадныхъ
 „Глаголъ вашъ: вышла — синонимъ
 „Похабному глаголу: отступила.
 „Ужъ потрудитесь написать
 „Вы такъ, чтобъ тамъ могли понять,
 „Что! что она... Не показала тыла“.
 Съ бумажкой этой побѣжалъ
 Въ жару весь сильномъ я въ свою палатку;
 Пера я въ руки ужъ не взялъ:
 Я чувствовалъ тоску и лихорадку;
 Коня велѣлъ я осѣдлать,
 И принявши большую дозу хины,
 Я поскакалъ галопомъ въ магазинъ,
 Претензіи тамъ разбирать
 На отпуски частямъ гнилого сѣна
 И порченныхъ крупы и сухарей.
 Тамъ гнило все, но отъ дождей,
 Подъ полотномъ однимъ, ничто не тлѣетъ.

Въ тотъ день я къ вечеру опять
 Присѣлъ задачу разрѣшать,
 Мнѣ данную на грѣхъ, на испытанье.
 Для этого въ подборѣ фразъ старанье
 Усидчиво я приложилъ, —
 И такъ я истину затмилъ:
 — И встрѣтивъ турокъ тамъ большія силы
 — И впереди заваловъ рядъ,
 — Колона два часа врага громила,
 — Затѣмъ была отведена назадъ.
 „И это также блѣдно, неумѣло“,
 Науки мужъ прочтя, сказалъ.
 — Да потому что это не мое и дѣло,
 Ему я рѣзко отвѣчалъ,
 И на отрѣзъ писать вздоръ отказался,
 Не взявъ руки подъ козыремъ;
 За это тотчасъ онъ ко мнѣ придрался
 И тутъ же сильно пораспекъ.
 Депеша же въ редакціи послѣдней
 Въ Тифлисѣ отправлена была,
 Штукаръ не выдумалъ другой неблѣдной.
 Тоска сильнѣй меня взяла,
 Сильнѣй и лихорадка злая била,
 А мысль все чаще, чаще уносила
 Въ ряды хотъ новаго полка,
 При томъ устала и рука
 Писать за полночь, день весь суется,
 И я рѣшилъ изъ штаба удалиться,
 Предлога только ожидалъ *).

*) Денебековъ, умершій въ началѣ 1884 г. въ чинѣ генераль-
 лейтенанта въ отставкѣ. Генераль лейтенантъ Оклобжіо, команду-
 ющій войсками Приріонскаго края, протеже по родственнымъ свя-
 зямъ кн. Д. Святополкъ-Мирскаго и подставное его лицо въ разныхъ
 тогда его комбинаціяхъ. Болѣе неудачнаго выбора для приведенія
 въ исполненіе столь рискованнаго предпріятія нельзя было сдѣ-

Начальникъ нашего отряда,
 Кавказскій старый генералъ,
 Впередъ движеніемъ замедлялъ,
 Не раздѣлялъ онъ шовенистовъ взгляда.
 Простъ мастеръ краснаго словца,
 Практиченъ, храбръ, — въ боя трусъ какъ баба,
 Передъ начальникомъ же штаба
 Онъ былъ безгласенъ, какъ овца.
 И тотъ ему замѣтно строилъ козни,
 За осторожность осуждалъ.
 Дороги были ужъ почти готовы, —
 По нимъ идти его толкалъ,

латъ. До кровопролитнаго дѣла на высотахъ квирикн названнаго Цихирдзирскимъ, — 11 и 12 іюня 1877 г. Онъ пріѣхалъ за четыре дня — принять начальство надъ кобулетскимъ отрядомъ, отъ генералъ-майора Денебекова, принявшаго команду надъ 3-я штурмовыми колоннами изъ 14 баталіоновъ и 3-хъ ротъ. — Последній, сколько мнѣ извѣстно, самъ уклонился отъ командованія отрядомъ, какъ вслѣдствіе интриги со стороны начальниковъ штаба—войскъ Приріонскаго края полковника Краевича, а Кабулецкаго отряда — полковника Казбека — такъ и вслѣдствіе опасенія взять на себя отвѣтственность за неудачу въ предпріятіи, рискованность котораго онъ, хотя неученый, но бывалый генералъ, не могъ не сознавать. — Три раза мѣняли диспозицію; вѣрный признакъ, необѣщавшій успѣха. Военная исторія представляетъ этому не мало примѣръ. Последняя диспозиція, въ противность наукъ, была обильна многословіемъ.

По офиціальному донесенію 400 слишкомъ убитыхъ и раненыхъ; въ дѣйствительности же тѣхъ и другихъ 967 чл., кромѣ офиц. Какъ исправлявшій должность дежурнаго штабъ - офицера, я лично сводилъ въ общій итогъ наши потери на основаніи донесеніи командировъ отдѣльных частей. Много тяжело раненыхъ въ первый день боя осталось въ лѣсу на склопѣ высотъ. Въ свитѣ этой были гвардейскіе офицеры разныхъ полковъ, прикомандированные штабные офицеры изъ Тифлиса, командиръ Озургетскаго мѣст. баталіона съ своими штабными офицерами, Кутайскій гражд. Губернаторъ съ нѣсколькими своими чиновниками, Озургетскій исправникъ съ двумя приставами. Все это налетѣло передъ боемъ ради полученія награды — не потрудившись получили.

Не мало былъ я удивленъ,
 Когда на слѣдующій день замѣтилъ
 Я холодность ко мнѣ штабныхъ:
 Шатеръ мой былъ безъ стѣнъ двойныхъ
 И кто то ночью разговоръ подслушалъ,
 И вотъ я горькую обиду скушалъ,
 За мной совѣтъ вновь отложить
 Въ Батумъ движеніе наше въ ящикъ длинный.
 Но какъ обиду причинить
 Безъ повода, безъ видимой причины?
 Чего и хитрому уму
 Порой не выдумать, ему
 Спѣшить на помощь случай какъ нарочно,
 Исчезла вдругъ одна бумага,
 Ея zapomнили сюжетъ,
 А требовали дать отвѣтъ
 И непріятный эпизодъ случился; —
 Начальникъ штаба страшно разсердился,
 Какъ злой комаръ ко мнѣ влетѣлъ
 Въ палатку онъ, кричалъ и пѣлъ
 Мнѣ замѣчанія за безпорядки.
 Въ молчаніи выслушавъ его нападки,
 Я показалъ ему кулакъ.
 Я ждалъ послѣдствій, и онѣ сказались:
 Принесъ мнѣ выговоръ казакъ,
 Мои въ немъ безпорядки выставлялись;
 Я большаго, признаться ждалъ:
 Я съ горяча въ проступокъ впалъ, —
 Въ проступокъ тотъ противудисциплинный,
 Которому въ законѣ нѣтъ
 Нигдѣ смягчающей вины причины,
 И за который вѣрно-бъ свѣтъ
 Сказалъ: вотъ гусь, наказанный судьбою!...
 Начальникъ штаба впалъ въ просакъ.
 Бумагу ту онъ собственной рукою

Запряталъ пьяный подъ тюфякъ.
 И грустно, больно на душѣ мнѣ стало,
 Когда все то сообразилъ;
 Богъ вѣсть, что впереди мнѣ предстояло,
 Когда бѣ штабнымъ я дольше былъ.
 Я сталъ просить начальника отряда
 Меня изъ штаба отпустить.
 „Вамъ предстоитъ за службу здѣсь награда,
 „Васъ было бѣ жаль ея лишить;
 „Притомъ, и просьба ваша неумѣстна...
 „Ужель въ полку вамъ служба больше лестна?“
 Его отвѣтъ мнѣ былъ таковъ.
 Безъ выстрѣла пришелъ отрядъ
 На прежнюю свою стоянку въ маѣ;
 Занялъ онъ вновь Мухаэстатъ,
 Нашъ укрѣпленный пунктъ въ лѣсистомъ краѣ.
 И здѣсь, спустя не много дней.
 Взяли отъ насъ подъ Карсъ и подъ Зивины
 Шесть лучшихъ боевыхъ частей
 И полевыхъ три батареи съ ними.
 Съ уходомъ ихъ отрядъ сталъ малъ,
 Его ослабили и лихорадки;
 А непріятель не дремалъ;
 Онъ пули ночью посылалъ въ палатки,
 И постоянно насъ держалъ
 Въ ночную пору въ страхѣ и тревогѣ,
 И насъ отрѣзомъ угрожалъ
 Занятіемъ на Озургеть дороги.
 За тожъ, что я оставилъ штабъ,
 Сказавши на прощанье генералу:
 Хоть я служу, но я не рабъ,
 И не позволю всякому нахалу
 Глумленья дѣлать надъ собой.
 И наконецъ, меня служить услали
 За сотню верстъ, въ районъ другой.

А генераль тотъ, что мечталъ
Пожать, взять штурмомъ лавры у низановъ.
Онъ послѣ боя вспять удралъ
Съ огромной свитой рябчиковъ-фазановъ.

Пятигорскъ
1883 годъ.

На базарѣ люди бають.

КУМА.

На базарѣ люди бають, —
Слыхаль, свѣтикъ куманекъ?
Будто сахаръ вздорожаетъ
Фунтикъ разомъ на пятакъ,
Охъ, и такъ уже онъ дорогъ, —
Людямъ бѣднымъ не подѣ стать!
Кто же евто, нашъ онъ ворогъ,
Хочетъ цѣну надбавлять?

КУМЪ.

Нѣмецъ, знамо, евто хочетъ,
Баилъ мнѣ надысь солдатъ;
Вишь на Кѣевѣ зубы точить,
Онъ злодѣй нашъ, супостать!

КУМА.

Што ты, кумъ? — да тамъ святые,
Православные лежать!
Охъ, грѣхи-то наши злые!
Всѣмъ за нихъ намъ пропадать!
А начальство то на штоже?
Аль ево таперь и нѣтъ?

КУМЪ.

Есть оно, да не пригоже
Силачу перечить, свѣтъ...

Супротивъ того жъ, што Кѣевъ
 Не тужи, не плачь, кума:
 Завелось тамъ што злодѣевъ!
 Што твоя, моя сума!...

КУМА.

Растолкуй же, куманекъ,
 Впрямь ты толкомъ объ одномъ,
 Отчаво-жъ намъ сахарокъ
 Нѣмецъ хочетъ сдѣлать клиномъ?

КУМЪ.

Онъ-то, вишь-ты, изъ Берлину
 Пишетъ въ Кѣевъ кулакамъ:
 „Надбавляй вы! штобъ въ полтину
 „Сталъ онъ скоро по фунтамъ.
 „Бары смогутъ пить дороже,
 „Мужику же пить не въ мочѣ.
 „Наказую наистроже,
 „Сотворите какъ есть — вточь.
 „Коли-жъ будетъ ослуханье
 „На мой ѣвтотъ вамъ приказъ,
 „Истреблю я ваше званье,
 „Истреблю разоромъ васъ!“
 Нѣмецъ хочетъ, штобъ мы пили
 Больше зелено вино,
 Штобъ скотинушку пропили,
 Пропивали-бъ и зерно.
 Евто, вишь, ему такъ надыть!
 Коли жъ все мы не пропьемъ,
 Бають, станетъ насъ онъ грабить,
 Коли рыло не побьемъ.

КУМА.

Вишь онъ нѣмецъ! обезьяну —
 Выдумалъ, хитеръ онъ впрямь,

Охъ, учинить онъ изъяну,
Коль прійдетъ войною къ намъ!

КУМЪ.

А прійдетъ, молить мы Бога
Будемъ — разума чтобъ далъ;
Нѣмцу жъ скатертью дорога,
Угостимъ чѣмъ Богъ послалъ!...

К. Бѣлевичъ.

Пятигорскъ
1883 годъ.

НАБѢГЪ.

ИЗЪ ПОХОДНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

Въ 1849 году начальникъ Владикавказскаго военнаго округа, генераль-маіоръ Ильинскій, представилъ главнокомандующему на Кавказѣ, князю Воронцову проектъ покоренія галашевскихъ обществъ, принадлежащихъ къ карабулакскому племени и живущихъ въ горахъ по рѣкѣ Ассѣ, между Нестеровскимъ и Бумутскимъ ущельями.

Трудно-доступное убѣжище хищныхъ карабулаковъ, куда изъ ближайшихъ покорныхъ и непокорныхъ намъ обществъ постоянно стекались всѣ бѣглые абреки, имѣетъ видъ дугообразной полосы изъ второстепенныхъ кряжей горъ и глубокихъ между ними тѣсинъ. Эта горная полоса, отъ верховьевъ р. Сунжи, близъ Владикавказа, до черты Малой - Чечни — р. Фортанги, — тянется на 80 верстъ, тѣсясь на юго-востокъ къ главному хребту и ограничиваясь съ сѣверо-запада высокимъ лѣснымъ хребтомъ. Хребетъ этотъ — предѣлъ верхнесунженской линіи — прорѣзывается двумя выше названными параллельными ущельями; изъ воротъ Нестеровскаго съ шумомъ

вырывается на широкую сунженскую долину быстрая Асса. Надо всей этой громадою лѣсныхъ кряжей возвышается, за предѣлы облаковъ, главный хребетъ Кавказа; среди его зубчатыхъ скалъ и снѣжныхъ вершинъ — въ перспективѣ бѣлый, величавый Казбекъ выше всѣхъ царствуетъ.

Несмотря на близость нашихъ поселеній, въ этомъ дикомъ уголкѣ Кавказа русское оружіе до 49 года еще не пролагало собѣ дороги изъ Бумутскаго ущелья въ Нестеровское. Первое изъ нихъ примѣчательно въ исторіи кавказскихъ войнъ и жизни Шамиля. Послѣ паденія Ахульго, въ 1839 г., онъ съ 14-ю мюридами нашелъ убѣжище въ аулахъ бумутскаго общества; казалось, все для него было потеряно; но онъ съ увлекающимъ жаромъ началъ и здѣсь проповѣдывать казавать и правила шаріата. Но нѣкоторые горцы, недовольные строгостями послѣдняго, взбунтовались противъ вводителю новаго ученія, воспрещавшаго даже куреніе табаку. Главные зачинщики подверглись жестокому наказанію; между ними были два брата Хозрои; одинъ былъ обезглавленъ, другой ослѣпленъ. Слепецъ, съ мщеніемъ и кинжаломъ, однажды забрался ночью въ саклю Шамиля и нанесъ ему нѣсколько ранъ. Мстительный Хозрой погибъ мученической смертью, а чудное избавленіе отъ нея Шамиля суевѣріе горцевъ приписало святости имама.

Вскорѣ послѣ того, въ 40 году, вся Чечня, состоявшая подъ управленіемъ генерала Пулло, прислала къ Шамилю депутатовъ, съ просьбою — стать во главѣ чеченскаго народа, для защиты его отъ невѣрныхъ. Честолюбивый имамъ только этого и желалъ; онъ обязалъ чеченцевъ клятвою дѣйствовать совокупно съ дагестанскими народами противъ общаго врага.

Съ тѣхъ поръ до паденія власти Шамиля протекло 19 лѣтъ, и только въ теченіе этого времени лѣсистая илоскость Чечни была нами до предгорій отъ непокорныхъ

очищена, а ихъ аулы уничтожены въ прахъ. На мѣстахъ ихъ теперь растетъ высокій бурьянъ, и вблизи безмолвствуютъ обширныя кладбища, съ безчисленнымъ множествомъ шестовъ и прикрѣпленныхъ къ нимъ разноцвѣтныхъ лоскутовъ на могилахъ битыхъ джигитовъ. Но куда исчезло отсюда, повидимому, густое населеніе самаго воинственнаго племени на Кавказѣ? Большая ли половина его пала съ оружіемъ въ рукахъ, или она, во время непримѣрно упорной борьбы, переселилась въ другія мѣста? На первую диллему послѣдняго вопроса можно отвѣчать положительно, потому что съ 40-хъ годовъ въ Чечнѣ, въ особенности въ Малой, ежегодно разыгрывались кровавыя драмы, давшія обильный сборъ человѣческихъ костей.

Въ началѣ тѣхъ же годовъ отрядъ нашъ, изъ 8-ми баталіоновъ, тщетно покушался проникнуть въ горы черезъ Бумутское ущелье; мы же прошли черезъ него съ 3-мя баталіонами и 8-ю сотнями казаковъ. Вотъ какъ это было.

Генералъ-маіоръ Ильинскій, получивъ разрѣшеніе совершить экспедицію въ дикія мѣста карабулаковъ, 20-го ноября 1849 года прошелъ, съ двухтысячнымъ отрядомъ, черезъ лѣсъ Нестеровскаго ущелья и занялъ позицію близъ ручья, впадающаго въ Ассу. Въ то же самое время 3 баталіона Тенгинскаго пѣхотнаго полка были собраны въ Михайловской станицѣ, на Сунженской линіи. Мы знали, что были собраны для ночнаго набѣга; мы ждали его каждый часъ. Поговаривали, что полковникъ Слѣпцовъ поведетъ насъ на Валерикъ. — Напомню здѣсь, въ краткихъ чертахъ, о личности Слѣпцова *) тѣмъ, для кого память о немъ дорога, и тѣмъ, кому объ этой

*) Слѣпцовъ происходилъ изъ дворянъ Саратовской губерніи, началъ службу унтеръ-офицеромъ въ лейбъ-гвардіи Литовскомъ полку въ 1834 г.; убитъ въ дѣлѣ съ горцами въ 1851 г., въ чинѣ генералъ-маіора, 36 лѣтъ отъ роду.

доблестной русской личности было извѣстно мало. Онъ былъ начальникъ Верхне-сунженской линіи и еще молодой человѣкъ; но рядъ блестящихъ военныхъ его подвиговъ, неутоминая энергія, рѣдкая неустрашимость въ минуты опасности, рѣдкая душевная доброта и безкорыстіе древняго философа, поставили его высоко во мнѣніи умѣвшаго цѣнить заслуги и личныя достоинства покойнаго князя Воронцова и содѣлали имя его, какъ и имя павшаго въ бою генерала Пассека, популярнымъ въ кавказской арміи.

Вечеромъ 22 ноября мы получили приказаніе немедленно выступить въ ст. Ассинскую, находящуюся въ 7 верстахъ отъ Михайловской. Уже ночью мы пришли туда и расположились на станичной площади. Во время раздачи солдатамъ порцій спирту, вдругъ получилъ я отъ своего баталіоннаго командира приказаніе явиться къ Слѣпцову, для нахожденія при немъ за адъютанта во время набѣга. Молча поклонился я баталіонному командиру и тотчасъ поѣхалъ явиться къ своему новому, на короткое время, начальнику. Онъ принялъ меня въ квартирѣ съ обычной своей ласковостію и съ участіемъ замѣтилъ, что я легко одѣтъ и могу озябнуть. Спустя нѣсколько минутъ, мы сѣли на коней и поѣхали къ переправѣ черезъ Ассу, черезъ которую части войскъ переходили въ бродъ. Наконецъ, небольшой нашъ отрядъ вытянулся на правомъ берегу рѣки и двинулся по дорогѣ на укр. Ачхой. Мы шли форсированнымъ маршемъ, спереди кавалерія — по три въ рядъ, за нею горныя орудія и пѣхота. Въ головѣ всѣхъ ѣхалъ Слѣпцовъ и тихо разговаривалъ съ лазутчикомъ.

Тускло свѣтила намъ луна сквозь прозрачный паръ по всей долиנѣ. Впереди насъ, какъ черезъ флеръ, уже чернѣли широкой полосой лѣса Малой Чечни; направо зіяли гигантскія ворота Бумуты; до нихъ было 12 верстъ. Вдругъ голова колонны круто повернула къ нимъ:

длинная колонна зазмѣилась по дорогѣ, и какъ змѣя тихо ползла къ дремавшимъ въ покоѣ великанамъ. Что-то торжественное было въ этомъ секретномъ ночномъ движеніи: не слышно было ни одного въ полголоса слова: только лошади по временамъ фыркали, да мерзлая земля глухо стонала.

Во второмъ часу почи мы вступили въ бумутскія ворота и расположились въ котловинѣ, усѣянной копнами непріятельскаго сѣна. Направо и лѣво возвышались почти отвѣсныя горы, поросшія частымъ лѣсомъ; впереди былъ оврагъ, въ который вела тропинка и на днѣ котораго шумѣла Фортанга; за оврагомъ находилась высокая природная терраса поперекъ, и защищала входъ въ другую котловину. Кавалерія припустила лошадей къ сѣну. Спустя нѣсколько минутъ, пришла пѣхота и легла у оврага. Слѣпцовъ отдалъ приказаніе, чтобы люди не разговаривали и не курили трубокъ; самъ же завернулся въ шинель и легъ на развороченную копну сѣна. Такъ прошелъ часъ. Наконецъ, пѣхота двинулась и исчезла въ оврагѣ. Спустя еще часъ двинулась и кавалерія, и, поднявшись изъ оврага на крутую террасу, вступила въ другую котловину, гдѣ тихо лежала пѣхота.

Было около 4 часовъ утра; отрядъ построился. На востокъ отъ ущелья уже слышенъ былъ лай собакъ въ аулахъ; но путь предстоялъ намъ въ противоположную сторону. Шепотомъ скомандовали кавалеріи, и она, по два въ рядъ, первая покарабкалась по тропинкѣ, на высокій и чрезвычайно крутой отрѣзъ праваго лѣснаго кряжа. Толпа шла извилинами; едва мы поднялись по ней съ версту, какъ валежникъ и срубленные толстыя деревья преградили намъ путь. Въ головѣ казаки спѣшились и стали руками расчищать дорогу. Слѣпцовъ приказалъ привести саперъ. Я отправился за ними обратно, съ трудомъ пробиваясь между рядами конныхъ, которыя буквально давились на узкой тропинкѣ. Прибѣжали саперы;

но кавалерія, безъ помощи ихъ, уже успѣла выбратъся изъ заваловъ и, миновавъ наибольшую крутизну, пошла рысью между разрѣдѣвшимъ лѣсомъ. Начало свѣтать. Но вотъ она снова спѣшилась и снова стала расчищать на пути завалы. Едва показался я на глаза Слѣпцову, какъ онъ опять послалъ меня назадъ съ приказаніемъ къ начальнику пѣхоты, полковнику Вережкину, — поспѣшить на присоединеніе. Время было дорого. Я поскакалъ съ горы, не обращая вниманія на крутизну и валежникъ. Спустя полчаса приказаніе было передано, — и быстрый мой кабардинецъ, какъ на крыльяхъ, несъ меня снова вверхъ и, наконецъ, вынесъ на узкій гребень горы.

Направо, съ сѣверной стороны, тянулось глубокое дефіле съ частымъ лѣсомъ, налево такое же другое. За послѣднимъ, на южной сторонѣ, красиво рисовались, непрерывной и высокой грядою, вертикальные утесы спѣжнаго хребта. Изъ опушки лѣса, съ правой стороны, уже пощелкивали непріятельскіе выстрѣлы и раздавался пронзительный крикъ „гя-у-у-ръ?“ Лошадь шарахнулась въ сторону и вмигъ примчала меня къ кавалеріи, которая стояла въ четверти версты вытянувшись фронтомъ къ южному дефіле. Когда я подѣхалъ къ Слѣпцову, онъ задумавшись стоялъ надъ обрывомъ; внизу, на днѣ глубокой и живописной котловины, окаймленной висящими чинарами по бокамъ, былъ опрятный аулъ Хандылбасъ, раздѣленный ручьемъ на двѣ половины. Горцы, какъ муравьи, высыпали и суетились съ длинными винтовками въ рукахъ; но крутизна спуска не позволяли конницѣ добраться къ нимъ. Среди глубокаго молчанія, взоры всѣхъ на нѣсколько минутъ были прикованы къ чудной картинѣ горной природы, еще новой для глазъ русскихъ. Наконецъ, Слѣпцовъ прервалъ молчаніе, обратившись ко мнѣ съ вопросомъ: „Скоро-ли будетъ пѣхота?“ Я отвѣчалъ, что не ранѣе какъ черезъ часъ. — „Если такъ, сказалъ онъ, то зададимъ прежде арштинцамъ, а то упустимъ

здѣсь и тамъ.“—Глаза его зажглись огнемъ, и мужественныя черты лица вдругъ приняли грозное выраженіе. Въ желтой черкескѣ своей онъ былъ теперь похожъ на горца.

До прибытія пѣхоты онъ распорядился оставить 2 сотни на горѣ, для наблюденія за Хандылбасомъ; а съ остальной кавалеріей устремился въ сѣверное дефиле, къ аулу Аршты, бывшему у опушки лѣса. Горцы уходили въ чащу, гоня скотину и унося пожитки. Мулла, въ бѣлой чалмѣ, послѣднимъ оставилъ порогъ родной сакли. Мы обскакали съ двухъ сторонъ аулъ и отбили часть рогатаго скота. Вмигъ двѣ сотни спѣшились и заняли опушку лѣса. Завязалась перестрѣлка; въ это время толпы горцевъ показались на высотахъ, съ сѣверной стороны, гдѣ липились ихъ хутора. Огонь все болѣе успливался, ракеты шипящими змѣями понеслись вверхъ, на гору; аулъ запылалъ, и черный дымъ пожара, соединившись съ порохомъ, затмилъ первые лучи восходящаго солнышка. Слѣпцовъ сошелъ съ лошади и отправился въ цѣпь; я послѣдовалъ за нимъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него былъ убитъ урядникъ и ранены два казака. Я съ досадою подумалъ: „какая надобность быть ему въ цѣпи? ужъ не ищетъ ли онъ смерти?“ Въ это время онъ послалъ меня съ приказаніемъ, чтобы пѣхота, уже спускавшаяся съ горы, поспѣшила смѣнить казаковъ въ лѣсу; наконецъ, она, послѣ долгаго ожиданія, пришла. Шумъ и пальба еще болѣе усилились; подожженный со всѣхъ концовъ аулъ еще сильнѣе запылалъ, и дымъ скрылъ отъ нашихъ взоровъ на высотахъ непріятеля.

Покончивъ съ главнымъ притономъ разбойничьяго населенія, отрядъ нашъ снова началъ движеніе впередъ, къ Нестеровскому ущелью,—вопреки ожиданіямъ горцевъ, часть которыхъ, до этого, бросилась въ бутумскій лѣсъ, полагая, что мы будемъ возвращаться по прежней дорогѣ. Хотя наканунѣ набѣга только Слѣпцовъ и Веревкинъ знали объ избранномъ пути для вторженія въ горы, но

нѣсколько человѣкъ мирныхъ горцевъ, имѣвшихъ тамъ родственниковъ, желая спасти ихъ отъ раззоренія, невидимо слѣдили за нашимъ ночнымъ движеніемъ и, пробравшись въ горы кратчайшей дорогою, дали знать о немъ арштинцамъ. Послѣдніе, не ожидая чтобы мы рѣшились придти къ нимъ черезъ Бутумское ущелье, оставили его безъ вниманія, а можетъ быть и не успѣли занять; но они ожидали насъ на другой дорогѣ, по которой Слѣпцовъ ходилъ къ нимъ въ 1847 году, но не достигъ цѣли. Теперь они вторично ошиблись въ расчетѣ; мы пошли по сѣверному дефиле, на западъ. На лѣво отъ насъ былъ глубокій оврагъ, на право высокій хребетъ, по крутому склону котораго пролегала узкая дорога. Прошедъ по ней верстъ 14, мы встрѣтили часть галашевского отряда, шедшаго къ намъ на встрѣчу изъ позиціи на лѣвомъ берегу Ассы, гдѣ производилась просѣлка въ лѣсу.

Пѣшіе и конные горцы слѣдовали параллельно за нашимъ движеніемъ, по гребню сѣвернаго хребта, откуда стрѣляли по колоннѣ внизъ; но по причинѣ значительной высоты, на которой они находились, не могли нанести намъ особеннаго вреда. Мы отвѣчали имъ ракетами, которыя заставляли толпы ихъ разбѣгаться въ стороны. Вечеромъ, мы перевалили черезъ сѣверный галашевскій хребетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ, загибаясь подъ прямымъ угломъ на югъ, образуетъ Нестеровское ущелье. Перестрѣлка, стоившая намъ 18 человѣкъ убитыми и ранеными, кончилась. Мы спустились съ крутой горы въ ущелье и перешли Ассу въ бродъ. Наступила темная ночь; но зарево горѣвшаго непріятельскаго сѣна, зажженнаго нами по дорогѣ отъ Арштовъ до Ассы, освѣщало намъ въ темнотѣ остальной, непройденный путь. Наконецъ мы поднялись на гору и въ 10 часовъ вечера пришли на позицію галашевского отряда.—Послѣ слишкомъ суточного движенія, въ продолженіе котораго мы сдѣлали 80 верстъ, сильная усталость повергла насъ всѣхъ на открытомъ

бивуакѣ. Всѣ впечатлѣнія дня исчезли передъ потребностью покоя, и мы на первую ночь зимней экспедиціи, продолжавшейся по 20 декабря, сладко вкусили его на снѣгу, у потухавшихъ костровъ.

Оборона черноморскихъ береговыхъ укрѣпленій въ 1840 году.

Въ видахъ воспрепятствованія тайнаго подвоза моремъ изъ Турціи пороха и свинца бывшимъ непокорнымъ горцамъ Западнаго Кавказа, для обузданія грабежей и уничтоженія торгова невольниками и въ особенности невольницами,—которыми, несмотря на всю бдительность нашихъ крейсеровъ, турецкія контрабандійскія кочермы не переставали ежегодно нагружаться, какъ всегда выгодно сбывавшимся товаромъ на рынкахъ большихъ городовъ Востока,—на всемъ протяженіи восточнаго берега Чернаго моря, отъ Сухумъ-Кало до Анапы, были воздвигнуты прибрежные форты. Это были не болѣе какъ средней и малой величины редуты, для гарнизоновъ изъ нѣсколькихъ ротъ. Форты эти, обведенные одиночнымъ рвомъ, съ насыпнымъ валомъ, какими обыкновенно ограждались отъ нападеній горцевъ наши станицы на передовой Кавказской линіи, были вооружены, по бастіонамъ, по большей части, чугунными корабельными пушками, и запирали кочермамъ входъ въ болѣе удобныя для пристанища бухты, гдѣ чаще производилась контрабандная торговля съ горцами.

Въ этой линіи береговыхъ фортификаціонныхъ сооружений прежде всѣхъ возникли, въ первыхъ 30-хъ годахъ: Геленджикъ (прежняя турецкая крѣпостца) и въ послѣднихъ 30 годахъ: укр. Святого Духа (Адлеръ), ф. Навагинскій, ф. Головинскій, ф. Лазарева, укр. Вельяминовское, ф. Раевскій (укр. Тенгинское), укр. Михай-

ловское, Новотроицкое и Новороссійское. Предпослѣднее изъ нихъ до 1840 года было упразднено; а сухопутныя: Николаевское и Абинское, построенное на землѣ большихъ шансуговъ, на сѣверо-востокъ отъ Анапы, составляли, въ стратегическомъ отношеніи, продолженіе береговой линіи.

Всѣ вышеназванныя береговыя укрѣпленія, хотя между нѣкоторыми изъ нихъ было небольшое разстояніе, могли имѣть между собою сообщеніе только моремъ, посредствомъ судовъ, которыя, впрочемъ, въ извѣстные зимніе мѣсяцы, не подвергаясь величайшей опасности отъ свирѣпствующей у тѣхъ береговъ бory, не могли служить имъ постояннымъ сообщеніемъ. Слѣдовательно, всѣ они, въ періодъ ненавигаціоннаго времени, были предоставлены, какъ въ отношеніи обороны отъ нападеній непріятеля, такъ и въ другихъ крайнихъ случаяхъ, ихъ собственнымъ, имѣвшимся подъ рукою средствамъ.

Изъ числа перечисленныхъ укрѣпленій форты: Лазарева, Раевскій и Головинскій были отстроены и окончательно вооружены въ октябрѣ 1839 года. Вскорѣ послѣ амбаркаціи экспедиціоннаго отряда, строившаго ихъ подъ личнымъ распоряженіемъ начальника береговой линіи, генераль-лейтенанта Раевского, въ нихъ, въ особенности въ ф. Лазарева и укр. Вельяминовскомъ, страшно усилились свойственныя климату болѣзни — лихорадки и диссентеріи. Во время сильнаго развитія болѣзней, гарнизонъ послѣдняго укрѣпленія, вслѣдствіе донесеній и просьбъ воинскаго начальника, успѣлъ еще до совершеннаго прекращенія навигаціи получить въ подкрѣпленіе 2-ю гренадерскую роту Навагинскаго пѣхотнаго полка, перевезенную на баркасахъ Азовскихъ казаковъ изъ Анапы. Къ сожалѣнію, воинскій начальникъ ф. Лазарева не оказалъ заботливости къ сохраненію ввѣреннаго ему поста, что и было, по словамъ очевидцевъ, если не глав-

ной*) причиной гибели, то причиной, ускорившей гибель какъ ф. Лазарева, такъ вслѣдъ и другихъ береговыхъ укрѣпленій, изъ которыхъ Михайловское, построенное въ 1837 году, рѣдкимъ мужествомъ и славной обороной своихъ защитниковъ сдѣлалось достопамятнымъ.

Прежде, чѣмъ приступить къ описанію катастрофы, подробности которой мало кому извѣстны, перенесемся въ тогдашніе окопы ф. Лазарева, гдѣ еще осенью 1839 г., по словамъ очевидца, возникли изъ неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ и частныхъ случаевъ причины, ускорившія его паденіе и подстрекнувшія горцевъ на чрезвычайно смѣлое предпріятіе — уничтожить всю нашу Черноморскую береговую линію. Это укрѣпленіе, находившееся въ промежуткѣ линіи между фортами Головинскимъ и Вельяминовскимъ и вооруженное по угловымъ бастіонамъ 4-мя чугунными корабельными пушками, было одно изъ меньшихъ въ этомъ родѣ. Отъ него въ разстояніи на ружейный выстрѣлъ, почти у самаго прибоя морскихъ волнъ, былъ деревянный блокгаузъ, охранявшійся 12-ю азовскими**) казаками. — Ф. Лазарева, еще до амбаркаціи отряда, получилъ гарнизонъ изъ 4-й мушкетерской

*) По выводу изъ данныхъ, взятыхъ для описанія этого эпизода изъ кавказскихъ войнъ, причиной паденія въ 1840 году нашихъ 4-хъ укрѣпленій и нападенія горцевъ почти на всѣ, составлявшія Черноморскую береговую линію, были: самая несостоятельность большей части этихъ укрѣпленій, на скорую руку построенныхъ и дурно вооруженныхъ; малочисленность въ нихъ гарнизоновъ, сильно ослабленныхъ болѣзнями; частые побѣги къ непріятелю нижнихъ чиновъ, передававшихъ горцамъ свѣдѣнія о бѣдной численности людей въ оставленныхъ частяхъ войскъ; наконецъ, какъ объяснено выше, невозможность присылки помощи. Въ отношеніи снабженія гарнизоновъ продовольственными и военными припасами и лазаретовъ медикаментами недостатка не было. Главной же причиной дезиртированія нижнихъ чиновъ была паника, наведенная смертностью отъ диссентеріи, свирѣпствовавшей въ укрѣпленіяхъ.

**) Назначеніе этихъ казаковъ было — отвозить почту и въ крайнихъ случаяхъ перевозить на баркасахъ небольшія войскъ части.

роты Тенгинскаго пѣхотнаго полка. Въ ротѣ было слишкомъ 200 штыковъ, 3 офицера и медикъ. Ротный командиръ, капитанъ Марченко, былъ назначенъ воинскимъ начальникомъ. Меньше чѣмъ за годъ до описываемыхъ событій, переведенный на Кавказъ изъ Россіи и побывавъ одинъ разъ въ экспедиціи, онъ составилъ себѣ невыгодное понятіе о непріятелѣ. Пропитанный мелкимъ педантизмомъ, онъ, по ошибочности взгляда на вещи, не могъ сознавать опасности положенія, въ которое былъ поставленъ окружающими трудными обстоятельствами. Еще задолго до начала ихъ, сталъ пріѣзжать изъ горъ въ укрѣпленіе, съ предложеніемъ услугъ, лазутчикъ Измаилъ. Бывалый и ловкій горецъ, хорошо говорившій по-русски, умѣлъ понравиться Марченкѣ, несмотря на то, что разъ проговорился, что онъ прежде былъ лазутчикомъ на Кубанской линіи, гдѣ, по совершенно напрасному подозрѣнію, былъ арестованъ и содержался на гауптвахтѣ въ Екатеринодарѣ, но оттуда бѣжалъ и возвратился на родину.

Старшій въ ротѣ субалтернъ-офицеръ, вслѣдствіе частыхъ пріѣздовъ Измаила, однажды прямо высказалъ воинскому начальнику, что убыхъ-подозрительное лицо, и что его, безъ завязанныхъ глазъ и особенной надобности, не слѣдовало бы впускать въ укрѣпленіе. Но упрямый и щепетильно-самолюбивый Марченко не хотѣлъ сознавать справедливости высказаннаго въ глаза замѣчанія. Въ оправданіе своей довѣрчивости, хваля честность и преданность Измаила, поклявшагося сообщить ему о малѣйшемъ непріязненномъ намѣреніи горцевъ, онъ при этомъ самоувѣренно говорилъ, что если-бъ они и вздумали напасть на укрѣпленіе, то онъ всегда съумѣлъ бы отстоять его и противъ тысячъ такого непріятели.

Съ ноября между нижними чинами страшно усилилась смертность: въ мѣсяцъ умирало до 30-ти человѣкъ. Медикъ и младшіе офицеры стали совѣтывать воинскому

начальнику послать донесеніе, не скрывая истины, и просить подкрѣпленія, пока не прекратилась совершенно навигація. Но онъ на это возражалъ: если въ пѣхотномъ полку въ Россіи умираетъ въ одинъ мѣсяць 30 человѣкъ солдатъ, то командира отрѣшаютъ отъ полка; что же съ нимъ сдѣлаютъ, если узнаютъ изъ донесенія, что у него въ ротѣ въ одинъ мѣсяць умираетъ по 30-ти человѣкъ! Но что съ ослабленіемъ болѣзней и уменьшеніемъ смертности онъ немедленно отправитъ донесеніе о числѣ всѣхъ умершихъ и, раздѣливъ ихъ пропорціонально по мѣсяцамъ, отстранитъ отъ себя отвѣтственность. Упираясь постоянно на приводимый силлогизмъ, Марченко на опасенія и совѣты младшихъ офицеровъ не обращалъ вниманія. Между тѣмъ время шло — и смертность не прекращалась.

Въ декабрѣ небольшая партія конныхъ горцевъ выѣхала изъ ближайшаго ущелья и бросилась на ротный порціонный скоть, ходившій на пастбѣ за рвомъ укрѣпленія. Но нападеніе, съ пѣлью угнать скоть не имѣло удачи: гарнизонъ успѣлъ сдѣлать во-время вылазку, — горцы ускакали и въ виду форта больше не показывались.

Въ январѣ 1840 года пріѣхалъ изъ горъ Измаиль и съ нимъ, на бѣлой лошади, молодой убыхъ, котораго Измаиль отрекомендовалъ сыномъ почетнаго въ горахъ узденя. Несмотря на эту рекомендацію, Марченко невмѣру и безтолку разшумѣлся на пріѣхавшаго съ кунакомъ его гостя, приказалъ его связать, и объявилъ, что отправитъ въ Анапу; такъ какъ онъ хорошо замѣтилъ его бѣлую красивую лошадь при нападеніи горцевъ на скоть вблизи форта. Тицетно клялся Измаиль, что пріѣхавшій съ нимъ горецъ никогда не былъ въ числѣ нападавшихъ хищниковъ; но Марченко, твердо убѣжденный въ своемъ подозрѣніи, можетъ быть и основательномъ, только по просьбѣ медика оставилъ свое намѣреніе, — но все-таки устоялъ на томъ, что сына почетнаго узденя слѣдуетъ непременно

проучить. Наказавъ убыха розгами, онъ приказалъ прогнать его изъ укрѣпленія.

Этотъ скандалезный, по духу тогдашняго времени, повидимому, маловажный случай, нѣтъ сомнѣнія, не остался также безъ послѣдствій на ускореніе событій, которыхъ воинскій начальникъ ф. Лазарева, поставленный въ первый разъ въ отношенія съ малоизвѣстнымъ ему народомъ, не предвидѣлъ и не ожидалъ. Но описанный случай не измѣнилъ его добраго расположенія къ Измаилу и не отрезвилъ его непонятнаго ослѣпленія.

Въ послѣднихъ числахъ января кунакъ снова пріѣхалъ и снова клялся, что въ горахъ попрежнему спокойно, и убахи ничего враждебнаго не замышляютъ. Въ этотъ его пріѣздъ Марченко болѣе чѣмъ когда-либо выказывалъ ему знаки расположенія; Измаиль уѣхалъ обласканный и съ кое-какими подарками, и больше не пріѣзжалъ.

Наконецъ наступилъ февраль. 16-го числа въ гарнизонѣ оставалось подъ ружьемъ, съ унтеръ-офицерами, всего до 70-ти человѣкъ. Кромѣ этого, до 30-ти человѣкъ лежало въ лазаретѣ, 11 было въ бѣгахъ, а всѣ остальные умерли. Въ это время весь гарнизонъ, для ночного караула, раздѣлялся только на двѣ смѣны; одна оставалась въ казармѣ, другая выходила къ валу. Бывшіе въ ротѣ 2 юнкера по недостатку людей, въ ночной караулъ наряжались за рядовыхъ.

17 февраля, утромъ на зарѣ, барабанщикъ, по обыкновенію, раньше всѣхъ проснулся и вышелъ изъ казармы. Ставъ на серединѣ площадки укрѣпленія, онъ началъ бить утреннюю зарю, — но, не пробивъ половину, вдругъ забилъ тревогу: въ это мгновеніе горцы, еще ночью незамѣтно спустившіеся въ ровъ восточнаго фаса, показались съ шашками, на гребнѣ вала и безъ выстрѣла начали рубить часовыхъ и канонировъ, стоявшихъ у бруствера и орудій.

По тревогѣ, изъ казармы выбѣжало человѣкъ 25 съ ружьями; но, увидя, что непріятель уже овладѣлъ валомъ одного фаса, эти люди, бывшіе въ рубашкахъ, побѣжали къ ближайшей южной батарее. Пробѣгая мимо порохового погреба, они вдругъ, какъ бы вспомнивъ что-то, просили отпереть двери; но бывший съ ними фейерверкеръ сказалъ, что съ нимъ нѣтъ ключа. Тогда они заняли батарею и, повернувъ орудіе, успѣли сдѣлать два выстрѣла картечью по непріятелю, наводнявшему укрѣпленіе. Но послѣ этого, окруженные со всѣхъ сторонъ, они были перебиты или обезоружены. Въ числѣ послѣднихъ были два юнкера *), надъ головами которыхъ уже сверкали шашки, но ихъ спасли почетные узденіи, закричавшіе горцамъ: „это офицеры, лучше возьмемъ ихъ въ плѣнъ и получимъ большой выкупъ“.

Въ то время какъ часть горцевъ штурмовала внѣ форта блокгаузъ, изъ бойницъ котораго отстрѣливались казаки, другая толпа ломилась въ казарму, офицерскій флигель и лазаретъ. Баталіонный медикъ и старшій субалтернъ-офицеръ были убиты во флигелѣ; другой младшій офицеръ былъ взятъ въ плѣнъ. Марченко же, успѣвшій наскоро одѣться, незамѣтно проскользнулъ, между валомъ и строеніями, черезъ калитку въ западномъ фасѣ, надѣясь, вѣроятно, спастись въ блокгаузъ,—но наткнулся, съ шашкой въ рукѣ, на толпу горцевъ. Очертя голову, онъ какъ безумный врубился въ толпу, и былъ изрубленъ въ мелкія части. Кунакъ его Измаилъ въ этотъ разъ былъ также въ укрѣпленіи и тоже работалъ шашкой **).

*) Взятые на батарею въ плѣнъ, въ числѣ 9 человѣкъ, они чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ были выкуплены родственниками. Изъ нихъ Ксархаки, — передалъ и описанныя подробности о событіяхъ въ ф. Лазарева.

**) Во время нахожденія г. Ксархаки въ плѣну, Измаилъ при первой встрѣчѣ съ нимъ, показавъ видъ удивленія, что видитъ его въ живыхъ, спросилъ: „А что же я не видѣлъ тебя, когда было взято

Разграбивъ все, что можно было унести, и отобравъ изъ числа больныхъ, въ лазаретѣ могшихъ слѣдовать, горцы, которыхъ въ сборѣ было около 5,000, зажгли постройки въ фортѣ и удалились въ горы, но не надолго.

Легкость взятія ф. Лазарева убѣдила горцевъ, долго невѣрившихъ въ справедливость показаній перебѣжчиковъ о слабости гарнизоновъ въ укрѣпленіяхъ, въ легкой возможности уничтожить ихъ послѣдовательно одно за другимъ. А надежда на поживу добычей собрала, на голосъ народныхъ вождей, еще большія толпы хищнаго непріятеля, едва неуспѣвшаго вполне осуществить дерзкое намѣреніе.

Съ этой цѣлью убыли, въ числѣ около 7,000, снова собрались, и 1-го марта, подъ покровительствомъ ночи, тихо и незамѣтно подступили къ укр. Вельяминовскому; бывшему въ промежуткѣ линіи между ф. Лазарева и ф. Раевского.

Укр. Вельяминовское, вооруженное 6-ю чугунными орудіями и 4-мя мортирками, имѣло въ гарнизонѣ три роты. Въ двухъ изъ нихъ — Черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ, — еще съ лѣта 1839 года ослабленныхъ болѣзнями, оставалось подъ ружьемъ не болѣе 140-ка человекъ; во 2-ой гренадерской ротѣ Навагинскаго пѣхотнаго полка; не задолго присланной, было около 150-и штыковъ.

На разсвѣтѣ, 2-го марта, когда обѣ линейныя роты еще стояли въ ночномъ караулѣ у вала и на батареяхъ, а люди 2-го взвода навагинской роты слушали въ походной церкви, по случаю говѣнья, заутреню, въ субботу на первой недѣлѣ Великаго поста, — непріятель, незамѣченный часовыми, вдругъ бросился къ воротамъ,

ваше укрѣпленіе?“ — А я такъ видѣлъ тебя, когда ты рубилъ шашкой корову въ укрѣпленіи, когда ужъ не кого было рубить, — сказалъ ему по турецки въ отвѣтъ плѣнникъ и заставилъ своего хозяина, узденя, улыбнуться и покраснѣть предателя.

укрѣпленія и началъ ихъ ломать. На тревогу прибѣжалъ 1-й взводъ навагинцевъ, бывшій въ казармѣ, и ротный командиръ, капитанъ Худобашевъ, тотчасъ вступилъ въ рукопашный бой съ горцами, уже разломившими ворота и ворвавшимися въ укрѣпленіе. Спустя нѣсколько минутъ, 2-й взводъ, бывшій въ церкви, присоединился къ 1-му взводу и гренандеры штыками очистили отъ непріятеля укрѣпленіе. Но въ то самое мгновеніе горцы, подсаживая другъ друга во рву, одновременно показались на валу съ трехъ фасовъ. Слабыя линейныя роты, занимавшія караулы по постамъ, послѣ недолгаго сопротивленія, погибли вмѣстѣ съ своими ротными командирами и воинскимъ начальникомъ. Тогда Худобашевъ отступилъ отъ воротъ на ближайшій бастіонъ, и повернувъ орудія, открылъ огонь по толпившемуся непріятелю. Разстрѣлявъ всѣ снаряды и патроны, онъ рѣшился умереть съ ротою на батарее у орудій, которыя пять разъ переходили изъ рукъ въ руки. Зло и отчаянно дрались гренандеры, устилая горжу бастіона своими и непріятельскими трупами. Ободряемые храбрымъ своимъ командиромъ, раненымъ пулей въ животъ и неперестававшимъ сидя командовать, они были подавлены многочисленной толпой только около трехъ часовъ пополудни.

Худобашевъ *) и человекъ 15 раненыхъ гренандеровъ были взяты въ плѣнъ. Всѣ остальные и въ числѣ ихъ субалтернъ-офицеръ и медикъ пали на батарее. Взявъ въ плѣнъ нѣсколько человекъ больныхъ, которые могли ходить, и священника изъ-за престола въ алтарѣ, горцы, по разграбленіи найденнаго имущества и преданіи огню деревянныхъ построекъ въ укрѣпленіи, снова, на нѣкоторое время, разошлись по ауламъ.

*) Раненаго Худобашева, чрезъ нѣсколько времени, горцы сами привезли въ Анапу и, изъ уваженія къ его храбрости, отдали безъ выкупа.

Взятіе двухъ укрѣпленій распространило, черезъ лазутчиковъ, по всей береговой линіи тревогу и вызвало въ воинскихъ начальникахъ необыкновенную энергію къ скорѣйшему приведенію ввѣренныхъ имъ постовъ въ возможно лучшее, по средствамъ, оборонительное состояніе. Для этого воинскіе начальники прежде всего озаботились объ углубленіи рвовъ и возвышеніи валовъ, осыпавшихся отъ дождей. Кромѣ того, всѣмъ не трудно больнымъ были розданы ружья и патроны, и бдительность за исправнымъ стояніемъ людей въ ночномъ караулѣ была удвоена. А михайловскій воинской начальникъ, получивъ свѣдѣніе о намѣреніи горцевъ напасть на ввѣренное ему укрѣпленіе прежде, сверхъ того распорядился перекопать его во всю длину новымъ рвомъ въ видахъ лучшаго прикрытія укороченныхъ фасовъ малочисленнымъ гарнизономъ. Блокгаузъ былъ разобранъ; на случай же вторженія непріятеля въ окопы, внутри были устроены завалы изъ досокъ и другихъ матеріаловъ, имѣвшихся въ укрѣпленіи.

Укр. Михайловское, находившееся между ф. Раевского и укр. Геленджикомъ, имѣло на своихъ бастіонахъ 8 орудій и гарнизонъ изъ 3-хъ ротъ: одной Черноморскаго линейнаго № 5 баталіона, 5-й мушкетерской Навагинскаго и 9-й мушкетерской Тенгинскаго пѣхотнаго полковъ. Первою изъ нихъ командовалъ штабсъ-капитанъ Лико, онъ же былъ и воинскій начальникъ.

Численность гарнизона, включительно съ артиллерійской прислугой, казаками и больными, простиралась за 440 человекъ*), могшихъ защищаться.

Храбрый и предусмотрительный Лико, извѣщенный о сборѣ огромной партіи и принятіи во враждебномъ намѣреніи участія шапсугами, не ожидая ни откуда по-

*) По свѣдѣніямъ въ кавказскомъ календарѣ менѣе 400, въ Военно-энциклопедическомъ лексиконѣ до 480 и въ приказѣ военнаго министра—до 500 человекъ.

мощи извнѣ, рѣшился защищаться до послѣдней возможности, и, въ крайнемъ случаѣ, заклепать орудія и погребсти себя съ горнизономъ подъ развалинами укрѣпленія.

Дней за пять до штурма пріѣхалъ лазутчикъ, сообщавшій заранѣе о замыслѣ непріятеля; но въ этотъ разъ онъ не подтвердилъ положительно перваго сообщеннаго извѣстія. По отъѣздѣ его пріѣхали еще два горца и привезли еще болѣе успокоительныя вѣсти; что нападенія не будетъ, и что собравшаяся въ горахъ партія намѣрена напасть на другое, менѣе сильное укрѣпленіе. Послѣднее противорѣчивое показаніе и вслѣдъ затѣмъ безпрестанное появленіе новыхъ подозрительныхъ лазутчиковъ, утверждавшихъ одно и тоже объ отложеніи скопищемъ враждебнаго намѣренія, уже пролили въ душу многихъ надежду, что нависшая гроза надъ укрѣпленіемъ минуетъ,—только не обманули опытнаго и хорошо знавшаго горцевъ Ліко.

19-го марта, созвавъ всѣхъ офицеровъ и солдатъ, онъ объявилъ о принятой имъ рѣшимости и, напомнивъ людямъ о долгѣ воинской присяги и непосрамленіи чести оружія, предложилъ взорвать пороховой погребъ, если непріятель не будетъ отбитъ и овладѣетъ валами. Предложеніе было принято единодушно, а выполнить его вызвался рядовой роты Тенгинскаго пѣхотнаго полка. — Архипъ Осиповъ.

Находившійся въ укрѣпленіи, для отправленія требъ, іеромонахъ Паиссій благословилъ гарнизонъ, обрѣкшій себя на славную смерть.

Открыто сдѣланное объявленіе гарнизону воинскимъ начальникомъ о рѣшительномъ его намѣреніи, въ разрѣзъ не согласовавшемся съ послѣдними успокоительными извѣстіями отъ лазутчиковъ, еще болѣе усиленные мѣры осторожности и передача Архипу Осипову ключа отъ порохового погреба, котораго онъ, по словамъ его

товарищей-очевидцевъ, сдѣлался „хозяиномъ“, поставили питавшихъ надежду на спасеніе въ самое тяжелое, исполненное нравственной агоніи состояніе, продолжавшееся съ 19 го по 22-е число. Тѣ же, которые вполнѣ раздѣляли ненапрасныя опасенія начальника гарнизона; которые видѣли его проводившимъ безсонныя ночи на валахъ, и которые не видѣли другаго честнаго выхода изъ угрожаемаго, безпомощнаго положенія какъ только честную смерть, съ оружіемъ въ рукахъ, въ послѣдніе дни, приготовляясь встрѣтить врага, въ тоже время, съ спокойнымъ духомъ, стали готовиться встрѣтить по христіански и смерть. Для чего многіе исповѣдывались, обмылись и одѣлись въ чистое бѣлье и новые мундиры.

Ночью, 21-го марта, непріятель вышелъ изъ ближайшихъ ущелій и, въ числѣ болѣе 11,000 окружилъ укрѣпленіе. Утромъ слѣдующаго числа, въ пятницу на 4-й недѣли Великаго поста, пѣшія толпы, неся лѣстницы, со всѣхъ сторонъ устремились на приступъ. Встрѣченные картечью изъ орудій и сильнымъ ружейнымъ огнемъ изъ-за туровъ, горцы сначала заколебались и подались назадъ. Послѣ же перестрѣлки, продолжавшейся полтора часа, они успѣли взойти въ нѣсколькихъ пунктахъ на валъ; но сброшенные штыками въ ровъ и поражаемые пулями и картечью, обратились въ бѣгство.

Досадуя на неудачу, убыхи стали обвинять шапсуговъ въ нерѣшительности и бѣгствѣ. Взаимныя обвиненія чуть-было не повели къ междоусобной дракѣ; наконецъ, по соглашенію вождей одного и другого племени, было приказано наблюдавшей въ отдаленіи конницѣ подвинуться ближе и рубить всѣхъ, кто только обратится въ бѣгство. Тогда пѣшіе, появивъ безвыходность своего положенія, съ отчаяніемъ и гикомъ, снова устремились на приступъ: одновременно взошли на валъ и, одолѣвъ гарнизонъ многочисленною, потѣснили его съ трехъ фасовъ къ заваламъ.

Архинъ Осиповъ во все время штурма приносилъ на ближайшіе бастіоны снаряда и патроны. Въ послѣдній приносъ, видя смерть своего ротнаго командира, пораженнаго пулей въ упоръ, и гибель роты, умиравшей въ неравной борьбѣ при защитѣ двухъ батарей и вала, онъ положилъ ношу и поднималъ ружье убитаго; въ эту самую минуту непріятель, уже вторгнувшійся чрезъ валъ смежнаго фаса, заходилъ въ тылъ его храбрымъ товарищамъ, когда они съ младшимъ офицеромъ дорого продавали жизнь у заклепанныхъ орудій. Въ послѣдній разъ онъ далъ по врагу выстрѣлъ и бросился съ пальникомъ въ бывший въблизи пороховой погребъ.

Уже слабо продолжавшаяся перестрѣлка въ завалахъ затихла, и ворвавшіяся со всѣхъ сторонъ хищныя толпы распоряжались въ укрѣпленіи, въ это время вдругъ произошелъ взрывъ. Въ послѣдовавшія затѣмъ мгновенія горцы, оглушенные, пораженные внезапнымъ ужасомъ, обсыпанные мусоромъ, строительными матеріалами и членами разорванныхъ тѣлъ вмѣстѣ съ горстью уцѣлѣвшихъ защитниковъ, приготовившихся умереть въ завалѣ, невольно опустили оружіе.

Непріателемъ взято въ плѣнъ всего около 80 чело-вѣкъ, въ числѣ ихъ 2 офицера и іеромонахъ *). Храбрые Лико, его братъ подпоручикъ командиръ тенгинской роты, подпоручикъ Краусгольдъ и его роты сулбалтернъ-офицеръ, прапорщикъ Гаевскій, были убиты во время штурма.

Вотъ приказъ бывшаго военнаго министра, графа Чернышева, отъ 8-го ноября 1840 года за № 79, изъ ко-

*) Іеромонаха Паиссія горцы почему-то приняли за плотника и, при обратномъ движеніи въ горы, навьючили награбленными пожитками; когда же узнали о его духовномъ санѣ, то продали за полтора руб. горскимъ армянамъ, которые и доставили его на линію. Эти армяне, жившіе среди непокорныхъ горцевъ Западнаго Кавказа, часто выкупали нашихъ плѣнныхъ—ради полученія за это медалей, награжденіе которыми они высоко цѣнили.

тораго русская армія въ первый разъ узнала о героической оборонѣ и гибели Михайловскаго укрѣпленія, полныхъ высокаго драматизма!

„Устроенныя на восточномъ берегу Чернаго моря укрѣпленія, основанныя для прекращенія грабежей, производимыхъ обитающими на томъ берегу черкесами и въ особенности для уничтоженія гнуснаго ихъ промысла — торга невольниками, въ продолженіе весны нынѣшняго года подверглись непрерывнымъ со стороны ихъ нападеніямъ. Выбравъ это время, въ которое береговья укрѣпленія, по чрезвычайной трудности сообщеній, ни отколько никакой помощи получить не могли, горцы устремились на оныя со всѣми силами; но въ ожесточенной борьбѣ съ горстью русскихъ воиновъ, они встрѣчали повсюду самое мужественное сопротивленіе и героическую рѣшимость пасть до послѣдняго человѣка, въ оборонѣ ввѣренныхъ имъ постовъ. Гарнизоны всѣхъ этихъ укрѣпленій покрыли себя незабвенною славою, и изъ нихъ въ особенности гарнизонъ укрѣпленія Михайловскаго явилъ примѣръ рѣдкой неустрашимости, непоколебимаго мужества и самоотверженія. Состоя изъ 500 только человѣкъ подъ ружьемъ, онъ въ продолженіи двухъ часовъ выдерживалъ самое отчаянное нападеніе свыше 11,000 горцевъ, внезапно окружившихъ укрѣпленіе, нѣсколько разъ сбивалъ ихъ съ валу и принудилъ къ отступленію; но когда, наконецъ, потерявъ въ жестокомъ бою большую часть людей, гарнизонъ не видѣлъ уже возможности противостоять непріятелю, въ двадцать разъ его сильнѣйшему, то рѣшилъ взорвать пороховой погребъ и погибнуть вмѣстѣ съ овладѣвшими укрѣпленіемъ горцами.

„На подвигъ этотъ, по собственному побужденію, вызвался рядовой Тенгинскаго пѣхотнаго полка Архипъ Осиповъ, и мужественно привелъ его въ исполненіе. Обрекая себя на столь славную смерть, онъ просилъ

только товарищей помнить его дѣло, если кто-либо изъ нихъ останется въ живыхъ.

„Это желаніе Осипова исполнилось: нѣсколько человѣкъ храбрыхъ его товарищей *), уцѣлѣвшихъ среди общаго разрушенія погибели, сохранили его завѣтъ и вѣрно его передали.

„Государь Императоръ почтилъ заслугу доблестныхъ защитниковъ Михайловскаго укрѣпленія въ оставленныхъ ими семействахъ. Для увѣковѣченія же памяти о достохвальномъ подвигѣ рядоваго Архипа Осипова, который семейства не имѣлъ, Его Императорское Величество Высочайше повелѣтъ соизволилъ: сохранить навсегда имя его въ спискахъ 1-й гренадерской роты Тенгинскаго пѣхотнаго полка, считая его первымъ рядовымъ и на всѣхъ перекличкахъ, при спросѣ этого имени, первому за нимъ рядовому отвѣчать; „погибъ во славу русскаго оружія въ Михайловскомъ укрѣпленіи“.

Высочайшее соизволеніе сіе объявляю по арміи и всему военному вѣдомству и проч.

Понеся при взятіи Михайловскаго укрѣпленія и взрывѣ пороховаго погреба, огромныя потери, недовольные и оскорбленные шапсугы отдѣлились и ушли; а убыхи, имѣя вѣрныя свѣдѣнія о кипѣвшей дѣятельности рус-

*) По словамъ этихъ немногихъ товарищей, выбѣжавшихъ и выкупленныхъ изъ плѣна армянами, Архипъ Осиповъ былъ честный и немолодой уже солдатъ; былъ высокъ ростомъ, имѣлъ глаза свѣтлые и волосы темнорусые. Первоначально онъ служилъ въ Крымскомъ пѣхотномъ полку, въ рядахъ котораго участвовалъ въ послѣдней персидской и предпослѣдней турецкой войнахъ, въ память которыхъ имѣлъ медаль съ надписью: „за 1826. 1827 и 1828 года“. Медаль эта, сохранившаяся съ вещами покойнаго въ ротномъ цейхгаузѣ, оставшемся въ Черноморіи, въ настоящее время украшаетъ въ полковой церкви икону Св. Никола Чудотворца (патрона 9 мушк. роты, что теперь 12-я), „поновленную усердіемъ нижнихъ чиновъ въ память о рядовомъ Архипѣ Осиповѣ, погибшемъ во славу русскаго оружія въ Михайловскомъ укрѣпленіи“.

скихъ къ оборонѣ и неусыпной осторожности гарнизоновъ противъ нечаяннаго нападенія на форты: Раевского, Головинскій и Навагинскій, сами не рѣшились ихъ атаковать.

Воинскими начальниками въ этихъ фортахъ были въ первомъ — поручикъ Наумовъ, съ тремя ротами Тенгинскаго пѣхотнаго полка: во второмъ—штабсъ-капитанъ Назимовъ, и въ третьемъ — капитанъ Подгурскій, съ ротами Черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ.

Зная хорошо, чрезъ лазутчиковъ, о личности каждаго изъ этихъ офицеровъ, столь же рѣшительныхъ какъ и Лико *), горцы въ апрѣлѣ мѣсяцѣ проходили только партіями мимо вѣреныхъ имъ постовъ. Конные джигиты, съ бранью и гикомъ, подскакивая близко къ валамъ, вызывали гарнизоны на вылазку—но маневръ ихъ остался безъ послѣдствій. И только въ одну темную ночь, въ томъ же мѣсяцѣ, убыхамъ, съ помощью лѣстницъ, удалось спуститься въ ровъ ф. Навагинскаго и овладѣть валомъ одного фаса; но мужественно встрѣченные резервомъ и даже больными, они были вытѣснены или переколоты. Но въ этой ночной свалкѣ пали жертвой неустрашимости—капитанъ Подгурскій и ротный командиръ поручикъ Яковлевъ, которые, прибѣжавъ къ атакованному пункту прежде резерва, были изрублены.

Въ то же самое время шапсуги, желая доказать своимъ сосѣдямъ, что они не менѣе ихъ храбры и способны на геройскія дѣла, соединились съ частью полупокорныхъ натахайцевъ и 31 марта напали на маленькое Николаевское укрѣпленіе; имѣвшее на бастіонахъ, по угламъ 4 чугунныхъ пушки и въ гарнизонѣ одну сильную роту Черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ. Воинскимъ начальникомъ былъ ротный командиръ, штабсъ-капитанъ Есѣевъ.

*) Лико происходилъ изъ дворянъ Таврической губерніи; первоначально служилъ въ Балаклавскомъ греческомъ баталіонѣ.

Цѣлый день горцы дѣлали безуспѣшныя нападенія; отбитые, послѣ нѣсколькихъ приступовъ, они отступили къ вечеру отъ укрѣпленія и скрылись въ лѣсу.

Есѣевъ, обрадованный уходомъ непріятеля и довольный мужествомъ гарнизона, приказалъ изнуреннымъ людямъ выдать по чаркѣ спирту, самъ же лично не принялъ должной предосторожности. Горцы ночью возвратились, тихо сдѣлали подступъ и, на разсвѣтѣ, внезапно овладѣли укрѣпленіемъ, послѣ минутнаго сопротивленія. Только одинъ унтеръ-офицеръ, съ 25-ю рядовыми, запершись въ одной изъ построекъ, нѣсколько часовъ храбро отбивался, пока непріятель не поджогъ строенія.

Здѣсь весь гарнизонъ погибъ, въ томъ числѣ младшій офицеръ и Есѣевъ, изрубленный въ офицерскомъ флигелѣ съ половиной своего семейства: старшія его дѣти *) были пощажены и уведены въ плѣнъ.

Случайный успѣхъ шапсуговъ, возбудивъ соревнованіе въ сосѣдственныхъ обществахъ сильныхъ абадзеховъ, воодушевилъ горцевъ на болѣе смѣлое предпріятіе; абадзехи, шапсуги и сѣверные убыхи, соединившись въ значительныхъ силахъ (болѣе чѣмъ въ 12,000), какъ снѣгъ съ горъ, обрушились на укрѣпленіе Абинское, одиноко стоявшее у выхода изъ ущелья, впереди Кубавской линіи.

Укрѣпленіе имѣло 6 батарей, съ двумя орудіями на каждой, и гарнизонъ слишкомъ за 1,000 штыковъ, состоящій изъ ротъ: 2-хъ Черноморскаго линейнаго № 7 баталіона, 10-й мушкетерской Тенгинскаго, 4-й гренадерской, 10-й и 12-й мушкетерской Навагинскаго пѣхотныхъ полковъ.

Съ утренней зарей 21-го мая, начался послѣдній актъ кровавой драмы и возбужденной до крайнихъ пре-

*) Два сына и дочь—невѣста, выкупленные въ послѣдствіи обществомъ офицеровъ въ разныхъ частяхъ войскъ. Разсказъ дочери Есѣева о пережитыхъ ею несчастіяхъ, послужилъ матеріаломъ для описанія печальной участи укрѣпленія Николаевского.

дѣловъ предприимчивости горцевъ Западнаго Кавказа, въ 1840 году. Съ ужаснымъ бѣшенствомъ, съ шашками въ рукѣ и кинжалами въ зубахъ, они повели атаку подъ картечными выстрѣлами, и, ворвавшись на одномъ фасѣ въ укрѣпленіе, взяли одну батарею, переходящую изъ рукъ въ руки. Но, послѣ неимовѣрныхъ геройскихъ усилій защитниковъ, были выбиты штыками и прикладами и сброшены въ ровъ, изъ котораго съ новымъ ожесточеніемъ полѣзли на валъ, и снова были сброшены, поражаемые во рву ручными гранатами.

Бѣшенныя толпы, какъ бѣшенныя волны, сокрушившись о стойкость гарнизона, вдругъ отхлынули отъ укрѣпленія. Голосомъ и угрозами вождей остановленные и повернутые назадъ, горцы въ третій разъ, съ грознымъ гикомъ, пошли на приступъ. Засыпанные ружейными и картечными пулями, ручными гранатами и камнями, они окончательно отступили, запрудивъ рвы тѣлами храбрѣйшихъ джигитовъ и многихъ почетныхъ людей изъ высшихъ сословій.

Уронъ гарнизона, благодаря лучшему вооруженію укрѣпленія и въ особенности ручнымъ гранатамъ, былъ не очень значителенъ.

Жестокій отпоръ, полная неудача и чувствительныя потери горцевъ подъ Абиномъ, составившіе, какъ и оборона Михайловскаго укрѣпленія, въ кавказскихъ лѣтописяхъ эпоху, разомъ охладилъ сильно-раздутый первыми успѣхами воинственный жаръ въ непокорныхъ черкесскихъ племенахъ. А вслѣдъ затѣмъ наставшій голодъ, по случаю неурожая хлѣба въ горахъ, вызвалъ въ народѣ справедливый ропотъ на аристократическую партію, интриги которой подтолкнули низшія сословія на смѣлыя предпріятія, стоившія, относительно, огромныхъ жертвъ людьми, заботы объ осиротѣвшихъ семействахъ которыхъ, по народному обычаю черкесъ, пали на общества. Въ это время горцы очень сожалѣли, что во взятыхъ ими укрѣп-

леніяхъ сожгли значительные запасы хлѣба въ куляхъ, безъ всякой для себя пользы.

Эпилогомъ описанныхъ событій была амбаркація полковъ 5-го пѣхотнаго корпуса, перевезенныхъ изъ Крыма, въ началѣ лѣта, на кавказскій берегъ. На прибывшія свѣжія войска прежде всего была возложена печальная обязанность—отданіе послѣдняго долга храбрымъ защитникамъ черноморскихъ укрѣпленій.

Въ баталіонахъ, погребавшихъ мертвыя тѣла, вслѣдствіе климата и трупныхъ міазмовъ, скоро открылись злокачественныя болѣзни, которыя были причиною, что экспедиція въ томъ же году, для наказанія горцевъ и возобновленія пострадавшихъ укрѣпленій, не состоялась и была отложена до будущаго 1841-го года.

Изъ числа укрѣпленій, составлявшихъ Черноморскую береговую линію, форты: Навагинскій, Лазарева, укр. Вельяминовское и Геленджикъ, въ настоящее время переименованы въ посты, а всѣ остальные упразднены; укрѣпленіе же Михайловское, послѣ постигшей его катастрофы, не было возобновлено, почему его нѣтъ и на картахъ послѣднихъ изданій. Но на подробной картѣ Кавказа можно отыскать названія горной рѣчки Вуланъ, впадающей въ бухту Чернаго моря:—устье этой небольшой рѣчки запирало укрѣпленіе, прославленное подвигомъ самоотверженія Архипа Осипова. Связанное съ этимъ простымъ, но громкимъ именемъ въ рядахъ кавказской арміи, оно вѣчно будетъ существовать на страницахъ Русской Военной Исторіи въ памяти чиновъ 77-го пѣхотнаго Тенгинскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича полка *).

*) Геройская оборона Михайловскаго укрѣпленія увѣковѣчена кистью художника и перомъ драматурга; картны съ изображеніемъ подвига самоотверженія Архипа Осипова, украшаютъ залы нѣкото-

С м о т р ъ .

(полк. ив. дан. ковалеву).

По случаю прїѣзда 18-го іюня этого года *) въ городъ Владикавказъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ князей Алексѣя Александровича и Михаила Николаевича, на слѣдующій день былъ назначенъ смотръ частямъ войскъ, собраннымъ въ этомъ городѣ.

Въ 10 часовъ утра, 19 іюня, колокольный трезвонъ, отдаленные крики „ура“ и ближе стукъ экипажей и столбъ пыли по дорогѣ возвѣстили частямъ войскъ, публикѣ и народу о приближеніи къ мѣсту смотра Великихъ Князей. Сѣвъ на приготовленныхъ верховыхъ лошадей, Ихъ Высочества шагомъ подъѣхали къ войскамъ, и были встрѣчены начальникомъ отряда съ рапортомъ. По объѣздѣ фронта, Его Высочество Великій Князь Алексѣй Александровичъ, выѣхавъ на средину расположеній частей войскъ, отъ Имени Государя Императора изволилъ выразить имъ благодарность, „за молодецкую службу на Кавказѣ“. Отвѣтомъ было громкое и продолжительное „ура“. Наконецъ, по сдѣланному знаку, „ура“ стихло и тогда Его Высочество Главнокомандующій изволилъ громко объявить, что Государь Императоръ повелѣтъ соизволилъ зачислить Его высочество Великаго Князя Алексѣя Александровича въ ряды кавказской арміи, съ назначеніемъ Его шефомъ 77 пѣхотнаго Тенгинскаго полка.

Столь неожиданное Высочайшее назначеніе переполнило сердца всѣхъ чиновъ Тенгинскаго полка неописаннымъ восторгомъ, выразившимся громогласнымъ и без-

рыхъ военно-учобныхъ нашихъ заведеній, и въ прежніе годы продавались и для народа; а драма-оперетка „Архипъ Осиповъ“, соч. О. Кони, давалась перѣдко на сценѣ, хотя въ ней, исключая главнаго героя, всѣ остальные дѣйствующія лица и самыя обстоятельства вымышлены, но неизвѣстности автору подробностей событія, въ чемъ онъ въ предисловіи своемъ предъ кавказцами извиняется.

*) 1882-го, въ которомъ эта статья написана.

прерывнымъ крикомъ „ура“, которое только послѣ нѣсколько поданныхъ знаковъ затихло. Тогда его Высочество Шефъ, подѣхавъ къ срединѣ расположенія частей своего полка, изволилъ выразить, что „Онъ считаетъ себѣ за честь быть шефомъ такого стараго, боеваго и съ заслуженной славою полка“.

Подѣхавъ же къ 1-ой ротѣ полка, Его Высочество изволилъ сдѣлать вызовъ изъ фронта рядоваго Архипа Осипова. Правофланговый 1-й роты, согласно приказу военнаго министра, громко отвѣчалъ: „Погибъ во славу русскаго оружія въ Михайловскомъ укрѣпленіи“. На это Его Высочество Шефъ, обращаясь къ фронту частей имени своего полка, изволилъ сказать: „Надѣюсь, что каждый изъ васъ, когда настанетъ время, будетъ достойнымъ подражателемъ подвига Архипа Осипова, — подвига на вѣки безсмертнаго въ рядахъ русской арміи!“ Громкое „ура“ было отвѣтомъ и на эти слова Его Высочества, сказанныя голосомъ взволнованнаго чувства.

Послѣ принесенія Его Высочествомъ Главнокомандующимъ, окружавшею свитою и командиромъ Тенгинскаго полка поздравленій Его Высочеству Шефу съ новымъ назначеніемъ, и послѣ прохожденія частей войскъ церемоніальномъ маршемъ, послѣднимъ было приказано составить ружья и снять ранцы, а нижнимъ чинамъ Тенгинскаго полка идти ближе къ палаткѣ, гдѣ была приготовлена, закуска. Здѣсь Августѣйшему Шефу были представлены высшіе чины 20 пѣхотной дивизіи*) и всѣ наличные штабъ и оберъ-офицеры Тенгинскаго полка. При этомъ Его Высочество Августѣйшій Шефъ, подавая руку командиру имени своего полка, полковнику Ковалеву, вновь изволилъ сказать, что „считаетъ Себѣ за честь стоять во главѣ такого древняго и боеваго полка,

*) Начальникъ дивизіи князь Тумановъ и его помощникъ графъ Добровольскій-Евдокимовъ.

и что радъ познакомиться съ офицерами“. Затѣмъ всѣ присутствовавшіе генералы, а также штабъ и оберъ-офицеры Тенгинскаго полка были приглашены къ закускѣ. У палатки играли хоры военной музыки и тутъ же съ громомъ бубенъ раздавались старо-боевыя кавказскія пѣсни. — Послѣ тоста за здоровья Государя Императора, провозглашеннаго Его Высочествомъ Главнокомандующимъ, и послѣ народнаго гимна „Боже, Царя храни“, командиръ Тенгинскаго полка, по поданному знаку Его Высочествомъ Главнокомандующимъ, провозгласилъ тостъ „за здоровье перваго Шефа одного изъ старѣйшихъ полковъ російской арміи, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича“. Послѣ этихъ двухъ воодушевленныхъ тостовъ и отклика за нихъ, въ палатки, потрясающимъ „ура“, офицеры Тенгинскаго полка выразили желаніе покачать своего Шефа, по принятому обыкновенію въ полкахъ кавказской арміи. По докладу объ этомъ Его Высочеству Главнокомандующему и по полученію на это позволенія, офицеры подняли на руку своего Шефа и, покачавъ по обыкновенію, передали для этого же нижнимъ чинамъ полка. Послѣ чего послѣдніе пили также за здоровье своего Шефа, изъ чего попало, — изъ стакановъ, чарокъ и просто бутылокъ.

Наконецъ, Его Высочество Августѣйшій Шефъ изволилъ вступить въ милостивый разговоръ со многими изъ офицеровъ имени своего полка, расспрашивая ихъ о прохожденіи службы и проч. Прощаясь же съ ними, предъ отъѣздомъ, изволилъ имъ еще сказать: „Надѣюсь, что вы будете достойными подражателями нашихъ прежнихъ славныхъ предшественниковъ. Быть можетъ настанетъ время — и Я стану въ ваши ряды.“. Послѣ этихъ трогательныхъ и знаменательныхъ словъ, Его Высочество Шефъ съ Его Высочествомъ Главнокомандующимъ, кланиваясь на всѣ стороны, скорыми шагами направи-

лись къ шоссеиной дорогѣ и сѣли въ дорожный открытый экипажъ.

Быстро покатился экипажъ, а толпы солдатъ и простаго народа все бѣжали за нимъ, крича „ура“!.. Зачѣмъ бѣжалъ этотъ народъ? что толкало его къ тому? развѣ онъ не успѣлъ довольно наглядѣться на Ихъ Высочествъ?... На это мы дадимъ отвѣтъ въ короткихъ и простыхъ словахъ: этотъ народъ бѣжалъ за экипажемъ потому, что сидѣвшіе въ немъ были: одинъ сынъ и другой братъ Того, Кто божественнымъ Промысломъ былъ избранъ орудіемъ спасенія всего простаго русскаго народа отъ вѣковаго уничиженія и неразвитія!... Подобно этому народу, послѣдуемъ мыслями, сердцами и мы за отъѣхавшими — Высокимъ Гостемъ и Высокимъ Посѣтителемъ; потому что Государь Императоръ Александръ Второй сдѣлалъ для насъ не менѣе, чѣмъ для простаго народа. Всмотритесь въ совершившіяся и совершающіяся широкія реформы, по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія и для общаго развитія и благосостоянія, и вы получите положительный отвѣтъ — да!

Сухарная экспедиція.

изъ дарго въ андію 10 и 11 юля 1845 года.

Послѣ того какъ главнокомандующему кавказской арміей, графу Воронцову, стоило столько мужественныхъ усилій и трудовъ перейти изъ Сѣвернаго Дагестана, съ главнымъ чеченскимъ отрядомъ, чрезъ лѣсистый хребетъ Азаль, отдѣляющій Андію отъ Ичкеріи, войска наши, совершивъ переходъ въ одиннадцать верстъ, при сильныхъ натискахъ горцевъ со всѣхъ сторонъ, вышли, наконецъ, на открытую плоскую возвышенность, гдѣ, на берегу р. Аксая, находился главный предметъ экспедиціи — аулъ Дарго. Достигнувъ этой цѣли, главный отрядъ очутился

тогда въ самомъ центрѣ наиболѣе воинственныхъ племенъ; въ тылу у него, отъ востока, были общества Андій, на югѣ — общества Аргунскаго ущелья, впереди, на западѣ — Ичкерія, на сѣверѣ — Большая Чечня.

При приближеніи незваныхъ гостей, никогда еще не заходившихъ такъ далеко въ горы, Шамиль приказалъ зажечь свою бѣдную резиденцію, изъ которой онъ, въ продолженіе уже нѣсколькихъ лѣтъ, безопасно извнѣ развивалъ свою власть въ горахъ Восточнаго Кавказа.

Зарево пожара, вечеромъ 6 іюля освѣщало приближеніе къ Дарго головныхъ колоннъ, съ пѣснями и громкимъ „ура“! Но это шествіе храбрыхъ войскъ въ сущности было скорѣе печальнымъ, нежели торжественнымъ, по причинѣ значительнаго числа убитыхъ и раненыхъ въ жаркомъ дѣлѣ того дня, которые везлись на выюкахъ.

Между тѣмъ какъ отрядъ нашъ на пепелищѣ Дарго стоялъ лагеремъ, опустошая окрестности, засѣянная пшеницею и кукурузою, замѣняя ими фуражъ и отчасти провіантъ, а горцы устраивали въ лѣсахъ Ичкеріи завалы и въ тоже время вели безпрестанную перестрѣлку съ фуражировочными колоннами, — недостатокъ провіанта сдѣлался въ отрядѣ ощутительнымъ. Вслѣдствіе этого, главнокомандующій отдалъ приказаніе генералъ-лейтенанту Клюки-фонъ-Клюгенау выступить изъ лагеря въ 3 часа по полудни 10 іюля, съ 6-ю баталіонами и одной ротою пѣхоты, 4-мя горными орудіями, съ частію линейныхъ казаковъ и милиціи, по прежнему пути, въ Андію, для принятія тамъ во временномъ укрѣпленіи, построенномъ близъ Аула Гагатль, пришедшаго изъ кр. Темиръ-Ханъ-Шуры транспорта съ сухарями. Въ посланной колоннѣ, отъ благополучнаго возвращенія которой зависѣлъ успѣшный исходъ похода, и движеніе которой въ Андію названо солдатами „Сухарной экспедиціей“, авангардъ изъ 1-го баталіона Кабардинскаго егерскаго полка, одной роты саперъ, одной стрѣлковъ и милиціи, при 2-хъ горныхъ

орудіяхъ — былъ .подъ начальствомъ храбраго генералъ-маіора Пассека. Въ главныхъ силахъ шелъ 2-й баталіонъ Люблинскаго егерскаго полка, имѣя въ головѣ линейныхъ казаковъ. Аріергардъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Викторова, состоялъ изъ 3-го баталіона Навагинскаго пѣхотнаго полка, 2-хъ ротъ Апшеронскаго, одной роты саперъ и одной стрѣлковъ, при 2-хъ горныхъ орудіяхъ. Въ правой цѣпи былъ сводный баталіонъ изъ ротъ Литовскаго и Замосцкаго егерскихъ полковъ, въ лѣвой—три роты Куринскаго егерскаго полка.

Достигнувъ мѣста, гдѣ дорога пролегала черезъ лѣсъ то подымаясь, то опускаясь по узкому гребню горы. имѣя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не болѣе одной сажени въ ширину, въ колоннѣ увидѣли, что она, 6 іюля, очищенная отъ заваловъ при движеніи всего отряда, была загромаждена повыми, которые невозможно было обойти, по причинѣ глубокихъ съ обѣихъ сторонъ обрывовъ, поросшихъ густымъ лѣсомъ. Несмотря на это, храбрые кабардинцы смѣло пошли на завалы и быстро брали ихъ одинъ за другимъ. Слѣдуя такимъ образомъ, авангардъ, безъ особенно большой потери, достигъ глубокой сѣдловины въ хребтѣ. Спускъ и подъемъ здѣсь были такъ круты, что надобно было уцѣпляться руками за вѣтви кустовъ, чтобы спуститься въ оврагъ и выйти изъ него.

Горцы, оцѣнивъ выгоду такой мѣстности для нападенія, съумѣли воспользоваться ею; толпы ихъ засѣвъ за деревьями и на деревьяхъ, по обѣимъ сторонамъ спуска и подъема, производили по колоннѣ убійственный ружейный огонь. Нѣсколько разъ они, съ гикомъ, бросались въ шашки, но, встрѣчая штыки, не могли воспрепятствовать солдатамъ неустрашимо переходить черезъ оврагъ, по трупамъ своихъ товарищей. Но при переходѣ аріергарда произошло замѣшательство, повлекшее за собой безпорядокъ, вслѣдствіе затруднительнаго спуска орудій, подъ которыми лошади были перебиты. Безпорядокъ еще болѣе

увеличился, когда былъ убитъ генераль Викторъ. Прорвавъ цѣпь и ряды колонны, горцы съ ожесточеніемъ бросились въ шашки на хвостъ аріергарда. Въ нѣсколько минутъ онъ былъ отрѣзанъ, артиллеристы изрублены; этой же участи подверглась и рота Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, прикрывавшая горные единороги, которыя горцы столкнули съ кручи въ оврагъ.

Начальникъ колонны, узнавъ о бѣдственномъ положеніи аріергарда, приказалъ своему адъютанту, капитану Ключарову, обратно спуститься съ одной ротою навагинцевъ въ оврагъ для поданія помощи слабой горсти, погибавшей въ отчаянномъ сопротивленіи подъ шашками непріятеля. Ключаровъ, самъ здѣсь раненый, сдѣлалъ все, что только могъ, и хотя непріятель былъ отброшенъ, но орудія, по неимѣнію лошадей, не могли быть подпеты.

Послѣ бѣдственного перехода черезъ оврагъ, утомленная колонна почти безпрепятственно прошла, подъ начавшимся дождемъ, остальную часть лѣса и въ 11 часовъ ночи вышла на поляну Андіи, гдѣ застала прибывшій изъ Темиръ-Ханъ-Шуры транспортъ съ сухарями.

Расположеніе колонны у Гагатля и распредѣленіе частей ея для обратнаго движенія къ Дарго было поручено Пассеку. Остальная часть ночи была употреблена на раздачу людямъ сухарей и соблюденія мѣръ осторожности противъ нечаяннаго нападенія непріятеля, бодрствовавшего всю ночь и нарушавшаго стукомъ топоровъ въ лѣсу глубокую тишину бивуака: горцы устраивали новые завалы.

На другой день, утромъ въ 6 часовъ, начальникъ колонны приказалъ пустить три сигнальныя ракеты и сдѣлать столько же выстрѣловъ изъ орудія. Тщетно про-

ждавъ на нихъ до 10 часовъ утра отвѣта изъ Дарго, колонна двинулась*) туда обратно.

Авангардъ, изъ 2-хъ баталіоновъ люблинцевъ и навагинцевъ, 2-хъ ротъ саперъ и 2-хъ горныхъ орудій попрежнему состоялъ подъ начальствомъ Пассека; аріергардъ былъ ввѣренъ командиру 1-го баталіона Кабардинцевъ въ хвостѣ; въ головѣ шли казаки и милиція; между кавалеріей былъ помѣщенъ вьючный транспортъ съ сухарями и порціонный скотъ. Правую цѣпь держали три роты куринцевъ, въ лѣвой шелъ сводный баталіонъ изъ литовцевъ и замосцевъ; стрѣлки были размѣщены въ цѣпи.

Достигнувъ опушки лѣса, люблинцы отважно, безъ выстрѣла, бросились на рядъ вновь воздвигнутыхъ по дорогѣ заваловъ и, не смотря на сильный бѣглый огонь засѣвшаго въ нихъ непріятеля, быстро погнались его изъ завала въ заваль перепрыгивая вслѣдъ за нимъ черезъ бревна. Но въ одномъ мѣстѣ, гдѣ дорога суживалась, егеря, слишкомъ увлекшись въ жаркомъ преслѣдованіи бѣжавшаго непріятеля, оторвались отъ остальной части авангарда и открыли саперъ, очищавшихъ дорогу отъ заваловъ, по бокамъ которыхъ еще находились въ засадѣ горцы. Видя однихъ работавшихъ саперъ, они бросились на нихъ въ шашки. Въ это время, къ мѣсту свалки подходилъ Пассекъ съ горными орудіями, и въ головѣ ихъ, съ двумя навагинскими ротами. Неожиданно встрѣченные залпами изъ заваловъ, поперекъ дороги, и бѣглымъ огнемъ съ боковъ, навагинцы заколебались и остановились на одномъ мѣстѣ безъ движенія. Напрасно барабаны били наступленіе—они все не двигались впередъ. Тогда

*) Передъ обратнымъ движеніемъ колонны генералъ Пассекъ подавалъ мнѣніе, какъ говорили впоследствии, идти не по дорогѣ, а прямо черезъ лѣсъ, влѣво; но будто-бы, начальникъ колонны, опасаясь за транспортъ, не согласился съ мнѣніемъ Пассека, основаннымъ на предположеніи, что лѣсъ былъ свободенъ отъ заваловъ.

Пассекъ, заступивъ мѣсто убитаго баталіоннаго командира, подполковника Сервиорога, хотѣлъ самъ вести людей на завалы; но едва онъ съ шашкою въ рукѣ, выступилъ впередъ со словами „Ура за мной!“ какъ пораженный нѣсколькими пулями, былъ убитъ на повалѣ.

Въ такомъ положеніи былъ авангардъ, когда прискакалъ къ нему начальникъ всей колонны, съ линейными казаками и окружавшими его офицерами.

Навагинцы, лишились почти всѣхъ своихъ офицеровъ, столпились вокругъ орудій и защищали ихъ штыками отъ нападавшаго непріятеля. Генералъ лично принялъ надъ ними команду. Но въ это самое время, когда, по его распоряженію, одна рота обошедъ первый завалъ ударила по второй, а другая стремительно атаковала первый съ фронта, и непріятель уже сталъ очищать дорогу, подошла милиція. Приведенная въ ужасъ упорнымъ боемъ, посреди грудъ мертвыхъ тѣлъ, она опрометью бросилась бѣжать черезъ едва очищенные отъ непріятеля завалы. Примѣру ея послѣдовали вожатые вьюковъ и порціоннаго скота. И вся эта нестройная толпа, гонимая паническимъ страхомъ и поражаемая выстрѣлами горцевъ, число которыхъ при видѣ легкой добычи, все возрастало, трупами своими запрудила дорогу. Тщетно начальникъ колонны приказывалъ солдатамъ штыками остановить милицію и вожатыхъ, побрасавшихъ вьюки и скотъ, который съ ревомъ разбѣгался по лѣсу... Въ минуты этой страшной сумятицы и бѣгства милиціи, которую не могли остановить ни штыки, ни выстрѣлы непріятеля, самъ начальникъ колонны только какимъ-то чудомъ былъ пощаженъ смертію. Всѣ его адъютанты—Ключаровъ, Савичъ, Роневскій и генеральнаго штаба капитанъ Корсаковъ — были подлѣ него.

Но въ то время, когда горцы грозили конечнымъ истребленіемъ срединѣ колонны, вдругъ 2 роты Люблинскаго полка, посланныя назадъ изъ головы авангарда,

неожиданно появились въ тылу заваловъ. Стремительно, съ крикомъ „ура“, бросились онѣ въ штыки на непріятеля и отбросили его въ лѣсъ. Тогда по разставленіи цѣпи по сторонамъ дороги, генералъ Клюки-фонъ-Клюгенау приказалъ люблинцамъ охранять орудія, а навагинцамъ занять завалы и держаться въ нихъ до прибытія свѣжаго секурса; самъ же съ линейными казаками поскакалъ къ головѣ колонны, едва пробиваясь сквозь толпу бѣжавшей безъ оглядки милиціи. При выѣздѣ изъ лѣса на поляну, онѣ засталъ высланный секурсъ изъ лагеря у Дарго, состоявшій изъ всей грузинской милиціи и 2-го баталіона Кабардинскаго полка.

Занявъ 2-мя ротами люблинцевъ и милиціей опушку лѣса и выходъ изъ него дороги, начальникъ колонны приказалъ командиру кабардинскаго баталіона, маіору Тиммерману, идти въ лѣсъ, и поручилъ попеченію его орудія и судьбу остававшейся тамъ колонны, которая, потерявъ своего храбраго аріергарднаго начальника, полковника Ранжевскаго, — убитаго, — выдерживала въ то время сильнѣйшія нападенія горцевъ. И когда храбрые кабардинцы исчезали въ сумракѣ дождливаго вечера и чащѣ лѣса, оттуда кучками выходили остатки частей, составлявшихъ „сухарную колонну“, которая въ несчастные, кровавые два дня, вслѣдствіе непредвидѣнныхъ затрудненій и случайностей, лишилась убитыми; 2 генераловъ, 3 штабъ и 37 оберъ-офицеровъ и множества нижнихъ чиновъ. Но чувствительная потеря заключалась въ ранней смерти генерала Пассека¹⁾, сдѣлавшагося жертвою край-

^{*)} Пассекъ происходилъ изъ дворянъ маллороссійскихъ губерній, получилъ отличное образованіе, сначала въ Московскомъ университетѣ и потомъ спеціальное въ институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія; по любви къ военнымъ наукамъ, слушалъ курсъ въ Императорской военной академіи, откуда въ 1838 году былъ переведенъ въ генеральный штабъ, въ чинѣ капитана; убитъ на 37 году стъ роду.

нихъ обстоятельствъ... Тѣло этого храбраго генерала осталось на мѣстѣ боя, между грудали другихъ тѣлъ; но имя его, въ короткое время прогремѣвшее по всей кавказской арміи, будетъ долго жить въ рядахъ ея, какъ неразлучное съ ея подвигами.

Бывшій начальникъ настоящаго Ичкеринскаго округа, полковникъ Головачевъ, объѣзжая въ 1864 году этотъ округъ, увидѣлъ множество человѣческихъ костей, бѣлѣвшихъ по сторонамъ узкой дороги въ лѣсу. На вопросъ его, чьи это кости? — окруженные его почетные чеченцы скромно отвѣчали, что они не знаютъ. Это были кости нашихъ въ двухдневномъ кровопролитномъ бою съ горцами, въ 1845 году. По распоряженію начальника округа, онѣ были собраны и, перевезенныя на арбахъ въ Ведено, зарыты на кладбищѣ укрѣпленія, гдѣ была послѣдняя резиденція Шамиля.

Миръ праху вашему, кости храбрыхъ, долго оставшіяся безъ отданія вамъ послѣдняго долга!.. но исторія покоренія русскому владычеству богатаго края не преминетъ воздвигнуть на своихъ страницахъ вѣчный памятникъ тѣмъ, коимъ вы принадлежали, въ воздаяніе за ихъ труды и мужество, запечатлѣнные ихъ смертію.

Кахетія въ 1854 году.

(изъ походныхъ воспоминаній).

Въ маѣ мѣсяцѣ 1854 года, 3 баталіона Тенгинскаго пѣхотнаго полка, въ которомъ я въ то время служилъ, въ числѣ 7 баталіоновъ старыхъ кавказскихъ полковъ, были неожиданно передвинуты за Кавказъ, для участванія въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Азіатской Турціи. Но случилось не такъ, какъ ожидали, и сильному желанію этихъ боевыхъ кавказскихъ войскъ помѣряться штыкомъ съ турками не было суждено: въ это время Шамиль, зная

о малочисленности нашихъ войскъ въ Закавказскомъ краѣ, еще съ весны того года началъ угрожать Лезгинской линіи.

Вслѣдствіе враждебныхъ демонстрацій горцевъ 4 баталіона ...-го и ... го полковъ были тотчасъ направлены къ Закаталамъ; а баталіоны нашего полка были задержаны, на неопредѣленное время, въ Тифлисѣ, гдѣ съ Рязанскимъ пѣхотнымъ полкомъ, занимая поочередно караулы, составляли на всякій случай, единственный боевой резервъ въ то опасное и полное тревожныхъ ожиданій время въ Закавказьѣ.

Нѣсколько непріятное положеніе выпало на нашу долю; изъ станицъ на передовой Кавказской линіи и изъ глухихъ укрѣпленій въ Чечнѣ мы прямо попали въ кругъ фронтовой и гарнизонной службы и горячо принялись зубрить уставъ. Извѣстно, что прежнія кавказскія войска, столь неоцѣненныя по боевымъ качествамъ, были довольно слабы во фронтовомъ образованіи, и лучшіе боевые полки были въ то же время плохи по фронту.

„Какой чортъ дернулъ меня напроситься сюда! Жилъ бы себѣ въ станицѣ, хотя бы даже законопатели, на нѣсколько мѣсяцевъ безсмѣнно, со взводомъ въ укрѣпленіе. Кабы зналъ да вѣдалъ, ни за какія коврижки и не вытащили-бъ меня сюда! — такъ пенялъ я на себя, обходя визитирь-рундомъ, въ глухую и темную ночь, со второго на третіе іюля, караульные посты въ Тифлисѣ. Уже пробилъ часъ по полуночи, и я, повѣривъ караулы въ центрѣ города, пробирался чрезъ Авлобаръ, съ однимъ патрульнымъ, въ Навтлугъ, для повѣрки карауловъ еще тамъ. Эта послѣдняя часть города, въ то время составлявшая какъ бы отдѣльный городокъ, отстояла отъ авлобарской части въ добрыхъ трехъ верстахъ и соединялась съ нею только нѣсколькими одиноко торчавшими духанами надъ извилистой дорогою, пролегающей между разработан-

нымъ косогоромъ съ одной и высокимъ обрывистымъ берегомъ р. Кѹры съ другой стороны.

Ночь была безлунная и совершенно темная, и скопившіяся надъ тифлисской котловиною черныя облака готовы были обрушиться на городъ тропическимъ ливнемъ.

Миновавъ линейныя казармы, которыми оканчивается Авлобаръ, я удвоилъ шаги. Патрульный солдатъ, слѣдовавшій за мною, вдругъ сказалъ: „Ваше благородіе, мы, сдается, сбились съ дороги; примите, ваше благородіе, влѣво,—направо долженъ быть близко оврагъ“.

— Какой оврагъ? можетъ быть, берегъ Куры?

— Точно такъ, ваше благородіе?

Вслѣдъ за отвѣтомъ патрульнаго подо мною не стало болѣе осязаемаго пространства, и я, совершивъ полетъ внизъ, въ пространство воздушное, упалъ прямо на ноги, на гладкую каменную почву. Отъ сильной боли въ ногахъ и сотрясенія всего организма я присѣлъ на корточки, и готовъ былъ опрокинуться кубаремъ, если бы въ этотъ моментъ инстинктивно не уперся руками о почву паденія.

„Ваше благородіе, живы ли вы?“ спрашивалъ солдатикъ надъ обрывомъ. На первый разъ я отвѣчалъ ему только столами; когда прошли первыя сильныя боли отъ ушибовъ, я осторожно, съ помощью шашки, поднялся на ноги и, прислонясь къ отвѣсу кручи, прежде всего отыскалъ ощупью первую точку опоры для ногъ; потомъ приказалъ солдатику осторожно приблизиться къ обрыву подать ружье прикладомъ внизъ и тянуть за дуло изо всей силы. Приказаніе было въ точности исполнено. Ухватясь обѣими руками за прикладъ ружья и упираясь носками сапоговъ о неровности почвы, я насилу выкарабкался изъ мѣста своего паденія.

Добравшись, съ отдыхами, до Навтлуга, я остался ночевать въ комнатѣ дежурнаго офицера по госпиталю;

но отъ сильной боли въ бедрѣ и пальцѣ на одной рукѣ не могъ уснуть цѣлую ночь; а утромъ слѣдующаго дня, въ сопровожденіи прежняго патрульнаго, отправился на Авлобаръ. Подходя къ линейнымъ казармамъ, солдатикъ, показывая рукою на полусгнившіе деревянные столбики, остатки нѣкогда бывшаго барьера надъ обрывомъ, сказалъ: „Вотъ, ваше благородіе, мѣсто, куда ночью изволили свалиться“.

— Куда? въ Куру? да тамъ и воронъ моихъ костей не собралъ бы!

— Видно, Господь помиловалъ, но подлинно изволили, ваше благородіе, свалиться въ кручу въ этомъ самомъ мѣстѣ: вотъ и столбецъ, что я держался лѣвой рукою, когда правою тянулъ за ружье.

Не вѣря все словамъ солдатика, я подошелъ къ окраинѣ обрыва, и увидѣлъ, что паденіе мое было съ высоты болѣе сажени, на каменный наклонный уступъ, шириною, можетъ быть, болѣе аршина, за которымъ тотчасъ начинался, съ выдающимися камнями, отвѣсный обрывъ въ Куру, имѣвшій въ высоту около 20 сажень надъ водою. Въ глазахъ у меня потемнѣло, и я съ ужасомъ отошелъ отъ пропасти.

„Подлинно, Богъ меня помиловалъ. Господи, спаси и помилуй cadaго отъ такой смерти!.. и что тогда-бъ сказали-бъ въ заключеніе? — сказали-бъ: — онъ вѣрно, несчастный, былъ порядочно урѣзавши, когда полетѣлъ въ Куру“. Такъ разсуждалъ я въ слухъ, удаляясь отъ пропасти, а шедшій позади меня солдатикъ простодушно отозвался: „Точно такъ, ваше благородіе!“

3 и 4 іюля я не пошелъ на ученіе, сказавшись нездоровымъ. Вечеромъ, послѣдняго числа, снова явился ко мнѣ на квартиру ефрейторъ, и отъ имени баталіоннаго командира передалъ приказаніе, чтобы я подалъ рапортъ о болѣзни, а если не отрапортуюсь больнымъ то

на завтра и послѣзавтра буду назначенъ дежурнымъ по военному госпиталю. Я объявилъ, что отправлюсь на дежурство.

На другой день, дежуря по госпиталю, я впервые услышалъ поразившую всѣхъ новость: что Шамиль отвлекши ложной демонстраціей нашъ отрядъ на Лезгинской линіи къ Закаталамъ, съ главными своими силами, 4 іюля, неожиданно прорвался, за р. Алазань, въ Телавскій уѣздъ, опустошилъ всю верхнюю Кахетію, захватилъ множество плѣнныхъ, въ томъ числѣ все семейство помѣщика князя Чавчавадзе, *et cetera*. Вечеромъ того же дня я узналъ, что баталіонъ, въ которомъ я числился, еще съ разсвѣтомъ, вслѣдствіе полученнаго ночью, съ 4 на 5 іюля, донесенія въ главномъ штабѣ о вторженіи горцевъ въ Кахетію, направленъ форсированнымъ маршемъ къ Телаву.

Эта послѣдняя новость, какъ прямо касавшаяся части и кружка, къ которымъ я принадлежалъ, произвела на меня впечатлѣніе сильнѣе, чѣмъ смѣлая диверсія Шамиля. Но, остановясь на мысли, что горцы не такой непріятель, который въ состояніи долго оставаться на одномъ мѣстѣ, я даже былъ радъ, что ближайшее мое начальство позабыло обо мнѣ.

По заведенному порядку, я долженъ былъ смѣниться съ дежурства въ 9 часовъ поутру, 7 іюля, какъ вдругъ, въ 7 часовъ поутру, 6 числа, является въ дежурную комнату, въ шарфѣ, однополченецъ мой и, вручая мнѣ записку отъ полковаго адъютанта, объявляетъ, что онъ пріѣхалъ смѣнить меня, а я долженъ немедленно отправиться въ полковую канцелярію за полученіемъ предписанія и словесной инструкціи, относительно отвода штуцерной команды въ Телавъ.

„Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день! таки не забыли обо мнѣ!“ воскликнулъ я. Сдавъ дежурство и сѣвъ на извозничьи дрожки, я помчался въ городъ.

Въ полковой канцеляріи я уже засталъ готовое предписаніе: „немедленно принять подъ свою команду 60 ч. штуцерныхъ и, въ 10 часовъ утра сего числа, выступить въ Телавъ, гдѣ присоединиться съ штуцерными къ составу 4 баталіона полка“.

Ровно въ назначенный часъ я выступилъ съ командою изъ Тифлиса по кратчайшей проселочной дорогѣ, лежащей на сѣверо-востокъ. День былъ жаркій; но какъ люди мои были безъ ранцевъ, и, кромѣ скатанныхъ шинелей чрезъ плечо, имѣли на себѣ только небольшой запасъ сухарей, то я повелъ ихъ тѣмъ шагомъ, какимъ обыкновенно ходила въ набѣги кавказская пѣхота. Идя такъ, съ частыми, но короткими привалами, я въ тотъ же день успѣлъ пройти, къ заходу солнца, около 40 верстъ, и заночевалъ въ открытомъ полѣ, недалеко отъ р. Іоры.

Еще до утренней зари я оставилъ свой бивуакъ. Съ восходомъ солнца, поднявшагося изъ-за невысокаго лѣсистаго хребта, я достигъ праваго берега Іоры, шумно и широко катившей свои воды по каменистому руслу. По значительной ширинѣ и чрезвычайной быстротѣ рѣчки ясно было видно, что она вздулась за ночь отъ выпавшаго въ горахъ дождя. Опасаясь неудачно избрать бродъ, я въ недоумѣніи глядѣлъ нѣсколько минутъ на желто-бурыя волны, съ яростью прыгавшія черезъ большіе подводныя камни. Наконецъ, разсудилъ сдѣлать привалъ, въ ожиданіи проѣзда кого-либо изъ туземцевъ, знающихъ броды.

Спустя полчаса, изъ лѣсу, за рѣчкою, показались три всадника и вслѣдъ за ними цѣлый караванъ изъ нѣсколькихъ лошадей и ишаковъ, навьюченныхъ различнымъ имуществомъ и сопровождаемыхъ толпою женщинъ и дѣтей. Вся эта группа, достигнувъ берега, также остановилась, а всадники тотчасъ стали пробовать бродъ. Доѣхавъ до противоположнаго берега, они возвратились

назадъ и начали переправлять караванъ: сначала женщинъ и дѣтей, посадивъ первыхъ, по одной, на крупъ своихъ лошадей, и послѣднихъ, также по одному, спереді себя; наконецъ они благополучно переправили и вьючныхъ животныхъ. Это были грузинскія семейства, а судя по торопливости, съ какою они совершили переправу, и слезамъ двухъ плакавшихъ женщинъ, можно было догадываться, что это — жители Кахетіи, бѣжавшіе отъ горцевъ. Я подошелъ къ группѣ и заговорилъ съ мужчинами: къ сожалѣнію, они по непониманію русскаго языка не могли удовлетворить моему любопытству. Но, слова ихъ: „Шамиль-Толавъ“, утвердили меня въ догадкѣ, относительно бѣгства ихъ отъ вражескаго нашествія.

Послѣ переправы грузинскихъ семействъ и я началъ въ томъ же самомъ мѣстѣ переправляться съ командою: въ головѣ я, сидя на вьюкѣ, за мною мой денщикъ, держась за хвостъ лошади: наконецъ, вереницею солдаты, держа крѣпко другъ друга за руку.

По достиженіи высшей точки горнаго кряжа, поросшаго мелкимъ лѣсомъ, черезъ который пролегала дорога, глазомъ моимъ открылась великолѣпная панорама: широкая, роскошная долина, съ сверкавшей вдали рѣкою между яркою зеленью кустарника съ одной и темнымъ лѣсомъ у подножія высокаго, скалистаго хребта съ другой стороны, тянувшимися безконечной, неоглядной полосою на юго-востокъ. Это была долина Кахетіи; сверкавшая между зеленью рѣка — Алазань; зеленый кустарникъ, между которымъ виднѣлись разбросанные бѣлые домики и небольшіе деревушки — знаменитые виноградники Грузіи; темный лѣсъ за рѣкою — лѣсъ у подошвы главнаго Кавказскаго хребта, изъ-за переднихъ желтыхъ скалъ котораго выглядывали вершины, бѣлѣвшія вѣчными снѣгами.

При спускѣ въ долину я встрѣтилъ еще нѣсколько грузинскихъ семействъ, съ имуществомъ на вьючныхъ лошадяхъ. Позади, оставши, шелъ преклонныхъ лѣтъ священникъ; поравнявшись, я раскланялся съ нимъ и спросилъ: Вы, вѣрно, батюшка изъ Кахетіи? что новаго? гдѣ теперь Шамиль? — „Стоитъ недалеко отъ Телава... поспѣшайте, — спасайте бѣдныхъ христіанъ!“ отвѣчалъ мнѣ на ходу, порусски, взволнованнымъ голосомъ грузинскій священникъ, спѣшившій догнать быстро удалявшійся караванъ.

Вслѣдствіе сообщеннаго свѣдѣнія, я обратился къ командѣ и сказалъ: „Видно, ребята, насъ не по пустякамъ сюда послали... вы съ вашими штуцерами стоите двухъ ротъ съ кремневыми ружьями... прибавить шагу!“ Съ послѣдними словами я удвоилъ шаги; команда моя, пыхтя, слѣдовала за мною. Не помню, сколько времени я шелъ самымъ ускореннымъ шагомъ; помню, только, что іюльское солнышко уже стояло высоко, и я безпрестанно снималъ фуражку и обтиралъ платкомъ потъ, струившійся по лицу; помню, что шелъ по долиנѣ, на юго-востокъ, и видѣлъ, по правую руку, хребетецъ, — черезъ который перевалилъ, — поросшій рѣденькимъ лѣсомъ, а впереди, по направленію дороги, одиноко растущее гигантское дерево. Команда моя начала растягиваться.

— Могутъ ли люди дойти до того большаго дерева, что надъ дорогою? тамъ, въ тѣни сдѣлаемъ привалъ, спросилъ я старшаго унтеръ-офицера.

— Далеко, ваше благородіе, до него не убирешь и въ четыре версты, люди крѣпко устамши, отвѣчалъ онъ.

Гигантскіе размѣры формацій въ горныхъ странахъ нерѣдко вводятъ въ заблужденіе, относительно разстояній, и опытный глазъ. Поэтому я согласился съ мнѣніемъ старшаго унтеръ-офицера и приказалъ барабанщику ударить на привалъ, въ которомъ и мои ноги также сильно нуждались.

Послѣ получасового отдыха, люди мои снова бодро зашагали. Не доходя съ версту до вѣтвистаго дерева, я примѣтилъ небольшую группу людей, въ бѣлыхъ рубашкахъ, сидѣвшихъ и лежавшихъ, и высокую фигуру, въ черномъ, стоявшую подъ сѣнью дерева.

По приближеніи еще на меньшее разстояніе, мой старшій унтеръ-офицеръ вдругъ сказалъ: „Это безпремѣнно команда отъ нашего баталіона, — вѣрно, за чѣмъ нибудь посылается въ Тифлисъ. А это подъ деревомъ стоятъ прапорщикъ Ч..., — по росту видать, что они. Унтеръ-офицеръ не ошибся: дѣйствительно, это былъ мой однополченецъ, уже спѣшившій изъ-подъ дерева ко мнѣ на встрѣчу.

Послѣ первыхъ привѣтствій, Ч..., видя мою усталость, съ ироніей спросилъ: „Вы съ штуцерами, вѣрно на выручку баталіона? Напрасно спѣшили: *finis comediae*.

— Какъ напрасно? зачѣмъ же жители отсюда бѣгутъ, съ плачемъ?.. Да гдѣ же непріятель, скажите на милость?

— Непріятель отъ Телава не очень далеко: стоитъ себѣ смирно за Алазанью, въ верстахъ 6-ти отъ Телава, да не достать его тамъ! А жители бѣгутъ такъ себѣ съ переполоха. Придите въ Телавъ, такъ услышите не такой еще ревъ... тамъ трусь такой, какого я въ жизнь мою не видѣлъ! Да стоитъ ли объ этихъ пустякахъ толковать на солнцѣ! пойдете лучше подъ орѣхъ. Когда мы третьяго дня проходили, то здѣсь сдѣлали послѣдній привалъ. Вообразите, весь баталіонъ укрылся подъ тѣнью этого деревца.

Слова Ч... повергли меня въ злую досаду, за изнуреніе людей и себя понапрасну, и я, молча, направился къ исполинскому орѣху, подъ тѣнью котораго приказалъ расположиться моей командѣ. Отсюда считается до Тифлиса 65 верстъ и до Телава 11. Я посмотрѣлъ на часы: было только девять утра.

Нашъ же баталіонъ не дошелъ до Телава 5 іюля всего 9 верстъ. Какая еще въ свѣтѣ пѣхота проходила въ одинъ день подобныя разстоянія, по дурнымъ дорогамъ или вовсе безъ дорогъ? Но, нѣтъ уже въ рядахъ кавказской арміи прежнихъ, въ боевыхъ трудахъ закаленныхъ и нерѣдко подъ сѣдинами солдатъ! И что это за солдаты были съ виду?—не умѣли съ носка маршировать и въ струну равняться, и одѣты были въ своеобразную странную форму: постоянно въ длинныхъ, выше колѣнъ сапогахъ; лѣтомъ въ фуражкахъ съ большими козырьками и холщовыхъ рубахахъ, съ шинелью черезъ плечо и холщевымъ мѣшкомъ за спиною; а зимою въ овчинныхъ папахъ и длинныхъ полушубкахъ, съ тѣмъ же мѣшечкомъ и шинелью, подвороченною на плечахъ въ видѣ короткаго плаща. Да, съ виду, для непривычнаго глаза, это были мужички съ ружьями, но въ походахъ—чудо-богатыри, умѣвшіе безропотно преодолевать величайшіе труды и лишения и не боявшіеся ни лѣтняго зноя въ долинахъ, ни зимнихъ морозовъ въ горахъ.

На привалѣ, отъ однополченца моего, слѣдовавшаго съ командою изъ Телава въ Тифлисъ, за баталіоннымъ обозомъ, я узналъ первыя бѣглыя подробности о вторженіи горцевъ въ Кахетію. Еще 3 іюля непріятель, перевалаясь черезъ трудный Кодорскій перевалъ, изъ непокорнаго Дидойскаго общества,—откуда никто не могъ ожидать его въ значительныхъ силахъ, напалъ на сел. Шильды, запиравшее Кварельское ущелье на лѣвомъ берегу Алазани, почти насупротивъ Телава. Прежде всего неожиданная катастрофа постигла оборонительную башню въ ущельѣ, выше селенія, охранявшуюся грузинскою милиціей. Гарнизонъ, въ числѣ около 40 человѣкъ, въ отчаянномъ сопротивленіи весь погибъ. Жители Шильды, изъ-за скученныхъ домовъ защищались также упорно и почти всѣ легли на пепелищѣ своихъ жилищъ, подожженныхъ непріателемъ. Населеніе на правой сторонѣ Алазани, въ

полной увѣренности, что горцы не рѣшатся, во время полноводія, переправиться на правый берегъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ оставалось спокойными зрителями кровавой сцены, происходившей на противоположномъ берегу рѣки.

Вечеромъ, того же числа, непріятельскіе лазутчики незамѣтно переправились на правую сторону Алазани. Развѣдавъ, что въ окрестностяхъ не было войскъ, которыя всѣ были стянуты къ Закаталамъ, противъ главнаго скопища лезгинъ,—ночью сообщили о томъ Шамилю. Вслѣдствіе чего сильная партія конныхъ чеченцевъ, на зарѣ, 4 іюля, переправилась въ бродъ и внезапно папала на беззащитныхъ жителей. По разграбленіи сел. Цинандалы,—имѣнія полковника кн. Чавчавадзе,—и захвата въ плѣнъ ¹⁾ его семейства непріятель направился къ Телаву, котораго единственною твердыней былъ старинный, невооруженный замокъ временъ первыхъ грузинскихъ царей, съ инвалидной командою въ гарнизонѣ. Но, не доходя верстъ 5-ти до города, предводительствовавшіе наибы почему-то вдругъ повернули къ Алазани. На всемъ пути обратнаго слѣдованія, чеченцы прошли какъ лава: всѣ селенія и хлѣба между виноградниками были преданы огню, а жители, не успѣвшіе скрыться, въ чащѣ садовъ, уведены въ плѣнъ. Число всѣхъ плѣнныхъ,—преимущественно женщинъ и дѣтей, по показанію жителей, превышало тысячу душъ.

Въ 11 часовъ поутру я вступилъ съ командою въ Телавъ, небольшой городокъ, выстроенный на манеръ его собратовъ въ Закавказскомъ краѣ: съ одной широкой улицей во всю длину, съ площадью посрединѣ и съ каменными саклями по сторонамъ, въ безпорядкѣ расположенными и скученными. Впрочемъ, на главной улицѣ и на площади бросалось въ глаза болѣе десятка двухъ-

¹⁾ Г-жа Дрансе-гувернантка взятая въ плѣнъ,—въ сочиненіи своемъ, переведенномъ съ французскаго языка на русскій,—какъ очевидица описала разгромъ Цинандалъ горцами.

этажныхъ, снаружи выкрашенныхъ яркими красками домиковъ, съ красивыми, въ восточномъ вкусѣ балконами. Въ нижнемъ старомъ кварталѣ рельефно выдавался, между саклями, угрюмо глядѣвшій древній замокъ, съ башнями по угламъ и узкими бойницами въ высокихъ стѣнахъ, неизящно, но прочно сложенныхъ изъ камня буро-сѣроватаго цвѣта.

Если бы на площади, передъ однимъ двухъ-этажнымъ домомъ, не пѣли, подъ акомпаньементъ бубенъ и тарелокъ, ротные пѣсенники, и гдѣ-то въ нижнемъ кварталѣ не гудѣла зурна и не билъ турецкій барабанъ, можно было бы подумать, что весь городъ спитъ или вымеръ: всѣ ставни въ домахъ были закрыты, лавки на замки заперты и на главной улицѣ не было видно живой души.

Я прямо направился къ дому, передъ балкономъ котораго заливались пѣсенники. При моемъ приближеніи на немъ показались: баталіонный командиръ, два ротныхъ командира и баталіонный адъютантъ. Отрапортовавъ первому о благополучномъ прибытіи и славъ послѣднему команду, самъ я съ однимъ изъ ротныхъ командировъ, вызвавшимся быть моимъ путеводителемъ, отправился на башню замка, посмотрѣть оттуда на станъ горцевъ за Алазанью.

Подходя къ замку, я услышалъ изнутри глухой говоръ множества людей, и пронзительный дѣтскій пискъ. Войдя въ ворота, я вдругъ увидѣлъ картину, странно поражавшую и, по своему траги-комизму, достойную кисти художника: небольшой дворикъ, предѣломъ котораго, въ ширину, съ одной стороны была стѣна, а съ другой двухъ-этажное когда-то жилое зданіе съ невысокимъ балкономъ, былъ запруженъ подушками, тюфяками и коврами; на нихъ, въ яркихъ костюмахъ частыми группами сидѣли толпы женщинъ и дѣтей разныхъ возрастовъ. Все это болтало, визжало, плакало или смѣялось. Пройдя черезъ внутреннія ворота въ такой же другой дворикъ, изъ ко-

тораго былъ входъ на верхъ въ угловую восточную башню, и встрѣтя и здѣсь подобную же картину, я спросилъ моего чичероне: „Скажите, пожалуйста, кто эти женщины? Зачѣмъ ихъ сюда набилося какъ сельдей?“

— Это все семейства здѣшнихъ горожанъ, — задалъ имъ страху Шамиль, такъ и набились сюда. Да пусть ихъ тутъ ревутъ,—мы, покрайней мѣрѣ, за это время проживемъ въ хорошихъ квартирахъ.

— А гдѣ же мужчины, гдѣ отцы этихъ семействъ?

— Кто запрятался въ виноградники, кто бѣжалъ въ лѣсъ, а кто и подальше: а изъ тѣхъ, что были похрабрѣе и остались дома, тифлисскій военный губернаторъ прислалъ вчера нашему командиру приказаніе сформировать дружину милиціи. Вонъ ее, для куража, водятъ съ зурною по городу!—При этомъ спутникъ мой, когда мы поднялись на верхъ круглой башни, указалъ рукою по одному направленію, по которому я увидѣлъ человѣкъ 200 вооруженныхъ милиціонеровъ, торжественно проходившихъ, съ зурною впереди, по извилистымъ переулкамъ мертваго города. По другому указанному направленію, на сѣверо-востокъ, я увидѣлъ съ башни на крѣпкой, возвышенной позиціи за Алазанью, партію горцевъ, начавшую еще съ утра совершать обратное движеніе въ горы. Отъ точки нашего наблюденія до становища, по прямой линіи, было не менѣе 6-ти верстъ. Люди и лошади, тянувшіеся по одному и по два въ рядъ въ ущельѣ, въ которомъ виднѣлись обгорѣлыя трубы сожженнаго селенія, казались букашками. На крайней позиціи непріятель оставался спокойнымъ на мѣстѣ. Вѣроятно, это была часть, предназначенная составить арріергардъ.

Вскорѣ послѣ насъ пришли поглазѣть: розовенькій и еще безъ усовъ поручикъ Д..., недавно переведенный изъ гвардіи; немолодой съ огромными бакенбардами прапорщикъ П..., также переведенный къ намъ изъ гренадерскихъ полковъ, и недавно опредѣлившійся юнкеръ.

Всѣ мы усѣлись на бывшую на башнѣ просторную скамью, и между нами завязался общій оживленный разговоръ, налаженный все на тему нашествія горцевъ. „Удивительно, сказалъ съ досадою Д..., что Шамиль распоряжается здѣсь съ 3 іюля, а начальникъ Лезгинской линіи до сихъ поръ не двинулъ сюда войскъ... Смотрите, смотрите, какъ растянулись горцы! Эхъ, если-бъ я былъ здѣсь старшимъ! съ однимъ сильнымъ баталіономъ, какъ нашъ, теперь можно было бы насѣсть имъ на хвостъ... не уходили-бъ они такъ спокойно въ горы!“

На пылокое разсужденіе юнаго Д... бывалый ротный командиръ, штабсъ-капитанъ М..., спокойно замѣтилъ:

— Легко говорить, но нелегко все дѣлать... Да знаете ли вы, сколько отсюда до лезгинскаго отряда? Не менѣе 150 верстъ! Если изъ Тифлиса не могли двинуть насъ ранѣе 5 числа, то какъ бы начальникъ Лезгинской линіи успѣлъ прислать сюда войска сегодня? Да и что онъ могъ бы отрядить, когда у него самаго не Богъ знаетъ какія силы; а скопище лезгипъ — есть слухъ — вдвое больше, чѣмъ было здѣсь чеченцевъ, — нависло тучей надъ Зака-талами! А что вы въ настоящее время не нашъ баталіонный командиръ, то слава Богу: вы перетопили бы половину насъ въ Алазани, потому что теперь, въ іюлѣ, въ горныхъ рѣкахъ вода всегда большая, и переправа въ бродъ возможна только для конницы. Допустимъ, что вы напали бы на мелкій бродъ: но что за дураки были бы чеченцы, еслибъ они съ берега не встрѣтили насъ залпами въ водѣ... Нѣтъ! легко кажется, но трудно достигается... Безъ артиллеріи, обстрѣливающей противоположный берегъ, переправа съ одной пѣхотою, въ виду непріятеля, очень опасна. Дѣло другое на открытомъ полѣ, какъ подъ Урухомъ въ 1846 году, — тамъ и одна стойкая пѣхота можетъ потягаться съ горцами, хотя бы ихъ было въ десять разъ больше.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ Д..., вы были въ Урухскомъ дѣлѣ? Неужели тамъ одинъ баталіонъ, въ продолженіе почти цѣлаго дня, блистательно выдержалъ бой со всѣми силами Шамиля?

— Да, я былъ въ этомъ дѣлѣ — съ этимъ самымъ 4-мъ баталіономъ. Съ нами еще были: 50 казаковъ, 2 полевыхъ орудія и 2 слабыя роты Виленскаго полка, попавшія въ дѣло совершенно случайно: онѣ послѣ выхода въ Россію 13-ой пѣх. дивизіи въ кадровомъ составѣ слѣдовали на укомплектованіе Кубанскаго полка.

— Скажите, прошу васъ, съ чего началось это дѣло? — Къ просьбѣ Д... и я присоединилъ просьбу.

— Дѣло началось просто, среди чистаго поля на Военно-грузинской дорогѣ, сказалъ, вздохнувши, М... и послѣ длинной паузы продолжалъ:

— Мы тогда столкнулись съ главными силами Шамиля — тысячъ въ 17 — также случайно. Изволите видѣть: нашъ полкъ еще въ 45 году былъ передвинутъ на лѣвый флангъ Кавказской линіи изъ Черногоріи, оставался тамъ одинъ 4-й баталіонъ. Весною, слѣдующаго года, и насъ потребовали. Маршрутъ имѣли мы только до полковаго штаба. Пройдя Георгіевскъ, мы на маршѣ получили предписаніе отъ начальника лѣваго фланга, генераль-лейтенанта Фрейтага, идти безъ дневокъ къ Моздоку: въ то время туда ожидали Шамиля. Тогда Сунженская линія только что возникла, и прорывъ къ этому городу былъ возможенъ. Между тѣмъ Шамиль, послѣ разныхъ демонстрацій, пробрался лѣснымъ хребтомъ, что тянется противъ Сунженской линіи, и, перейдя р. Сунжу между Индырхановскимъ постомъ и Назрановскимъ укрѣпленіемъ, двинулся къ Тереку. Цѣль его была: поднять противъ насъ всю Кабарду, куда, послѣ похода нашихъ войскъ въ Дарго, его тайно призывали муллы и нѣсколько фанатиковъ изъ вліятельныхъ лицъ. Нашъ главный чеченскій отрядъ слѣдовалъ за нимъ въ одномъ переходѣ.

17 апрѣля, 46 года, едва отошли мы отъ ст. Екатериноградской верстъ 6 по Моздокской дорогѣ, какъ вдругъ нагоняетъ насъ съ летучкою казакъ: это былъ нарочно посланный съ запискою, писанной карандашомъ, отъ командира Владикавказскаго казачьяго полка, полковника Ильинскаго, который, именемъ начальника Владикавказскаго военнаго округа, генераль-маіора Нестерова, приглашалъ нашего баталіоннаго командира какъ можно поспѣшнѣе направить баталіонъ по Военно-грузинской дорогѣ, для занятія позиціи, противъ переправы черезъ Терекъ, недалеко отъ красиваго минарета, — что надъ дорогою, — такъ какъ головныя части непріятеля уже показались у брода въ томъ мѣстѣ.

Нашъ баталіонный командиръ, полковникъ Левковичъ, прочитавъ на конѣ поданную казакомъ записку, вдругъ скомандовалъ: „Баталіонъ, стой; ружье къ ногѣ“. Пригласивъ къ себѣ ротныхъ командировъ, онъ объявилъ имъ суть летучки. Покойникъ царство ему небесное — былъ человѣкъ храбрый и рѣшительный: недолго думая, спряталъ про всякій случай записку въ карманъ, — и повернулъ баталіонъ налѣво-кругомъ.

Въ Екатериноградскую станицу мы пришли въ 4 часа вечера. Прежде всего сварили кашу для людей, и послѣ отдыха, оставивъ баталіонный обозъ, сами на-легкахъ пошли на всю ночь. Отмахавъ 25 верстъ — еще заря не занималась — мы вступили въ ст. Александровскую и, составивъ ружья на площади, тотчасъ повалились спать. Здѣсь встрѣтилъ насъ полковникъ Ильинскій, съ 50 конными казаками своего полка. Весь его полкъ разбитъ былъ въ то время по станицамъ, для защиты валовъ.

Къ 9 часамъ утра, 18 апрѣля, мы выспались и готовы были къ движенію снова, а въ началѣ 10-го двинулись дальше.

Въ ст. Урухской къ намъ присоединились остановленные тамъ 2 роты виленцевъ, съ 2-мя станичными ору-

діями. Съ этими силами въ 800 штыковъ мы пошли на встрѣчу Шамилю. Не доходя 2 верстъ до мѣста, гдѣ теперь ст. Змѣйская, мы вдругъ увидѣли, что все пространство отъ опушки лѣса, растущаго по горѣ, до стараго азіатскаго кладбища, укрыто горцами и утыкано значками какъ макъ; подъ самой опушкой лѣса были разбиты двѣ большія палатки Шамиля. Не было еще и 12 часовъ утра, — но мы опоздали придти на позицію противъ переправы: Шамиль перешелъ въ бродъ Терекъ на зарѣ того дня. Тутъ нечего было и думать соваться впередъ, а давай Богъ ноги назадъ, въ ст. Урухскую.

Колоннѣ нашей приказано было остановиться; людямъ отпустили по кружкѣ водки. Нашъ баталіонеръ, которому полковникъ Ильинскій, имѣвшій старшинство, поручилъ начальство надъ всей колонною, поздравилъ солдатъ съ предстоящимъ дѣломъ и выпилъ чарку за ихъ здоровье. Люди весело отвѣчали: „Покорно благодаримъ, ваше высоко—діе, рады постараться!“

Между тѣмъ, пока непріятель впереди насъ стоялъ спокойно, и мы закусывали сухаремъ, — изъ кустарника, на лѣвомъ берегу Терека, показался верхомъ азіатецъ и тотчасъ скрылся. За кустарникомъ былъ кабардинскій аулъ, въ разстояніи менѣе двухъ верстъ отъ дороги. Полковникъ Ильинскій приказалъ своему кордонному адъютанту, хорунжему Ницику и офицеру изъ азіатцевъ проскакать за кусты и посмотрѣть — нѣтъ ли тамъ непріятеля. Посланные офицеры наткнулись на непріятельскій пикетъ и чуть было не попались въ плѣнъ. Прискакавъ къ колоннѣ, они доложили, что аулъ занятъ сильной партіей конницы.

Наша колонна изъ походной перестроилась въ каре: виленцы стали къ отступленію впереди; наша 4-я гренадерская рота составила правый, а 12, 11 и 10-я мушкетерскія образовали задній и лѣвый фасы. Орудія сзади прикрыла 12-я рота; казаки построились впереди угла передняго фаса.

Не отступили мы и ста сажень, какъ изъ-за кустарника, вправо отъ дороги, выскочила съ гикомъ конная партія не менѣе 2-хъ тысячъ. Это все были чеченцы. Въ разстояніи отъ насъ на ружейный выстрѣлъ, они промчались мимо праваго фаса и, обогнувъ кольцомъ каре, начали снимать съ плечъ винтовки и пострѣливать съ лошадей. Мы все идемъ и приберегаемъ патроны: — что будетъ дальше? Вдругъ видимъ: въ догонку за нами, летитъ по дорогѣ, со значками и съ 3-мя орудіями на шестерикахъ, другая конная партія, а за ней валитъ и пѣхота Шамиля. Окружило насъ тысячъ 6-ть.

Непріятельскія орудія снялись съ передковъ и начали пронизывать наше каре ядрами. Съ первыхъ выстрѣловъ подбили у насъ орудіе... Много имѣли мы хлопотъ съ этой станичной пушкою! наконецъ, кое-какъ справились и потащили ее, калѣку. Горцы, увидя что мы отвѣчаемъ имъ изъ одного только орудія, стали еще сильнѣе напирать. Къ счастью нашему, скоро начались по лѣвую сторону дороги болота; а впереди насъ ихъ же ядра прочистили намъ путь къ отступленію. За то на задній и правый фасы налегли, какъ-будто бѣлены обѣлись. То и дѣло слышимъ команду: „Каре, стой!“ Заднія шеренги едва успѣвали заряжать ружья для переднихъ. Лишь только залпами поразгонимъ толпы, какъ пѣшіе снова насядутъ да и хватаютъ солдатъ за полы; а конные, подскочивъ на нѣсколько шаговъ къ фасамъ, на выборъ подваливаютъ изъ винтовокъ людей. Въ особенности врѣзались у меня въ памяти двѣ славныя картины! Дерзкой отвагой обратилъ на себя вниманіе одинъ конный мюридъ въ чалмѣ, съ большой, красной бородою: подвалилъ онъ у насъ на повалъ одного гренадера и въ 12-ой ротѣ виднаго изъ себя вольноопредѣляющаго. Баталіонный командиръ, неслѣзавшій все время съ коня, замѣтилъ его — и говоритъ людямъ: „Ребята, смотри въ оба на того бестію, съ красной бородой! Какъ только

я скомандую на поворотъ, — цѣль ему въ бороду, непременно въ бороду!“ Отошли мы еще нѣсколько сажень, нашъ полковникъ скомандовалъ: „Каре — стой!“ Раздалось „пли!“ — пронесся дымъ; смотримъ, — саженьяхъ въ десяти отъ праваго фаса лежитъ на землѣ краснобородый джигитъ, съ разбитой челюстью; а сѣрый его конь, вытянувъ шею, летитъ во всю прыть въ сторону.

Другая картина еще памятна. Во время движенія каре, послѣ залпа, одинъ прездоровенный пѣшій тавлинецъ подскочилъ съ тылу и рубнулъ шашкой фланговаго унтеръ-офицера 12 роты, шедшаго въ уголъ праваго задняго фаса. Унтеръ-офицеръ, тоже молодецъ—вершковъ 10-ти съ половиною, повернулся налѣво-кругомъ и двинулъ тавлинца штыкомъ въ брюхо: тотъ схватилъ лѣвой рукою за дуло ружья, а правой давай крошить. Уклонясь отъ ударовъ, бѣдный унтеръ-офицеръ взглянулъ на своихъ, но каре уже отошло шаговъ на 15-ть... Онъ выпустилъ ружье и, весь окровавленный бросился, съ голыми руками, на врага... оба они разомъ упали и схватили другъ друга за горло... Въ это время, къ лежащимъ борцамъ приближались два тавлинца, съ кинжалами, а первый взводъ 12 роты, поворотясь безъ команды, уже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на выручку своего и открылъ интервалы. Сверкнула шашка въ рукѣ ротнаго командира надъ головою храбрыхъ солдатъ и, среди трескотни непріятельскаго огня и дикихъ криковъ, раздался его громовой голосъ: „Стой ребята, стой! налѣво-кругомъ!“ Великодушный порывъ товарищей замеръ предъ голосомъ воинской дисциплины и прорѣха въ каре закрылась... Раздалась снова команда: „Каре—стой! фась—направо! фась—налѣво! фась—налѣво-кругомъ!“ Послѣ двухъ залповъ, каре быстрымъ шагомъ подвинулось впередъ. Когда разсѣялся дымъ,—лихіе борпы лежали рядомъ на дорогѣ, уже безъ движенія, а въ рядахъ ротъ слы-

шались отрывистыя слова „Жаль капральнаго! жаль Ревина! Ну, да и хватина же!... да и показалъ себя!...“

На четвертой верстѣ отступленія, вдругъ мы съ радостью увидѣли нашъ главный чеченскій отрядъ, спускавшійся съ горы на правомъ берегу Терека, почти насупротивъ насъ; но радость наша была непродолжительна: отрядъ расположился бивуакомъ на берегу рѣки, верстахъ въ четырехъ ниже мѣста переправы Шамиля.

Въ это время полковникъ Ильинскій, приближаясь къ лѣвому переднему углу каре, сказалъ: Хорунжій Тупица, вы надѣетесь на вашего коня!“

— Надіюсь, господинъ полковникъ: кинь добрый, отвѣчалъ малороссъ хорунжій.

— Такъ возьмите съ собою, какого хотите одного казака, скачите прямо по дорогѣ, а тамъ, гдѣ найдете удобнымъ, сверните вправо къ Тереку; переберитесь на ту сторону, въ бродъ или въ плавъ и, являсь начальнику отряда, передайте отъ меня на словахъ убѣдительнѣйшую просьбу — прислать къ намъ на помощь хотя кавалерію. Въ подкрѣпленіе моей просьбы объясните генералу наше положеніе. Благословляю васъ — съ Богомъ!“

Храбрый хорунжій, какъ было ему приказано, такъ и сдѣлалъ: подъ носомъ непріятеля онъ отдѣлился отъ каре, пробрался въ главный отрядъ и черезъ часъ вернулся назадъ, но, увы! съ неутѣшительнымъ извѣстіемъ: начальникъ чеченскаго отряда отказалъ въ присылкѣ кавалеріи, по причинѣ изнуренія лошадей и опасенія, что онѣ перетонуть въ быстрой рѣкѣ.

Между тѣмъ, непріятель нисколько не ослаблялъ своихъ атакъ: гренадерская и 12 рота уже нѣсколько разъ ходили въ штыки, и только вслѣдствіе чрезвычайныхъ усилій ротныхъ командировъ люди были возвращаемы на свои мѣста. Убитыхъ и раненыхъ у насъ было уже около 90 человекъ, которые еще болѣе затрудняли отступленіе.

Спустя минутъ десять послѣ возвращенія хорунжаго, Ильинскій снова послалъ его въ главный отрядъ съ просьбою прислать хотя часть кавалеріи, на лучшихъ лошадяхъ. Черезъ часъ Тупица опять благополучно прискакалъ, — но опять съ однимъ казакомъ и прежнимъ отвѣтомъ.

Выслушавъ отвѣтъ, тоже на словахъ, Ильинскій поблѣднѣлъ, но нашъ баталіонный командиръ громко сказалъ ему: „Не безпокойтесь: я знаю моихъ молодцовъ и надѣюсь, что съ Божьей помощью мы и сами отгрыземся, — тѣмъ больше будетъ намъ чести“.

Дѣлая шагъ впередъ, два шага назадъ, съ Божьей помощью мы таки отгрызлись, — отгрызлись какъ лихая собака, на которую насядетъ цѣлая стая, и которая, какъ скубнуть ее больно, оборачивается и сама нападаетъ съ остервененіемъ.

Послѣ самой жаркой девяти-часовой атакѣ, мы вступили, въ 10 часовъ вечера, въ ст. Урухскую, дотащивъ съ собою подбитую пушку и всѣхъ тяжело раненныхъ и почти всѣхъ убитыхъ, числомъ около 140 чело-вѣкъ нижнихъ чиновъ и 2-хъ офицеровъ. Непріятель преслѣдовалъ насъ до самыхъ станичныхъ воротъ. Преслѣдовавшіе наибы ночью возвратились къ старому кладбищу, бросивъ всѣхъ своихъ убитыхъ, которые, на 8-ми верстахъ атаки, на большой дорогѣ, долго оставались непредавшими землѣ. Являсь Шамилю, они, какъ говорили послѣ плѣнные горцы, доложили ему, что приказанія его разобрать насъ по рукамъ — немогли исполнить по той причинѣ, что гяуры были злы какъ шайтаны. Еслибъ имъ попался другой баталіонъ, а не этотъ — покрошили-бъ какъ капусту! не даромъ въ полку прежде называли его гвардейскимъ! гдѣ только предвидѣлась сильная передряга, туда его постоянно и турили.

— Интересно знать, какъ Тупица не попался въ плѣнъ, замѣтилъ Д... — вѣдь правый фасъ каре, отъ

передняго до задняго угла, по словамъ вашимъ, былъ постоянно атакованъ?

— Мы и сами удивлялись его счастью, сказалъ М. Не только весь правый фасъ былъ атакованъ, но конные джигиты, на которыхъ мы мало обращали вниманія, въ промежуткахъ орудійныхъ выстрѣловъ, безпрестанно перескакивали дорогу впереди каре. Нѣтъ сомнѣнія, среди суматохи и пороховаго дыма, они приняли его за своего, такъ какъ линейные казаки одѣваются по походному безъ всякой разницы отъ горцевъ.

— А вотъ лучше объясните, отозвался я: — почему отказали вамъ въ присылкѣ помощи, когда ваши 6 ротъ были на краю гибели? Вѣдь Тупица два раза доказалъ, что переправа черезъ Терекъ была возможна для кавалеріи.

— Начальникъ небольшого отряда, стоялъ на 12-ти верстахъ отъ Шамиля: отрядъ его подлѣ ст. Николаевской варилъ кашу, сказалъ М... — А что касается до послѣдняго вашего вопроса, то не легко дать на него положительный отвѣтъ. Конечно, не трусость выразилась въ равнодушіи отрядныхъ начальниковъ къ нашей участи... нѣтъ! за это головою можно поручиться: оба они были генералы боевые, испытаннаго мужества и люди, достойные полного уваженія! дай намъ Богъ побольше такихъ въ начальники! Такіе неразъяснимые случаи бывали нерѣдко въ кавказской войнѣ; — впрочемъ, встрѣчаемъ ихъ и въ другихъ войнахъ.

Но какія-бъ не были причины къ оправданію этой ошибки, — это разсудить Богъ на томъ свѣтѣ: всѣ четыре они — генералы и полковники, — уже покойники. Еслибъ первые два не варили кашу, когда послѣдніе два дрались 9 часовъ, — легко могло случиться, что господству Шамиля былъ бы конецъ подъ Урухомъ... Слѣдовъ съ полкомъ своимъ находился въ отрядѣ Фрейтага; съ досады, что не пустили его съ кавалеріей за Терекъ,

онъ крозью плевалъ... Да! не хлебада-бъ теперь эту кашу Кахетія... что я говорю — Кахетія! — вся Россія! потому что еслибъ у насъ, на Кавказѣ, было побольше свободныхъ войскъ, то не два полка гренадеръ, не полкъ нижегородцевъ и не два баталіона куринцевъ теперь дѣйствовали-бъ противъ турокъ. Куда кавказская армія, испытанная въ бояхъ и закаленная въ трудахъ, не проникла-бъ съ побѣдою?... Можетъ быть, въ настоящее время, мы сидѣли бъ не здѣсь, а на берегу Дарданельскаго пролива... Еще посмотрѣли-бъ мы, какъ бы западныя армады вступили въ Черное море, еслибъ наши знамена развѣвались на береговыхъ турецкихъ батареяхъ! Это живой примѣръ, что отъ малыхъ причинъ проистекаютъ великія послѣдствія или дурныя.

— А скажите, пожалуйста, каковы были награды за Урухское дѣло.

— Ничего, хороши: оба полковника получили по Георгію; ротные командиры, исключая одного убитого, а также баталіонный и кордонный адъютанты и одинъ субалтернъ-офицеръ получили — кто слѣдующій чинъ, кто орденъ.

Послѣ послѣдняго отвѣта М..., на вопросъ Д..., оба они молчали, вошли, казалось, въ себя и о чемъ-то думали про себя. Я также молчалъ. Задумчивый взоръ Д... былъ устемленъ на сѣверъ, къ горѣ, у подошвы которой медленно тянулась непріятельская партія. На дѣвическихъ чертахъ его, на которыхъ горькій опытъ жизни не провелъ еще ни одной борозды, отражалась тихая грусть.

„Куда устремлены твои мысли, юный, честолюбивый мечтатель? — не къ родному ли очагу въ далекой сторонѣ, отъ котораго золотыя, радужныя надежды оторвали и унесли тебя, какъ ураганъ уноситъ мотылька? Или ты вспомнилъ тотъ дорогой для тебя часъ, когда милая особа, пожимая пухленькой ручкой твою руку, на прощанье,

говорила тебѣ, со сверкавшей слезой на длинной бархатной рѣсницѣ: — „Желаю вамъ счастья на Кавказѣ, возвращайтесь скорѣе... генераломъ или полковникомъ...“ Такъ рассуждалъ я про себя, глядя на крѣпко задумавшагося Д... Въ это время онъ сказалъ: „Смотрите! уже и арріергардъ Шамиля двинулся.“

— Пусть убираются къ..., сказалъ М...—нашимъ людямъ будетъ покойнѣе. Однако, и намъ пора двигаться — обѣдать.

Не успѣли мы подняться со скамьи, какъ вдругъ, въ нижнемъ кварталѣ раздался чей-то дикій раздирающій крикъ, вслѣдъ за которымъ съ башни мы увидѣли бѣгущихъ въ разсыпную милиціонеровъ, по пустыннымъ переулкамъ.

— Чего это они разлетѣлись какъ куры! ужъ не случилось-ли чего нибудь? Сбѣгайте, прошу васъ, юнкеръ, узнайте: отчего они всполохнулись, — вѣдь я сегодня дежурнымъ по гарнизону, проговорилъ озабоченно М...

Черезъ нѣсколько минутъ юнкеръ возвратился и, улыбаясь, сказалъ: „Ихъ спугнулъ юнкеръ К..., онъ притаился за угломъ, и когда они приблизились съ зурною, онъ закричалъ: Шамиль, Шамиль идетъ!“

Вѣдь за это взбѣлится нашъ К..., сколько хлопотъ ему было сформировать эту рать..., Пожалуй, еще вломятся въ амбицію, что ихъ на смѣхъ поднимаютъ... Гдѣ же К...?

— Его повелъ начальникъ дружины къ баталіонному командиру.

— Нагуляется же онъ подъ ранцемъ! и подѣломъ!... Зачѣмъ ихъ пугать? пусть бы ихъ забавлялись съ зурною, прибавилъ серьезно М...

„И дикій крикъ и стонъ глухой, промчались въ тишинѣ долины... Не долго продолжался бой: нѣтъ, русскаго мужичка этимъ не испугалъ бы, хотя у него въ рукахъ одинъ топоръ да вилы!“

— Да знаете ли вы, кто эти милиціонеры? возразилъ М... — это булочники, башмачники и всякіе цеховые, изъ грузинъ, армянъ, персіянъ!... Есть и между грузинами молодцы; возьмемъ, на примѣръ, хоть имеретинъ: какъ они лихо дрались въ нашемъ отрядѣ на восточномъ берегу Чернаго моря, въ 41 году!... Не будь здѣшняя лучшая молодежь въ милиціяхъ подъ Закаталами и на турецкой границѣ, такъ Шамилю—старики говорятъ—не бывать на правомъ берегу Алазани.

— Нѣтъ-таки, жидки! не годятся подъ стать русскому народу, хотя православные... Ну что было бы теперь; еслибъ французы вздумали высадить двѣ дивизіи въ Грузію!? Воображаю!

— Ничего не было-бъ замѣнили-бъ льготными казаками на передовыхъ линіяхъ наши боевые полки, а послѣдніе погна-ли-бъ французовъ къ морю, возразилъ снова М... на слова Д...

— А сравнивать грузинъ съ русскими нельзя, батенька: нашъ народъ считаетъ себя десятками милліоновъ, а собственно православной Грузіи что! — не болѣе одной Московской губерніи!... Куда русскій не проходилъ съ оружіемъ! а спросите вы у грузинъ: кто у нихъ не побывалъ! На что лимонныя корки, персіане—и тѣ грабили Тифлисъ!... Такія событія—какъ Мамаево побоище, царь Иванъ Васильевичъ подъ Казанью, да Ермакъ въ Сибири, да шведъ подъ Полтавой не умираютъ въ памяти народной, какъ это доказалъ 12 годъ.

— А пуганная ворона куста боится, досказалъ гренадеръ.

— И то правда! сказали мы въ одинъ голосъ и разошлись: М... отправился къ баталіонному командиру, а я на квартиру къ Д... и П..., которыми былъ приглашенъ.

Послѣ обѣда возвратились 2 роты нашего баталіона, посланные еще утромъ на рекогносцировку. Онѣ доходили до самага берега Алазани и предали землѣ болѣе 20-ти

труповъ поселянъ, найденныхъ на пожарищѣ соженныхъ горцами деревень.

Вечеромъ нашъ баталіонный командиръ пригласилъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ. За ужиномъ мнѣ пришлось сидѣть между П... и чиновникомъ въ мундирномъ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ. Когда было подано первое блюдо, которое нужно было разрѣзать ножикомъ, чиновникъ попросилъ сидѣвшаго подлѣ него офицера нарѣзать. Послѣ окончанія операціи, послѣдній всунулъ ему вилку между неогнбавшихся пальцевъ руки, бывшей въ черной лайковой перчаткѣ, нѣсколько же растопыренными пальцами правой руки, въ такой же перчаткѣ, онъ ухитрился, безъ посторонней помощи, взять ломоть хлѣба и поднести его ко рту. Я съ удивленіемъ глядѣлъ на моего сосѣда, исправно и проворно уплетаващаго. Съ виду ему было около 30 лѣтъ, а по чертамъ лица онъ принадлежалъ къ закавказской расѣ.

— Кто этотъ господинъ? спросилъ я тихонько П...

— Квартальный С..., исправляющій должность городничаго.

— Онъ безъ рукъ? спросилъ я снова.

— Да... лезгины отрѣзали.

— Какимъ образомъ? давно?

— Давно... исторія длинная; расскажу послѣ, отвѣтилъ шепотомъ П...

На другой день поутру, 8 іюля, нашъ второй полубаталіонъ отправился по деревнямъ, оставленнымъ жителями. Я находился при своей ротѣ. Съ пѣснями, съ грохотомъ барабановъ мы проходили по опустѣлымъ деревушкамъ. Цѣль нашего движенія была — вызвать жителей, скрывавшихся по оврагамъ и въ лѣсу. Мы шли безъ дороги и переходили чрезъ кристальные, журчащіе ручейки и горные отроги, поросшіе фруктовымъ лѣсомъ. Какихъ здѣсь не было плодовыхъ деревьевъ! — каштановыя, миндальныя, фиговые. Не даромъ Кахетія считалась драго-

цѣннымъ перломъ въ коронѣ Грузіи. Но, жаль въ одномъ отношеніи: въ этомъ роскошнѣйшемъ уголкѣ Закавказья господствуютъ лихорадки, не менѣе опасныя, чѣмъ хищныя сосѣди-лезгины.

Во время шумнаго слѣдованія нашей колонны, жители понемногу начали выходить изъ лѣсныхъ тѣнъ; но видали мы и такихъ чудаковъ, которые, показавшись изъ лѣсу, тотчасъ убѣгали и снова прятались. Таковы всегда послѣдствія паническаго страха!

Баталіонный командиръ, наконецъ, приказалъ колонновожатому провести роты къ пострадавшему имѣнію кн. Чавчавадзе; поэтому наша колонна начала спускаться подъ гору. Въ 10 часовъ утра мы сдѣлали привалъ на опустошенныхъ и обгорѣлыхъ руинахъ этого прекраснаго и богатѣйшаго, какъ сказывали намъ, имѣнія въ Кахетин.

Передъ большимъ двухъ этажнымъ каменнымъ домомъ, обращеннымъ фасадомъ въ садъ разстилалась зеленая мурава обширнаго двора, ограниченнаго спереди разными службами. Весь дворъ буквально былъ устланъ пухомъ, — вѣроятно изъ подушекъ и перинъ, — газетными листами, письмами, листками изъ книгъ и журналовъ. Я поднялъ два листка: одинъ былъ изъ французской, другой изъ нѣмецкой книги. Среди слѣдовъ вандализма, дышавшаго безумной ненавистью къ европеизму, взоръ нашъ не отыскалъ ничего цѣлаго, ни одной книги въ корешкѣ, исключая небольшой, въ красномъ переплетѣ, съ тремя разрубамъ. Кто-то изъ офицеровъ поднялъ ее; къ немалому нашему удивленію, это было домашнее Евангеліе, въ которомъ, по какому-то чуду листы были пощажены. Нашъ баталіонный командиръ, — человѣкъ пiousный, — при видѣ такого поруганія заплакалъ. Евангеліе имъ было взято. Я взялъ на память листокъ изъ французской книги, который долго у меня сохранялся въ походномъ вьючномъ сундукѣ пока не попалъ подъ руку другому вандалу — деньщику, употребившему его на подвертку сальнаго огарка.

Съ подъѣзда, съ колоннами мы вошли во внутренность дома и были въ нѣсколькихъ комнатахъ. Здѣсь увидѣли тѣ же слѣды варварскаго опустошенія — хоть шаромъ покати! Ни одного цѣлаго стекла въ окнѣ, ни одной непорубленной двери! Изъ невзятаго хищностью только оставались: каменные стѣны, нѣсколько порубленныхъ стульевъ да въ залѣ большой, красивый рояль; съ открытыми клавишами и нѣсколькими глубокими разрубамъ отъ ударовъ шашками.

Изъ Цинандалъ проводникъ повелъ насъ дальше. Къ 12 часамъ мы пришли въ опустѣлую деревушку мелкопомѣстнаго владѣльца, князя Зураба ***ва, маленькаго имѣнія котораго опустошеніе не коснулось. Почтенныхъ лѣтъ хозяинъ и старый ветеранъ, съ добродушной фізіономіей встрѣтилъ насъ очень радушно и пригласилъ къ себѣ въ домъ. Въ деревушкѣ его было пусто, мертво: старикъ только съ нѣсколькими слугами не оставлялъ своихъ пенатовъ.

Солдаты наши отъ хлѣбосольнаго хозяина получили нѣсколько ведеръ винограднаго вина, а мы, послѣ простаго, но сытнаго завтрака, были приглашены въ виноградникъ. Князь не взялъ съ собою никого изъ прислуги и самъ несъ необходимыя принадлежности для питья. Проходя между кустами виноградныхъ лозъ, мы увидѣли нѣсколько стоявшихъ и бокомъ лежавшихъ глиняныхъ кувшиновъ, — еще невиданной нами величины — выше человѣческаго роста и соразмѣрнаго объема: это были сосуды для храненія вина; ихъ сначала закапываютъ въ землю и потомъ уже наливаютъ молодымъ виномъ.

Проведя насъ въ уединенное и заглохшее мѣсто обширнаго сада, князь остановился подъ деревомъ, положилъ на мураву ливеръ и подносъ со стаканами, а самъ отлучился въ сторону. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился, съ желѣзною лопаткой въ рукѣ, и въ одномъ мѣстѣ, недалеко отъ тѣнистаго дерева,

началъ осторожно приподымать лопаткой обрѣзанный верхній слой грунта. Когда большой кусокъ дерна былъ отложенъ въ сторону, то открылась каменная тонкая плита, которую князь отнялъ руками; изъ открытаго горла, вкопаннаго въ землю кувшина вдругъ пахнуло виннымъ газомъ.

„Я хочу угостить моихъ дорогихъ гостей виномъ не для продажи, а собственно для себя и для добрыхъ друзей“, сказалъ старикъ съ истиннымъ радушіемъ, и, посредствомъ ливера, сталъ доставать изъ земли кладъ своего гостепріимства. — „Мы всегда лучшее вино хранимъ, такъ, что даже наша прислуга объ этомъ не знаетъ“, продолжалъ онъ. — Для чего кувшины врываются въ землю, ночью, наемными, захожими изъ дальнихъ мѣстъ работниками. Правда, иной разъ случается, что недобрый глазъ подмѣтитъ или чутьемъ угадаетъ, гдѣ зарыто вино; и если воръ исправно заложитъ снова дернъ, а хозяинъ ничего не замѣтитъ, то послѣ отроетъ кувшинъ пустой. Разъ навернулся въ наши мѣста драгунскій эскадронъ; одинъ солдатъ какъ-то пронюхалъ, гдѣ было зарыто доброе вино у одного изъ моихъ сосѣдей; вотъ, забрался онъ въ ночное время въ садъ, съ камышинкой и добрался до вина. На другой день хозяинъ пришелъ посмотреть свой садъ и видитъ: только ноги драгуна торчатъ изъ горла кувшина. Погибъ лихой драгунъ въ кувшинѣ, пропалъ и кувшинъ добраговина!“

Напившись порядочнаго кахетинскаго, сколько душѣ было угодно, мы поблагодарили хозяина и простились. При прощаньи хлѣбосоль-князь взялъ съ насъ слово, что мы когда-нибудь нарочно навернемся къ нему попробовать другой сортъ его вина. Пройдя съ барабаннымъ боемъ еще нѣсколько пустыхъ деревушекъ, мы вечеромъ возвратились въ Телавъ.

Спустя недѣли двѣ послѣ нашего пребыванія въ этомъ городкѣ, когда жители отъ страха уже успокои-

лись и перешли изъ замка въ свои дома, нѣсколько нашихъ офицеровъ, послѣ утренняго чая, отъ скуки сошлись на извѣстную башню. Отсюда, какъ на ладони, открывался великолѣпный видъ на горы дикой красоты, за Алазанью, и широкую мягкой прелести долину между двухъ хребтовъ.

— А что, господа, замѣчаете ли, князья стали угощать насъ уже кислымъ виномъ? сказалъ М...

— Да по правдѣ сказать, угощалъ насъ хорошимъ кахетинскимъ только архимандритъ въ монастырѣ, да тотъ старикъ-князь, что водилъ насъ къ завѣтному кувшинчику, зарытому въ саду. А помните ли, онъ приглашалъ насъ и на другой сортъ,—вѣрно еще лучшій того, что мы пили.

— Когда же соберемся къ нему? спросилъ капитанъ К... „Сегодня! сейчасъ! еще 10 часовъ нѣтъ!“ сказали всѣ. Сказано — сдѣлано: черезъ полчаса почти всѣ офицеры нашего баталіона отправились верхами въ мирный набѣгъ на деревушку князя Зураба ***ва.

Старикъ встрѣтилъ насъ съ прежнимъ радушіемъ и сотворилъ намъ гомерическій обѣдъ. За обѣдомъ было выпито приличное количество вина, послѣ чего, давъ небольшой отдыхъ, князь повелъ насъ по знакомой тропинкѣ въ садъ. Здѣсь, подъ сѣнью уже другого дерева, мы расположились на коврахъ, а онъ въ другомъ мѣстѣ открылъ кладъ. За чье только здоровье здѣсь не было выпито! какихъ только пожеланій не сказывалось!.. Нашъ подпоручикъ Л... увѣрялъ, что онъ чувствуетъ, что налился виномъ буквально по горло. Я хотъ этого не чувствовалъ, но чувствовалъ уже отвращеніе къ дарамъ Вакха. Наконецъ, когда турій рогъ пошелъ по рукамъ и очередь дошла до меня, я съ ужасомъ отказался принять его. Князь, видя мое несочувствіе тосту, шутя замѣтилъ: „У насъ тѣмъ, кто отказывается отъ турьяго рога, лезгинны отрѣзываютъ руку“. Передавая богатырскую чашу

въ руки П..., я сказалъ: „А что же вы, П..., до сихъ поръ не передали обѣщанную вами исторію о рукахъ нашего безрукаго городничаго?“

— Развѣ онъ вамъ рассказывалъ? спросили многіе.

— А мнѣ такъ не хотѣлъ рассказывать, присовокупилъ М...

— А какъ онъ вамъ рассказывалъ? спросилъ князь.

— Онъ рассказывалъ, началъ исторію гренадеръ, что лѣтъ восемь тому назадъ одну дѣвушку какой-то разбойникъ похитилъ изъ сада, въ которомъ она гуляла вечеромъ съ своимъ десятилѣтнимъ братомъ. И когда послѣдній успѣлъ убѣжать и далъ знать о похищеніи сестры, то за абрекомъ поскакали въ погоню, въ которой и онъ, С..., принялъ участіе. Гонясь за двумя хищниками, увозившими въ горы похищенную дѣвушку, они наскочили на засаду, изъ которой вдругъ былъ сдѣланъ залпъ; когда же подъ С... была убита лошадь, и онъ отъ паденія лежалъ на землѣ замертво, то въ это время лезгины отрѣзали ему руки.

— Подобное происшествіе было у насъ лѣтъ десять тому назадъ, сказалъ князь. — Участвовалъ ли кварталный С... въ погонѣ за хищниками или нѣтъ, — я не знаю, но знаю, что онъ лишился рукъ во время другого происшествія.

— А скажите пожалуйста, князь, что случилось съ похищенной дѣвушкой? спросилъ Д...

— Ее отбили раненую... ранилъ ее хищникъ кинжаломъ съ досады, что не достался ему лакомый кусочекъ. Она выздоровѣла, но недолго послѣ жила.

— А хищники? спросили мы.

— Оба были изрублены въ куски; но при этомъ одинъ нашъ храбрый дворянинъ лишился жизни, и другіе два были опасно ранены... С... рассказывалъ вамъ невѣрно исторію о потерѣ своихъ рукъ; впрочемъ, онъ конфузится рассказывать ее такъ, какъ она была.

— Во время какого же происшествія С... лишился рукъ? спросили снова мы.

— Во время происшествія бывшаго лѣтъ восемь назадъ. Онъ служилъ тогда письмоводителемъ у Кварельскаго участковаго засѣдателя, жившаго въ сел. Шильдахъ, которое при настоящемъ нападеніи горцевъ первое пострадало. Тогда еще не существовало впереди селенія оборонительной башни. Вотъ ночью, не помню въ іюлѣ или августѣ, нагрянула партія лезгинъ, изъ-за Кидарскаго перевала, и напала врасплохъ на селеніе. Засѣдатель и всѣ бывшіе при немъ милиціонеры были убиты, остался въ домѣ въ живыхъ одинъ только письмоводитель; но и онъ растянулся на полу, притворяясь убитымъ. Конечно, въ комнатѣ, гдѣ онъ лежалъ, свѣчи не было. А лезгины имѣютъ обыкновеніе у всѣхъ убитыхъ ими христіанъ отрѣзывать кисть правой руки: они, по возвращеніи въ горы, прибываютъ отрѣзанныя руки къ стѣнамъ или воротамъ мечети, какъ трофѣй побѣды и храбрости. Послѣ отрѣзанія рукъ у засѣдателя и другихъ убитыхъ очередь, наконецъ, дошла до живого мертвеца. Когда операція была сдѣлана и лезгинъ удалился изъ комнаты, то, при лунномъ свѣтѣ, замѣтилъ, что отрѣзалъ не ту кисть руки, которую велитъ рѣзать обычай, почему онъ снова вошелъ въ домъ за трофеемъ. Такимъ образомъ С... лишился обѣихъ рукъ: правой — по обычаю лезгинъ и лѣвой — по ошибкѣ оператора. По выздоровленіи ему придѣлали руки искусственныя, и онъ правою попрежнему отписывается храбро.

— Неужели же онъ при этой варварской операціи не пошевелился? воскликнулъ наивно Д...

— Еслибъ онъ это сдѣлалъ, то теперь не былъ бы исправляющимъ должность городничаго въ нашемъ уѣздномъ городѣ, сказалъ князь.

— Однако онъ показалъ терпѣніе, дьявольское, терпѣніе Муціево!

— Муцієво, да только по другой причинѣ, замѣтилъ М... на фразу Д...

— Еслибъ я не видѣлъ искусственныхъ рукъ, вмѣсто природныхъ, у бѣднаго С..., я бы не повѣрилъ что въ странѣ, на рубежѣ Европы, — въ странѣ, окруженной двѣсти-тысячной арміей и поселеніями съ зачатками европейской цивилизаціи, можетъ существовать подобный варварскій обычай, сказалъ я. Я бы этому не повѣрилъ, какъ не вѣрилъ происшествію, рассказанному мнѣ прежде объ отрѣзанной рукѣ, при другихъ только обстоятельствахъ, въ одномъ аварскомъ аулѣ, потому что въ этихъ разказахъ для недавно живущаго на Кавказѣ русскаго человѣка многое кажется невѣроятнымъ, дышащимъ утрированной поэзіей или клеветой на гостепріимныхъ горцевъ — этихъ идеаловъ нашихъ поэтовъ.

— А я такъ давно вѣрилъ этому, сказалъ П... — потому что когда я служилъ въ гренадерахъ, и нашъ небольшой отрядъ ходилъ, въ 45-мъ г., за Кадорскій переваль, для отвлеченія силъ непріятеля отъ главнаго отряда, шедшаго въ Дарго, то въ разоренныхъ нами дидойскихъ аулахъ собственными глазами видѣлъ много висѣвшихъ христіанскихъ рукъ.

— Вамъ, вѣрно, рассказывали о происшествіи въ аулѣ Джахъ-ястарѣ, — о томъ какъ одному старому лезгину непремѣнно хотѣлось получить за дочь въ калымъ руку Пассека, потому что въ кокашуриномъ дѣлѣ были убиты всѣ сыновья старика? Что же вамъ въ этомъ происшествіи показалось невѣроятнымъ? спросилъ меня М... — а я такъ думаю, что оно не вымыселъ поэзіи, потому что дьявольскій адатъ горцевъ велитъ непремѣнно мстить за кровь, кому бы то ни было: виновному въ убійствѣ или его родственнику, или принадлежащему къ его обществу, къ его національности, а не отомстившій подвергается насмѣшкамъ, презрѣнію. Развѣ вы не замѣчали, что когда по суду разстрѣливаютъ какого-нибудь

абрека, то вскорѣ послѣ этого, на передовыхъ линіяхъ, начинаются частыя происшествія; развѣ вы не знаете, что послѣ погребенія Слѣпцова долго высылался на кладбище ночной караулъ, чтобъ горцы не надругались надъ его костями... А Пассекъ не менѣе Слѣпцова истребилъ ихъ, — и хотя не своеручно, но по адату это все равно.

— Удивительные, ужасные нравы въ XIX-мъ столѣтіи! вотъ гдѣ кстати сказать: о *tempora!* о *mores!* воскликнулъ Д...

— Ничего въ нихъ нѣтъ удивительнаго, когда они, вслѣдствіе историческихъ причинъ и географическихъ условій, должны были оставаться такими, какими были за нѣсколько вѣковъ до этого, возразилъ М...

— Но въ горахъ теперь есть сильная власть, которой прежде не было, — власть умнаго Шамиля, понимающаго что дикіе адаты вредятъ его политическимъ видамъ.

— И Шамиль, смекающій кое-что, не въ силахъ сдѣлать ничего въ этомъ отношеніи: увѣсистый его топорикъ слишкомъ легокъ для того, чтобъ разрубать узлы, затянутые вѣками.

— Ну, а если Кавказъ рано или поздно падетъ предъ нашимъ оружіемъ: неужели же и нашъ законъ не въ состояніи будетъ вытѣснить адаты?!

— Думаю, что нѣтъ, потому что горцы, знающіе одинъ только свой адатъ, не приготовлены къ принятію законовъ, отвѣчалъ М... на вопросы Д... — Думаю такъ еще потому, что, обращаясь съ этимъ новымъ оружіемъ, мы надѣлаемъ и съ нимъ ошибокъ... Спросите вы хоть давно мирныхъ осетинъ-христіанъ, — больше всѣхъ развитыхъ, но неперестающихъ мстить за обиды по адату: — удовлетворяетъ ли ихъ нашъ законъ, по которому убійцы и кровомстители между ними ссылаются въ арестантскія роты на сроки, съ возвращеніемъ послѣ на родину, или во внутреннія губерніи подъ надзоръ полиціи, во вниманіе къ неразвитости горцевъ; между тѣмъ какъ осетины

не менѣе развиты, чѣмъ наша мордва... Много возни предстоитъ для Россіи и съ покореннымъ Кавказомъ! Придется, можетъ быть, для новыхъ подданныхъ выковать и новый топорикъ — изъ хорошаго матеріала, — чтобъ онъ въ состояніи былъ парализовать рѣжущую силу ада-товъ, по крайней мѣрѣ до той поры, пока горцы сдѣлаютъ первый шагъ на пути развитія. Наши же настоящіе инструменты, какъ видимъ, оказываются непригодными и для собственнаго древа, на которомъ разные наросты, да сухія, да гнилыя вѣтви не уменьшаются и все ползутъ вверхъ.

— Ваша истинная правда! сказалъ съ жаромъ добродушный князь, и предложилъ „ала — ведры“ за здоровье философа — штабсъ-капитана.

Ст—ца С—ская. 1859 г.

Кое что о службѣ и смерти на Кавказѣ Марлинскаго и Лермонтова.

Отрывочнымъ и скуднымъ свѣдѣніямъ, отчасти случайно и годами мною собраннымъ, и службѣ и смерти на Кавказѣ Марлинскаго и Лермонтова, позволю себѣ предпослать здѣсь одно воспоминаніе изъ моихъ юношескихъ лѣтъ.

Въ тотъ счастливый возрастъ и моими любимыми писателями были — Марлинскій и Лермонтовъ, а желаніе летѣть на опоэтизированный ими Кавказъ было моей мечтой. Не смотря на это желаніе, по выходѣ изъ гимназіи, я отправился не на Кавказъ а въ Кіевъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ пріѣзда моего въ прашуръ русскихъ городовъ, помню, въ одинъ прекрасный августовскій вечеръ, 1843 г., я въ первый разъ отправился на гулянье въ городской садъ.

Въ толпѣ довольно многочисленной публики, гулявшей по широкимъ аллеямъ, общее вниманіе обращала

на себя одна пара. Это были: дама замѣчательной красоты и видный собою, высокаго роста блондинъ, лѣтъ подъ сорокъ на видъ, съ большими рыжеватыми усами и чертами лица нерасполагающими; одѣтый, по тогдашней модѣ, въ изысканный статскій костюмъ.

Я спросилъ одного по гимназіи товарища, за годъ до моего пріѣзда въ Кіевъ поступившаго въ университетъ, кто эти дама и кавалеръ ея? — „Дама? это дочь полковника Швейковского — полька и первая здѣшняя красавица (впослѣдствіи извѣстная гр. Браницкая въ Тульчинѣ), а кавалеръ ея — это отставной кавалеристъ Мартыновъ, убившій Лермонтова на дуэли и присланный сюда на 15-ть лѣтъ на церковное покаяніе“. — Хорошо же онъ кается, разсыпаясь мелкимъ бѣсомъ передъ прекрасной панной, — возразилъ я съ горечью. Мнѣ больно стало, когда я увидалъ во очію элегантно одѣтаго и весело по французски болтавшаго съ красавицей убійцу великаго поэта.

Въ тѣ годы, когда я учился, въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ едва ли былъ въ старшихъ классахъ хотя одинъ ученикъ, который бы не зналъ наизусть лучшихъ стихотвореній Лермонтова. Въ настоящее время, литературный вкусъ и гражданскій патріотизмъ нашего юношества воспитываются не на произведеніяхъ Пушкина, Лермонтова, а на ерундѣ. Вамъ будетъ теперь понятно ущемленное чувство шестнадцатилѣтняго юноши, когда онъ въ первый разъ увидалъ Мартынова. Уже впослѣдствіи я узналъ, что не онъ былъ зачинщикомъ ссоры, кровавая развязка которой такъ глубоко опечалила все русское общество, еще незабывшее тогда смерть Пушкина.

Невинность *) Мартынова кн. Васильчиковъ, бывшій секунданта Лермонтова, доказывалъ въ статейкѣ своей, напечатанной въ первой книжкѣ „Русскаго Архива“ за 1872 годъ.

*) Тогда Мартыновъ еще былъ въ живыхъ.

По прошествіи пяти лѣтъ послѣ встрѣчи на гуляньѣ въ Кіевѣ счастливаго противника Лермонтова, судьба неожиданно помогла исполниться моему желанію; я случайно попалъ на Кавказъ, въ славный Тенгинскій полкъ, въ рядахъ котораго въ послѣдніе свои дни служилъ нашъ славный поэтъ, а прежде его служилъ и Марлинскій.

По сказанію старыхъ служакъ, которыхъ я засталъ въ полку, Марлинскій былъ переведенъ рядовымъ изъ Мингрельскаго егерскаго полка, (что теперь гренадерскій), въ Тенгинскій пѣхотный, въ 1834 году, а изъ этого послѣдняго онъ былъ произведенъ въ офицеры, съ переводомъ въ 1-й кавказскій линейный баталіонъ, въ 1837 году. Вскорѣ же послѣ производства онъ былъ прикомандированъ къ штабу главно-командующаго тогда кавказскимъ отдѣльнымъ корпусомъ, барона Розена.

По отзывамъ знавшихъ его, онъ былъ открытаго, общительнаго и добродушнаго характера, за что всѣми въ полку былъ любимъ.

Ненадолго было суждено автору „Фрегата Надежда“ и „Амалиѣ-Бека“, съ полученіемъ нелегко доставшагося ему, во второй разъ, перваго офицерскаго чина, воскреснуть для новой жизни! 2-го іюня того же года, при занятіи нашимъ десантнымъ отрядомъ на восточномъ берегу Чернаго моря мыса Адлера, онъ безвѣсти пропалъ въ рукопашномъ дѣлѣ съ горцами, происходившемъ въ кустарникѣ, на берегу моря,

Нѣтъ сомнѣнія, онъ былъ изрубленъ, а тѣло его, по обыкновенію хищнаго непріятеля обнаженное, осталось въ чащѣ съ тѣлами нѣсколькихъ десятковъ нашихъ охотниковъ, которымъ онъ, какъ говорили, самъ вызвался передать приказаніе отступить и къ которымъ, для этого, отправился въ цѣпь только съ нѣкоторыми рядовыми. Посылавшіеся нарочно съ начальникомъ отряда, генераломъ Самборскимъ, въ горы лазутчики никакихъ извѣстій о плѣнѣ его не привезли.

Несмотря на это, несмотря на всю вѣроятность, что Марлинскій умеръ смертью храбрыхъ, тогдашніе праздные языки объ исчезновеніи его съ напускной таинственностію различно судили, подавая пищу для хитросплетеній. Поводомъ для нихъ послужилъ несчастный случай съ казачкой Нестеровцовой, бывшей съ нимъ въ связи и нечаянно изъ пистолета застрѣлившейся въ его квартиру, во время его отсутствія; хотя извѣстно, что по суду онъ былъ оправданъ, да и сама Нестеровцова, умирая, не обвиняла его въ своей смерти.

Преданіе на Кавказѣ говоритъ, что Марлинскій, во время плаванія десанта къ мызу Адлеръ, мечталъ о славной смерти въ бою; что подъ вліяніемъ такого настроенія онъ написалъ тогда (на фрегатѣ Св. Анна) прекрасную боевую пѣсню, которая въ прежніе годы пѣлась въ кавказскихъ полкахъ. Вотъ изъ нея куплеты, мною незабытые:

Плыветъ по морю флотъ кораблей, кораблей,
Славно стадо лебедей, лебедей;
Все на палубѣ солдатушки сидятъ,
Межъ собою они рѣчь говорятъ:
Адлеръ мысъ недалеко, —
Намъ забрать его, и славно и легко.
Гренадеры молодцы, усачи!
Сумы въ зубы — въ воду по поясъ скачи!
Бѣглымъ шагомъ на заваль, на заваль, —
Крестъ и честь тому, кто первый добѣжитъ.

Эти звучныя строфы, вылившіяся тогда изъ души его — чтобъ увѣковѣчить ими славный подвигъ кавказскихъ войскъ, были его послѣдней лебединой пѣснью!

Формулярнаго его списка нѣтъ при дѣлахъ Тенгинскаго полка: онъ долженъ храниться въ старомъ полковомъ архивѣ, оставленномъ въ г. Екатеринодарѣ, при выходѣ полка изъ Черноморіи, для военныхъ дѣйствій на Восточномъ Кавказѣ, въ 1845 году.

По частнымъ свѣдѣніямъ, мною собраннымъ и изъ нижевыписаннаго формулярнаго списка Лермонтова видно, что онъ былъ на Кавказѣ три раза; въ первый разъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ, съ бабкой своей Арсеньевой; *) во второй разъ, когда онъ, за написанное извѣстное стихотвореніе „на смерть Пушкина“, былъ переведенъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ; и въ третій разъ, когда за дуэль съ французомъ Барантомъ онъ вторично былъ переведенъ изъ лейбъ-гусаровъ на Кавказъ, въ Тенгинскій полкъ, въ 1840 году.

Проѣзжая въ томъ году чрезъ Ставрополь, гдѣ въ то время находился штабъ командующаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи (генераль-адъютанта Граббе), онъ въ штабѣ томъ выхлопоталъ себѣ прикомандированіе къ отряду начальника 20-й дивизіи, генераль-лейтенанта Галафѣева, назначенному для важныхъ военныхъ дѣйствій противъ возставшихъ тогда поголовно чеченцевъ.

*) Бабка Лермонтова — Елизавета Алексѣевна Арсеньева (урож. Столыпина) пріѣзжала на Кавказъ своимъ юнымъ внукомъ, для свиданія съ своими родственниками: Столыпиными и Хостатавыми, помѣщиками Ставропольской губ. Единственная же дочь и наследница Арсеньевой, умершая въ молодыхъ лѣтахъ, была замужемъ за Лермонтовымъ, дворяниномъ Тульской губ., — человекомъ съ широкой русской натурой, — состоявшимъ послѣ вторичнаго поступленія въ военную службу, при фельдмаршалѣ кн. Паскевичѣ и умершимъ въ 30-тыхъ годахъ въ Варшавѣ, въ чинѣ полковника. Отъ этого брака родился нашъ поэтъ, оставшійся послѣ смерти матери почти груднымъ ребенкомъ, взятымъ на попеченіе бабкой, давшей ему воспитаніе и горячо его любившей.

По просьбѣ ея онъ снова былъ переведенъ въ гвардію, по просьбѣ же ея и прахъ его было разрѣшено перевести въ родовое имѣніе, гдѣ она надъ дорогимъ прахомъ внука построила часовню, которую завѣщала своимъ крестьянамъ поддерживать послѣ ея смерти, ради чего она освободила ихъ отъ крѣпостной зависимости, еще задолго до эмансипаціи. Свѣдѣнія эти мнѣ сообщены близкимъ родственникомъ покойной Арсеньевой — Пав. Ник. Хлудневымъ, старымъ кавказцемъ.

Въ формулярномъ спискѣ Лермонтова значится, что онъ прибылъ въ Тенгинскій полкъ, принадлежавшій къ 1-ой бригадѣ 20-й дивизіи, 13 іюня 1840 года. По словамъ старыхъ офицеровъ этого полка, онъ по прибытіи въ штабъ - квартиру полка, бывшую тогда въ станицѣ Ивановкѣ, на Кубанской линіи, недолго оставался въ полку — такъ что его мало кто видѣлъ, — и вслѣдствіе послѣдовавшаго изъ штаба командующаго войсками распоряженія, о прикомандированіи его для военныхъ дѣйствій къ Чеченскому отряду, онъ вскорѣ туда и отправился, — но когда именно, я не могъ узнать.

Въ продолженіе лѣтней экспедиціи въ Чечнѣ, Лермонтовъ, состоя при генералѣ Галафѣевѣ, участвовалъ во многихъ перестрѣлкахъ съ горцами и въ кровопролитныхъ дѣлахъ: на Гехинской полянѣ и при переходѣ нашего отряда черезъ рѣчку *) Валерикъ, въ Малой Чечнѣ, 30 октября 1840 года.

Послѣ роспуска Чеченскаго отряда, послѣдовавшаго 17 ноября вышесказаннаго года, онъ снова прибылъ въ штабъ-квартиру своего полка, ст. Ивановку, — но какого числа, свѣдѣній объ этомъ я также не могъ добыть. Прикомандированіе же его въ 1840 году къ чеченскому отряду и участваніе въ походѣ въ Чечню, съ подробнымъ прописаніемъ перестрѣлокъ, въ которыхъ онъ находился, незаписаны въ его формуляръ, — вѣроятно, по упущенію полковой канцеляріи. Въ то время, при безпрерывныхъ военныхъ дѣйствіяхъ, письменныя дѣла въ кавказскихъ полкахъ велись безпорядочно; и рѣдкій офицерскій формулярный списокъ былъ безъ пропусковъ.

Но старые тенгинцы сказывали мнѣ, что въ концѣ 1840 года Лермонтовъ уже былъ въ штабъ-квартирѣ полка,

*) Это та самая рѣчка (въ сухое время года незначительный ручей), въ глубокомъ руслѣ которой происходилъ тогда жестокий рукопашный бой, описанный поэтомъ, какъ очевидцемъ, въ стихотвореніи „Валерикъ“.

Ивановкѣ; что онъ знакомился съ офицерами, что былъ обласканъ командиромъ полка и что написалъ тогда юмористическое стихотвореніе — въ защиту офицеровъ, на которыхъ жаловалось Ивановское станичное правленіе за то, что они, ходя другъ къ другу въ гости, въ обходъ грязи перелѣзаютъ черезъ плетни огородовъ. Къ сожалѣнію, написанные по этому случаю стихи ни у кого изъ старыхъ тенгинцевъ не сохранились.

Что Лермонтовъ былъ обласканъ командиромъ полка, и могъ сблизаться съ новыми своими товарищами, пѣхотными офицерами — все это естественно: командиромъ Тенгинскаго полка былъ въ то время полковникъ Семенъ Ильичъ Хлюпинъ (умеръ въ 1847 г. въ чинѣ генераль-маіора) человѣкъ большаго ума и рѣдкой доброты. Память о немъ, какъ о лучшемъ командирѣ и превосходномъ человѣкѣ, до сихъ поръ живетъ въ полку. Общество офицеровъ стояло при немъ на высотѣ, на какой оно послѣ никогда не было. Изъ тогдашнихъ сверстниковъ Лермонтова по чину, я зналъ въ рядахъ нашей арміи нѣсколько генераловъ. Въ числѣ храбрыхъ баталіонныхъ командировъ, командиромъ 4-го баталіона былъ подполковникъ Конст. Карл. Данзасъ, товарищъ Пушкина по Царскосельскому лицей и его секундантъ. А изъ числа тогдашнихъ ротныхъ командировъ, поручиковъ, Эшапаръ и Кушелевъ составляютъ гордость полка: первый изъ нихъ, бывшій одновременно съ Лермонтовымъ прикомандированнымъ къ штабу генерала Галафѣева, для участвованія въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Чечнѣ, погибъ почти въ одно время съ нимъ геройской смертію, на восточномъ берегу Чернаго моря; второй умеръ, въ высшихъ чинахъ, также славной смертію, въ Чечнѣ.

Въ періодъ времени, между прибытіемъ Лермонтова въ полкъ изъ чеченскаго отряда и отѣздомъ его въ послѣдній разъ въ отпускъ, въ январѣ 1841 года, онъ, находясь при штабѣ полка, въ грязной станицѣ Ивановкѣ,

наравнѣ съ прочими несъ службу, какая обыкновенно тогда неслась оберъ-офицерами въ штабъ-квартирахъ полковъ:—дежурилъ по штабу полка и производилъ слѣдственные дѣла, которыхъ въ то время каждый офицеръ въ кавказскихъ полкахъ имѣлъ по нѣскольکو на своихъ рукахъ. Подтвержденіемъ этого служатъ два его собственноручныхъ рапорта отъ 1840 г., случайно найденные въ старыхъ полковыхъ дѣлахъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ пишетъ. „что порученное ему слѣдственное дѣло, окончивъ, представляетъ“; въ другомъ доносить, „что заболѣвъ, службы нести не можетъ“.

Съ 24 января по 13 апрѣля 1841 года Лермонтовъ былъ въ отпуску въ Россіи; по возвращеніи въ полкъ изъ отпуска, онъ снова былъ прикомандированъ къ войскамъ лѣваго фланга кавказской линіи, дѣйствовавшимъ въ томъ году противъ Шамиля въ Чечнѣ и сѣверномъ Дагестанѣ, съ 1 мая по 25 октября.

Отъ этой командировки, какъ ея слышалъ отъ достовѣрныхъ лицъ, Хлюпинъ хотѣлъ отклонить его, совѣтуя ему лучше идти въ предстоящій походъ съ своимъ полкомъ, въ которомъ онъ скорѣе можетъ рассчитывать на отличіе, чѣмъ состоя прикомандированнымъ въ чужой части или штабу. Но онъ не внялъ этому совѣту и еще раньше отправленія въ экспедицію Тенгинскаго полка, покрывшаго себя на восточномъ берегу Чернаго моря славою, уѣхалъ снова въ чеченскій отрядъ.

Въ этотъ разъ онъ не доѣхалъ до отряда, къ которому былъ прикомандированъ, какъ значится въ формулярномъ его спискѣ, съ 18 мая 1841 года. Проѣхавъ Ставрополь, онъ заѣхалъ въ Пятигорскъ, гдѣ отрапортовался больнымъ, а 15 іюля сказаннаго года, какъ извѣстно, былъ убитъ на дуэли.

О причинѣ и подробностяхъ этой дуэли, уже описанныхъ очевидцемъ, я считаю лишнимъ говорить; но считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ одномъ

обстоятельствѣ, повидимому, проливающимъ свѣтъ на отношенія Лермонтова къ его сопернику. Онъ заподозрилъ Мартынова, своего сосѣда по имѣнію въ Тверской губ.,— въ подпечатаніи письма, которое онъ, будучи въ отпуску въ Петербургѣ, вручилъ, будто бы, послѣднему для передачи въ деревнѣ одной особѣ, его интересовавшей. Это-то подозрѣніе, которое Лермонтовъ не рѣшался высказать напрямикъ Мартынову, при встрѣчѣ съ нимъ на водахъ, было причиною его неумѣстныхъ надъ нимъ подтруниваній и насмѣшекъ въ дамскомъ кружкѣ, въ которомъ они въ Пятигорскѣ сталкивались; эти же подтруниванія, какъ извѣстно, послужили прямымъ поводомъ дуэли. — Объ этомъ обстоятельствѣ на Кавказѣ до сихъ поръ существуютъ толки, съ различными варіаціями; болѣе подробно о немъ рассказывалъ мнѣ Г. Хлуденевъ, племянникъ покойной Арсеньевой. — Если даже допустить, что всѣ рассказы и толки эти, не имѣя основанія, не исключаютъ сложившейся въ теченіи времени легенды, то, слушая ихъ, невольно задаешь самъ себѣ вопросы: почему Мартыновъ, противъ условій описанной секундантомъ дуэли, поспѣшилъ сдѣлать выстрѣлъ и такъ ловко угодилъ пулю своему противнику? не признавалъ ли онъ себя неправымъ и, потому, не былъ ли увѣренъ, что Лермонтовъ не пощадитъ его, какъ пощадилъ Баранта? Хорошій стрѣлокъ, какимъ, видно, былъ Мартыновъ, и человекъ, непитавшій въ душѣ особеннаго чувства, ради такой вздорной причины, какая, по словамъ кн. А. Васильчикова, послужила поводомъ поединка, не цѣлилъ бы въ сердце.

Лермонтовъ служилъ на Кавказѣ несчастливо: за время его двукратной здѣсь службы онъ не получилъ ни одной награды, изъ чего можно заключить, что онъ не умѣлъ или не хотѣлъ поклониться кому слѣдовало. Вотъ его формуляръ за 1841 годъ, съ чистой графой боевыхъ отличій.

Михаилъ Юрьевъ сынъ Мермонтовъ. Вѣроисповѣданія Православнаго. 27 лѣтъ отъ роду. Изъ дворянъ Тульской губ. За нимъ состоитъ въ Тверской губ. 150 и за бабкой въ Пензенской 500 душъ крестьянъ. Знаковъ отличія не имѣетъ. Поступилъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ унтеръ-офицеромъ въ 1832 году, ноября 13. Юнкеромъ въ томъ же году, декабря 19. Произведенъ въ корнеты въ 1834 году, ноября 22. Отъ роду имѣлъ тогда 20 лѣтъ. Произведенъ въ поручики въ 1836 году, декабря 6. Переведенъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, съ переименованіемъ въ прапорщики, въ 1837 году, февраля 27. Переведенъ въ лейбъ-гвардіи Гродненскій гусарскій полкъ, съ переименованіемъ въ корнеты, въ томъ же году, октября 11. Переведенъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ въ 1838 году, апрѣля 9. Переведенъ въ сей Тенгинскій полкъ, тѣмъ же чиномъ, въ 1840 году, апрѣля 13. Прибылъ въ полкъ въ томъ же году, іюня 13. Русской, французской, нѣмецкой грамотѣ читать и писать умѣетъ; Математику, Тригонометрію, Алгебру, Исторію, Географію, Фортификацію, Ситуацію, Военное Судопроизводство и Законъ Божій знаетъ. Холостъ. Въ комплектѣ, а находится, для участвованія въ экспедиціи противъ горцевъ прикомандированнымъ къ дѣйствующему отряду генералъ-лейтенанта Галафѣева въ Чечнѣ, съ 18 мая 1841 года. Къ повышенію чиномъ достоенъ, а къ знаку безпорочной службы, за невыслугою, не аттестуется. По выборамъ дворянства не служилъ. Отчеты, какіе имѣлъ по службѣ, всегда представлялъ въ опредѣленный срокъ. Въ слабомъ отправленіи обязанностей по службѣ замѣчаемъ не былъ; безпорядковъ и неисправностей между подчиненными не допускалъ: оглашаемъ или изобличаемъ въ неприличномъ поведеніи не былъ. Въ походахъ былъ: въ 1837 году, съ 21 апрѣля въ экспедиціи, для продолженія береговой укрѣпленной линіи по восточному берегу Чернаго моря, отъ кр. Геленджика до устья рѣчки

Вуланъ, и въ бывшихъ во время оной экспедиціи, подъ командою генералъ-маіора Штейбе, перестрѣлкахъ; при конвоированіи транспорта съ разными запасами изъ Ольгинскаго тетдепона въ ук. Абинское и обратно; апрѣля 26 на рѣчкѣ Кунипсѣ; 29 близъ Абина, подъ командою генералъ-лейтенанта Вельяминова, при движеніи отряда изъ Ольгинскаго тетдепона къ кр. Геленджику; мая 10 въ сильной перестрѣлкѣ въ Чушбайскомъ лѣсу; 11 на Багаіокской долині; 12 близъ ук. Николаевского; 17 на долині онаго; 23 у переправы Вородубуй; 24 на рѣчкѣ Дуибѣ; 25 на рѣчкѣ Пшадѣ и на бывшихъ фуражировкахъ около сей рѣчки. Мая же 29, іюня 2, 5 и 22 при движеніи изъ ук. Новотроицкаго къ рѣчкѣ Вуланъ; іюля 11 въ ущельѣ Каріокъ; 12 при урочищѣ Самсуапѣ; 13 при урочищѣ Чемчуапсѣ; 14 на рѣчкѣ Вуланъ, при постройкѣ ук. Михайловскаго и во время фуражировокъ; Іюля 31, августа 22, 23 и 26 при возвращеніи отряда къ Геленджику; сентября 2, 3, 4, 5, 6 и 7 при движеніи отряда къ берегамъ рѣки Кубани и въ бывшихъ перестрѣлкахъ съ 25 по 29 число того же мѣсяца. Раненъ и въ плѣнъ взятъ не былъ. Порученій по Высочайшимъ повелѣніямъ и отъ своего начальства не имѣлъ. Наградъ, Всемиловѣйшихъ рескриптовъ и похвальныхъ листовъ не получалъ. Приказомъ по отдѣльному гвардейскому корпусу, отъ 11 марта 1840 года за № 38, былъ преданъ военному суду за произведенную имъ, по собственному его сознанію, дуэль и за недонесеніе о томъ тотчасъ своему начальству.

Мнѣ не разъ случалось слышать на Кавказѣ фразу, „что лѣтомъ въ Пятигорскѣ все напоминаетъ, все дышетъ Лермонтовымъ“. Въ этой фразѣ, дышащей поэзіей, есть доля правды. Дѣйствительно, въ живописномъ Кавказскомъ городкѣ, прилепившемся къ склону машука, многое пріѣзжему напоминаетъ объ авторѣ „Героя нашего времени“. Тамъ, сидя на скамьѣ подъ тѣнью липы, вы

можете услышать знакомыя вамъ имена: „Печоринъ, княжна Мери“. Ихъ произнесетъ, проходя мимо васъ по бульвару, сантиментальная курчавая барышня, повиснувшая на рукѣ своего кавалера. Пойдете вы вверхъ по длинной аллеѣ, къ Елисаветинскому источнику, тамъ, въ скалѣ на лѣво, вы увидите гротъ (вѣроятно, тотъ самый, въ которомъ Печоринъ засталъ одну Вѣру). Это — „гротъ Лермонтова“. Стѣны его буквально исписаны надписями, на разныхъ языкахъ гласящими: „здѣсь была и мечтала, такого-то числа и года, такая-то“, или здѣсь былъ и курилъ такой-то“.

Но если вы пытливы и спросите кого-нибудь: почему этотъ гротъ называется именемъ поэта? — вы поставите вопрошаемое лицо въ большое затрудненіе. Только одна знакомая моя дама — пятигорская уроженка — послѣ минутнаго молчанія, рѣшительно отвѣтила на мой вопросъ: „потому онъ называется гротомъ Лермонтова, что въ немъ, какъ сказывала мнѣ покойная моя маменька, онъ любилъ мечтать“. Спасибо, хоть эта дама удовлетворила мое любопытство о предметѣ, съ которымъ такъ тѣсно связано громкое литературное имя.

Но если-бъ вы спросили: гдѣ находится мѣсто, на которомъ онъ, съ прострѣленнымъ сердцемъ и заряженнымъ пистолетомъ въ рукѣ, мгновенно испустилъ духъ? гдѣ его первая могила? — увы! вамъ никто теперь въ Пятигорскѣ не дастъ отвѣта.

Бывши въ 1868 году въ первый разъ на водахъ, я тщетно разспрашивалъ знакомыхъ и незнакомыхъ пятигорцевъ объ этой интересной для каждаго русскаго могилѣ; тщетно я самъ искалъ ее, для чего перечиталъ надписи на всѣхъ надгробныхъ памятникахъ.

Не достигнувъ цѣли двукратныхъ поѣздокъ на кладбище, я такъ и уѣхалъ въ Ессентуки. Но тамъ, бесѣдуя разъ въ паркѣ съ священникомъ Горячеводской станицы,

отцомъ Васи́лемъ Мадри́товымъ, я вырази́лъ досаду на мои напрасные поиски.

— Не найдете такъ его могилу, — ни за-что не найдете, сказа́лъ онъ самоува́ренно. Подобно вамъ, я также иска́лъ ее напрасно, и не нашелъ бы никогда, еслибъ мнѣ не сказа́лъ примѣтъ покойный отецъ Павелъ Алекса́ндровскій, — бывшій старшій пятигорскій священникъ, — при которомъ она была вырыта. Не найдете, изволите видѣть почему: Лермонтовъ былъ похороненъ почти какъ самоубійца: — нѣсколько въ сторонкѣ отъ кладбища, тогда еще неогороженнаго.

Много было хлопотъ, чтобъ его похоронили по обычаю! — Младшій священникъ на отца Павла, его похоронившаго, написалъ тогда Ставропольскому епископу доно́съ... Рядомъ съ его могилою была могила самоубійцы — чиновника Медвѣ́дева... Впослѣдствіи, когда была построена кладбищенская церковь, обѣ эти могилы вошли въ ограду кладбища. На нихъ нѣтъ ни памятниковъ, ни крестовъ; это не болѣе какъ двѣ рядушкомъ ямки, въ которыхъ кто-то насадилъ по деревцу.

Если хотите отыскать ту, въ которой покоился прахъ Лермонтова, станьте, — когда будете на кладбищѣ, — у первой ступени церковной паперти, лицомъ къ западу, прямо къ Ессентукамъ; отмѣрьте въ этомъ направленіи 17 шаговъ — и вы будете на его первой могилѣ. Она по лѣвую руку, въ сторонѣ города; тоже что по правую, къ сторонѣ Желѣзноводска — могила самоубійцы. — А вы знаете, гдѣ его вторая могила? — спросилъ меня священникъ. — Нѣтъ, не знаю, отвѣтилъ я. — „Она въ селѣ Тархановѣ, въ Чембарскомъ уѣздѣ Пензенской губ. Такъ передавалъ мнѣ покойный отецъ Павелъ, при которомъ и прахъ Лермонтова былъ перевезенъ туда на почтовыхъ, въ каретѣ“.

Спустя три недѣли послѣ этой, врѣзавшейся въ мою память, бесѣды, я уѣхалъ въ мѣсто моего служенія. Проезжая изъ Желѣзноводска мимо пятигорскаго кладбища,

я посѣтилъ его снова; въ этотъ послѣдній разъ, благодаря ясно описаннымъ примѣтамъ, я тотчасъ отыскалъ желанную могилу.

Признаюсь, никогда бы я прежде не подумалъ, что представившаяся моимъ глазамъ заросшая бурьяномъ яма, посреди которой торчитъ засохшій лѣсной орѣхъ, недоросшій своего обыкновеннаго роста, — могила того, кому теперь Россія собирается поставить памятникъ!

Могила эта навела меня на горькія размышленія... стоя надъ нею, я желалъ заплакать, чтобъ облегчить этимъ чувства, глубоко затронутыя видомъ такого забвенія... „Счастливъ ты еще, поэтъ, думалъ я: „что умеръ, не доживъ до нашихъ дней... кто бы теперь благосклонно слушалъ твою недопѣтую пѣснь! Не былъ ли-бъ теперь твой ростъ, подобно росту деревца на твоей могилѣ, заглушонъ, забить другого рода бурьяномъ, обильно на Руси выросшимъ“?

К. Бѣлевичъ.

Примѣч. Въ настоящее время не существуетъ описанныхъ примѣтъ первой могилы Лермонтова. Мѣсто, гдѣ, по словамъ свящ. Мадритова (уже умершаго), первоначально поконился его прахъ, уже сглажено — только не временемъ. Оно, по моему соображенію, вошло частью въ ограду, которою обнесенъ памятникъ на могилѣ Елизаветы Байковой, — матери бывшаго контрагента минеральныхъ водъ, а частью отошло подъ дорогу, въ послѣднее время на кладбищѣ продолженную и идущую возлѣ самой рѣшетки названнаго памятника.

Гдѣ же находится мѣсто роковой дуэли, о томъ между пятигорскими старожиллами идутъ и теперь споры. Лица же, хорошо знавшія то мѣсто, уже вымерли. Только домикъ, въ которомъ поэтъ передъ смертью нанималъ квартиру, сохранился въ цѣлости; онъ, принадлежавшій тогда чиновницѣ Челябиной, находится въ нагорной части города, обращенной къ сторонѣ кладбища.

— Статья эта, написанная мною еще въ 1868 г. — въ формѣ задушевнаго письма къ одному близкому мнѣ лицу, просившему меня о томъ, — не предназначалась тогда для печати. Если заключающіяся въ ней свѣдѣнія о службѣ и смерти на Кавказѣ Марлинскаго и Лермонтова въ чемъ-либо расходятся съ истиною, то было бы желательно, чтобъ лица, имѣющія въ своихъ рукахъ болѣе вѣрные матеріалы для ихъ біографіи, указали на это печатно.

Бѣдствіе въ Туркменской пустынѣ.

Въ 1872 году полковникъ Маркозовъ, во время командованія на восточномъ берегу Каспійскаго моря отрядомъ, сосредоточеннымъ въ ук. Чикишляръ, неожиданно получилъ извѣстіе, что къ колодцамъ Таганклычъ, находящимся въ направленіи къ югу, прикочевали немирные туркмены, со множествомъ верблюдовъ и баранты.

Вслѣдствіе этого извѣстія изъ чикишлярскаго отряда, сильно нуждающагося въ верблюдахъ для рекогносцировокъ во внутрь Туркменіи, немедленно были посланы въ набѣгъ 250 чел. пѣхоты и 5-ть линейныхъ казаковъ, подъ командою майора 80 пѣх. Кабардинскаго фельдмаршала князя Барятинскаго полка Козловскаго, съ приказаніемъ завладѣть верблюдами враждебныхъ кочевниковъ, если представится къ тому возможность.

Колонна, имѣвшая при себѣ подъ необходимые припасы и воду всего два верблюда, выступила налегкахъ въ 2 часа утра 27 Августа. Хотя отъ Чикишляра до названныхъ колодцевъ считалось только 40 верстъ, но она, сдѣлавъ въ одинъ день въ полтора раза болѣе этого, не достигла цѣли движенія, и къ вечеру того же числа должна была остановиться на отдыхъ въ неизвѣстной и безводной пустынѣ. Бывшіе при колоннѣ 2 верблюда не выдержали громаднаго перехода и пали. 85 чел. нижнихъ чиновъ, отъ страшнаго утомленія по пройденному, въ тропическій зной, песчаному пути, окончательно выбились изъ силъ и, при подъемѣ колонны съ вечерняго привала, объявили, что не въ состояніи далѣе идти: почему при нихъ были оставлены 2 офицера: прапорщики — Жуковъ и Алфимовъ.

Какъ безсильные, такъ и сохранившіе еще силы, въ равной степени были мучимы жаждой: въ зной, доходившій до 44 град., весь запасъ воды былъ выпить. Тогда начальникъ колонны, взвѣсивъ всю опасность положенія,

послѣ недолгаго раздумья — куда и какъ двигаться безъ воды и вьючныхъ животныхъ, — рѣшился искать спасенія въ страхѣ проводника. Хладнокровно вынувъ изъ кобуры револьверъ и приставивъ его къ проводнику, онъ грозно объявилъ: если тотъ къ разсвѣту не приведетъ колонну къ колодцамъ, то будетъ застрѣленъ какъ собака.

Проводникомъ былъ туркмень изъ-за Атрека; хотя онъ былъ извѣстенъ туркменамъ въ осѣдлыхъ приморскихъ аулахъ: Хасанъ-Кула и Мулла-Гурды, находившихся въ 15-ти верстахъ отъ Чикишляра, но Козловскій имѣлъ основаніе заподозрить его въ зломъ намѣреніи — погубить колонну въ безводной пустынѣ: онъ велъ ее по слишкомъ кружному пути, оправдываясь тѣмъ, что въ прямомъ направленіи будто существовали топки солончики. Плуть — какъ это впослѣдствіи подтвердилось — клялся, что чрезъ 6-ть часовъ времени онъ приведетъ къ водѣ. Увѣренія его, хотя были приняты съ крайней осторожностью, но тѣмъ не менѣе ободрили упавшихъ духомъ и силами людей.

Туркмену, между тѣмъ, было приказано ѣхать между Козловскимъ и его баталіоннымъ адъютантомъ, имѣвшими наготовѣ револьверы: позади ѣхалъ казакъ съ обнаженной шашкою. За этимъ кортежомъ, едва передвигая ноги, невесело двинулась въ сумерки колонна. Всѣ безсильные остались на мѣстѣ привала; изъ числа ихъ одинъ умеръ.

Не шутя припугнутый проводникъ въ этотъ разъ сдержалъ клятву: онъ привелъ колонну къ колодцамъ Таганклычъ ранѣе назначеннаго имъ времени. Кочевниковъ у колодцевъ не оказалось, но воды въ послѣднихъ, годной для питья, было достаточно. Всѣ въ колоннѣ, отъ начальника до послѣдняго рядового, благодарили Бога и за эту благодать, возвратившую имъ силы и бодрость.

Объ участи же остальныхъ, по причинѣ совершеннаго изнуренія людей и лошадей, не было возможности тотчасъ позаботиться; только къ 7-ми часамъ утра слѣ-

дующаго дня имъ была послана вѣсть о нахожденіи колонны у колодцевъ, въ 4-хъ часахъ ходьбы, съ приказаніемъ идти туда же.

Вѣстниками были посланы два рядовыхъ: имъ, для доставки воды жаждущимъ, были даны двѣ казачьи лошади и для указанія пути тотъ же самый проводникъ. Но посланные, прійдя на мѣсто вечерняго привала, крайне удивились, не найдя тамъ никого. Осмотрѣвъ тщательно кругомъ мѣстность, они увидѣли рукавъ солдатскаго плаща торчавшій въ песокъ. Заключивъ изъ этого, что всѣ ихъ товарищи ночью перебиты туркменами, зарывшими тѣла ихъ глубоко въ песокъ, они, для повѣрки своихъ догадокъ оставили лошадей и ружья, а сами занялись вытягиваніемъ зарытаго въ песокъ плаща. Въ это время недремавшій туркменъ ловко воспользовался ихъ оплошностью: быстро подхвативъ ружья и за поводья лошадей, онъ съ этой, легко доставшейся ему добычей, спокойно отправился за Атрекъ.

Бѣдные солдатики, по присущей русскимъ людямъ безпечности, такъ опростившіе, поохали, вдоволь про себя выбрались затѣмъ порѣшили немедленно вернуться къ колодцамъ и откровенно доложить начальству о случившейся съ ними оказіи и о томъ, что на мѣстѣ вечерняго привала они нашли только зарытые въ песокъ плащи. Вслѣдствіе этого доклада майоръ Козловскій, немѣвшій болѣе проводника и ненашедшій у Таганклыча туркменскихъ верблюдовъ, въ свою очередь благоразумно порѣшилъ, не теряя времени, возвратиться по кратчайшему направленію въ Чикишляръ, куда онъ благополучно прибылъ, при запасѣ воды на верховыхъ лошадяхъ, и тамъ засталъ уже всѣхъ своихъ отсталыхъ.

О бѣдствіяхъ, испытанныхъ послѣдними, ходили тогда же въ обществѣ глухіе толки, которые были подхвачены на зубокъ и нѣкоторыми нашими газетами, хотѣвшими кого-то обвинить, не зная сути дѣла... Едва ли кто былъ

тогда виновенъ въ этихъ бѣдствіяхъ, — тѣмъ менѣе начальникъ колонны, посланный въ первый разъ въ проклятую Богомъ пустыню, карты которой, сколько-нибудь вѣрной, тогда еще не существовало. Бѣдствія же были испытаны при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Послѣ ухода колонны съ привала, вечеромъ 27 Августа, отсталые предались покою. Сонъ и ночная прохлада, — довольно чувствительная въ Августѣ въ туркменскихъ степяхъ, — настолько подкрѣпили ихъ силы, что они на разсвѣтѣ, мучимые жаждой, стали рыть колодези штыками или просто руками; но дорылись только до горько-соленой грязи, почему бросили бесполезную работу.

Наконецъ, въ 9 часовъ утра 28 Августа, старшій офицеръ-прапорщикъ Жуковъ, потерявъ надежду на помощь или хотя на вѣсть изъ колонны, объявилъ, что онъ, опасаясь каждой минуты промедленія, рѣшился возвратиться въ Чикишляръ, для чего намѣренъ избрать путь на сѣверо-западъ. На вызовъ его; кто согласенъ ему сопутствовать, откликнулись 4 рядовыхъ и одинъ унтеръ-офицеръ *) изъ дворянъ. Прапорщикъ Алфимовъ съ остальными нижними чинами пожелалъ дождаться помощи на мѣстѣ; но и онъ, спустя часъ послѣ ухода Жукова, зарывъ по примѣру его плащи въ песокъ, повелъ команду по направленію къ сѣверу. Въ этомъ направленіи, верстахъ въ 12-ти, былъ видѣнъ высокій, бѣлый курганъ; къ нему-то собственно Алфимовъ и направился, въ надеждѣ, что, можетъ быть, найдетъ тамъ какую-нибудь воду. Эта надежда, основанная на одномъ предположеніи, не обманула его: тамъ дѣйствительно находился источникъ съ порядочной прѣсной водою, о существованіи котораго было умолчано проводникомъ и мирными туркменами. Источникъ этотъ, находящійся въ 16-ти верстахъ

*) Федоровъ, впоследствии подпоручикъ Тенгинскаго полка, который и передалъ мнѣ всѣ подробности объ испытанныхъ имъ и его товарищами бѣдствіяхъ.

отъ Чикишляра, уже въ послѣдствіи былъ нанесенъ на карту подъ названіемъ колодца „Бѣлый бугоръ“.

Но изъ всей команды, состоящей изъ 79 чел. нижнихъ чиновъ и одного офицера, только одному рядовому посчастливилось доползти до бугра: всѣ остальные, не дойдя до ней одной-двухъ верстъ, усѣяли это разстояніе своими тѣлами, подававшими признаки жизни лишь конвульсивными движеніями рукъ и ногъ. Это всегдашнее слѣдствіе слишкомъ сильной и долгой жажды въ зной.

Счастливый солдатикъ, достигшій до спасительнаго источника, по утоленіи жажды не позабылъ о своихъ погибавшихъ товарищахъ; но для спасенія ихъ ему была необходима какая нибудь посуда, которой при немъ не имѣлось. Но здѣсь пришла ему на умъ счастливая мысль — обратить въ ведра свои сапоги; онъ попробовалъ зачерпнуть воды, — опытъ удался, хотя и не совсѣмъ: одинъ сапогъ оказался съ большой течью. Но онъ и съ остальнымъ цѣлымъ прошелся нѣсколько разъ по пути, устланному умиравшими и, посредствомъ воды, набираемой въ сапогъ, возвратилъ къ жизни офицера и всѣхъ до одного своихъ товарищей.

Спасенная такимъ образомъ отъ смерти команда, послѣ утоленія жажды и достаточнаго отдыха у колодца, вечеромъ 28 Августа, уже безъ приключеній достигла Чикишляра, не бросивъ ни одного ружья.

Вслѣдствіе доклада офицера о направленіи, взятомъ партіей подъ командой прапорщика Жукова, ночью въ укрѣпленіи было пущено нѣсколько сигнальныхъ ракетъ: а утромъ слѣдующаго дня была послана, для спасенія остальныхъ погибавшихъ въ пустынь, при офицерѣ команда изъ 20 чел., имѣвшая съ собою запасную воду въ мѣхахъ, положенныхъ на спину порціоннаго вола.

Партія прапорщика Жукова, отправившаяся утромъ 28 Августа, по избранному имъ направленію, прошла въ тотъ день небольшое разстояніе: страшный зной и уста-

лость отъ ходьбы по пескамъ скоро заставили всѣхъ лечь. Снявъ съ себя бѣлье и обмотавъ имъ головы, для защиты отъ солнечнаго удара, они кое-какъ укрывали отъ припековъ свое обнаженное тѣло подъ навѣсомъ изъ исподней же одежды, повѣшенной на составленные ружья. Такъ пролежали они до вечера, а вечеромъ передъ заходомъ солнца, одѣлись и снова пошли по неизвѣстному пути, по звѣздамъ. Шли они цѣлую ночь; утромъ слѣдующаго дня наберли на обширную яму, съ грязью на днѣ. Думая, что то былъ когда-то колодезь, они влѣзли въ яму, бросили руками верхній слой грязи и съ радостью увидели воду; но, къ несчастію, она оказалась очень горькой и невозможной для питья. Тогда офицеру пришла мысль сдѣлать чай; въ карманѣ у него нашлось нѣсколько кусочковъ сахара и щепоть чаю; котелокъ и нѣсколько зажигательныхъ спичекъ нашлись у солдатъ, а сухаго бурьяну вблизи было вдоволь. Вскипятили воду, выжатую изъ грязи, заварили чай, но, несмотря на мучительную жажду, не могли выпить и по глотку отвратительной микстуры.

Послѣ этого несчастные путники прошли, а гдѣ и проползли, еще нѣкоторое разстояніе; наконецъ, въ полномъ изнеможеніи повалились на жгучій песокъ, укрывъ только головы подъ навѣсомъ изъ тряпья. Было уже 3 часа пополудни, а съ 10-ти часовъ утра они лежали какъ мертвецы. По обнаженному ихъ тѣлу ползали ядовитые гады, и никто изъ нихъ не обращалъ на нихъ вниманія; къ счастію еще, укушеній не было.

Потерявъ надежду на спасеніе, они ожидали молча безъ стоновъ и воздыханій, своего конца, да впрочемъ, и говорить они уже не могли: горло и языкъ у нихъ у всѣхъ были распухшіе. Наконецъ, кто-то изъ нихъ прервалъ гробовое молчаніе и съ трудомъ, сквозь зубы, пролепеталъ: „а мнѣ все сдается, что мы сегодня непременно будемъ спасены: сегодня царскій день, и вездѣ во всѣхъ

храмахъ было богослуженіе, и за насъ странствующихъ молились Богу“. Говорившій ошибся только въ числѣ: онъ говорилъ это не 30, а 29 Августа. Но только что онъ окончилъ свою косноязычную рѣчь, какъ вдругъ, въ сторонѣ, щелкнулъ ружейный выстрѣлъ, потомъ другой, третій. Эти выстрѣлы имѣли волшебное дѣйствіе на умиравшихъ: всѣ они, хотя не безъ крайняго усилія, поднялись на ноги, и у одного рядового хватило силы зарядить ружье, поднять его и сдѣлать одинъ вѣстрѣлъ, въ отвѣтъ на поданные сигналы.

Черезъ полчаса пришла на помощь къ погибающимъ команда, посланная изъ Чикишляра съ водою на быкѣ, за неимѣніемъ верблюдовъ. Но бѣдные страдальцы равнодушно смотрѣли на подносимую имъ братской рукой воду: отъ продолжительнаго неупотребленія ея у нихъ пропалъ позывъ на питье, притомъ, они не могли глотать распухшимъ горломъ. Тогда начальникъ команды, штабсъ-капитанъ Яновскій, влилъ каждому больному въ ротъ по чайной ложечкѣ спирту; это испытанное средство тотчасъ растворило горловой пищепріемный каналъ и позволило на питье воды. Послѣ подкрѣпленія силъ ею и размоченными въ ней сухарями, больные, получивъ запасную воду, пошли по указанному имъ направленію въ укрѣпленіе, бывшее верстахъ въ 10-ти. Яновскій же съ командою отправился къ мѣсту привала колонны, вечеромъ 27 Августа, — забрать солдатскіе плащи, зарытые въ песокъ. Онъ благополучно совершилъ это движеніе, но часть плащей уже была похищена туркменами.

Прапорщикъ Жуковъ, съ 5-ю нижними чинами, пришелъ въ Чикишляръ въ полночь на 30-е Августа. Вслѣдствіе чрезмѣрныхъ лишеній, превзошедшихъ лишенія, испытанныя колонною полковника Маркозова, во время движенія въ Хиву въ 1873 г., всѣ они съ горячкой поступили въ походный лазаретъ, откуда два изъ нихъ, рядовыхъ, не вышли.

Маіору Козловскому, послѣ возвращенія его изъ поиска, было поручено серьезно припугнуть, съ двумя ротами, приморскихъ мирныхъ туркменовъ, за расхищенные солдатскіе плащи и похищенные проводникомъ двѣ лошади и два ружья.

Арестованные аульные старшины, видя, что за нихъ взялись не шутя, клялись бородой Магомета и ѣли песокъ въ доказательство, что не знаютъ, кто похитилъ плащи, а лошади и ружья обѣщали доставить, если имъ будетъ позволено послать, для этого, за Атрекъ ихъ до-вѣренныхъ. Позволеніе было дано, и спустя нѣсколько дней лошади и ружья были возвращены.

Воспоминанія въ Чечнѣ.

Едва ли въ мірѣ есть другая страна, подобная Чечнѣ, гдѣ съ любого возвышенія на лѣвомъ берегу р. Сунжи можно, въ ясную погоду, простымъ глазомъ окинуть столько орошенныхъ кровью окрестностей, — окрестностей, гдѣ каждый кустъ, каждая рытина были свидѣтелями послѣдняго вздоха умиравшаго; гдѣ каждая поляна, каждый бродъ черезъ рѣчку, каждый входъ въ ущелье видѣли, въ продолженіе многихъ лѣтъ, за разъ сотни и тысячи смертей, парившихъ надъ долинами Сунжи и Аргуна... На эти видимыя окрестности, разбудившія въ пишущемъ воспоминанія, 20-я пѣх. дивизія, 20-я Артил. бригада и 3-й Стрѣлк. кав. баталіонъ, не должны глядѣть равнодушно, глядѣть безъ волненія: это все окрестности, бывшія мѣстомъ сцены длинной, непрерывной драмы, въ которомъ эти части войскъ такъ славно и съ такимъ героическимъ самоотверженіемъ выдержали выпавшую имъ трудную роль.

Куда не посмотришь, вездѣ видны широкія, теряющіяся вдали, просѣки, оттѣняющіяся теперь отъ вѣковыхъ

лѣсовъ, по вершинамъ горъ, яркой зеленою листвы; — это все слѣды гигантскихъ трудовъ, совершенныхъ въ стужу, въ слякоть, при различныхъ лишеніяхъ, преимущественно руками солдатъ 20-й дивизіи. Не мало ихъ при этомъ погибло, отъ оружія недремавшаго непріятеля, отъ упадка силъ, отъ неосторожности, во время паденія срубленныхъ громадныхъ деревьевъ.

Сколько кавказскій солдатъ, въ особенности пѣхотный, перенесъ при покореніи Кавказа въ полномъ смыслѣ горя; про то знаетъ только Богъ, да знали тѣ, которые видѣли это собственными глазами, но хранили объ этомъ глубокое молчаніе

Но воскресимъ въ памяти воспоминанія въ другомъ родѣ, для этого сначала станемъ лицомъ къ западу, къ долину бывшей Малой Чечни. Здѣсь, на рубежѣ Большой, въ 1844 г. было заложено ук. Воздвиженское. Оно есть памятникъ трудовъ 20-й дивизіи: полки ея съ боя взяли это мѣсто, на которомъ нынѣ, съ зачатками будущаго городка (каменной церковью, лавками и бульваромъ), мирно разрастается это укрѣпленіе, руками ихъ же воздвигнутое и ими охранявшееся до самаго окончанія Кавказской войны. Въ настоящее время собственно укрѣпленіе составляетъ, въ центрѣ посада, каменная, неправильной формы, цитадель съ башнями по угламъ. Посадъ же, на оффиціальномъ языкѣ, слыветъ подъ названіемъ Воздвиженской слободы, которой Высочайше дарована общественная земля, находящаяся въ пользованіи слишкомъ 120-ти отставныхъ семейныхъ солдатъ. Интеллигенцію этихъ новыхъ гражданъ составляютъ нѣсколько отставныхъ, семейныхъ же офицеровъ, имѣющихъ осѣдность.

За Воздвиженскимъ, въ 5-ти верстахъ далѣе, течетъ въ Сунжу ничтожная, съ грязной водою, рѣчка Гайта;

а сколько на берегахъ ея было перестрѣлокъ! — имъ нѣтъ счету... Ни разу здѣсь горцы не пропускали нашихъ колоннъ, не угостивъ непрощенныхъ гостей мѣткими пулями.

За Гайтой въ 10-ти верстахъ течетъ также въ Сунжу, рѣчка Мартанга: на ней въ 1848 г. полками 20-й дивизіи подъ ядрами непріятеля, стрѣлявшаго съ окрестныхъ лѣсистыхъ высотъ, было построено Урусъ—Мартангское укрѣпленіе, послѣ покоренія Кавказа упраздненное. На его мѣстѣ теперь самый большой въ Чечнѣ аулъ Урусъ-Мартанъ, имѣющій слишкомъ 1,500 дворовъ. Отсюда близко впадаетъ въ Мартангу маленькая Рошня, видѣвшая на берегахъ своихъ, въ 1852 г., смерть наказнаго атамана кавказскаго линейнаго казачьяго войска, генераль-маіора Крюковскаго, пылко занесшагося впередъ съ кавалеріей, въ дѣлѣ подъ начальствомъ князя Барятинскаго, бывшаго фельд-маршала. Уже тѣло храбраго атамана сдѣлалось, было, добычей непріятеля, но было отбито храбрыми куринцами.

Оттуда же, верстахъ въ 10-ти, такая же маленькая Гехинка бѣжитъ въ Сунжу; она даетъ названіе Гехинской полянѣ. Обширная поляна, окаймленная побѣгами молодого лѣса, — потомка нѣкогда древняго, вырубленнаго все также солдатами 20-й дивизіи, — славна не однимъ боемъ. Здѣсь въ 1850 г. драгоцѣнная жизнь покойнаго Государя Императора впервые подвергалась опасности: здѣсь Его Величество, бывши тогда Наслѣдникомъ престола, слѣдуя изъ укр. Воздвиженскаго съ куринцами и казаками, съ кавалеріей, во главѣ, стремительно атаковалъ опушку лѣса, изъ которой, стрѣляя, показался непріятель. На этой же самой полянѣ въ 1851 г. умеръ смертью храбрыхъ нашъ безсеребрянникъ — Слѣпцовъ, пораженный въ грудь выстрѣломъ съ дерева, когда тенгинцы и навагинцы шли на завалы.

За Гехинкой, верстахъ въ 5-ти, по красноглинистому глубокому руслу течетъ въ Ассу, пересыхая въ засуху,

памятный намъ Валерикъ. Не даромъ онъ по чеченски значить — рѣчка смерти; не даромъ онъ увѣковѣченъ глубоко-прочувствованнымъ стихотвореніемъ Лермонтова, видѣвшаго здѣсь въ 1840 г., упорный рукопашный бой съ 9-ю тысячами чеченцевъ, засѣвшихъ въ руслѣ, съ клятвой не пропустить русскихъ полковъ; въ числѣ ихъ были куринскій и кабардинскій.

Далѣе, верстахъ въ 23-хъ къ западу же, Асса съ шумомъ несетъ свои бѣлыя и постоянно холодныя воды въ тихотекущую и теплую Сунжу; а отсюда уже бѣлѣютъ всѣ старыя станицы бывшей Сунжинской линіи, и видно въ полѣ обширное кладбище ст. Слѣпцовой, съ скромнымъ памятникомъ на могилѣ Безсеребрянника. Здѣсь воспоминанія толпятся, перепутываются, — воспоминанія о цѣломъ рядѣ ночныхъ набѣговъ и отплатныхъ визитахъ мстительнаго врага. Здѣсь при видѣ ближайшаго, лѣсистаго хребта, изъ-за гребня котораго на горизонтѣ вдали, „въ чалмѣ и ризѣ парчевой“, выглядываетъ казбекъ, — въ памяти воскресаетъ нѣсколько туманныхъ, забытыхъ картинъ, изъ сценъ же прошлой войны. По этому хребту, давшему столбы и стѣны для воротъ Нестеровскаго и Бумутскаго ущелій, среди темнаго лѣса пролегаетъ узкая дорога. Въ 1847 г. она Слѣпцову служила путемъ для наказанія хищныхъ галашевцовъ, жившихъ за горою. Послѣ сожженія ихъ главнаго аула Аршты, наша колонна начала отступать по тому же самому пути; но на немъ уже были горцы въ построенныхъ завалахъ; взятіе ихъ спѣшенными сунженцами, шедшими въ авангардѣ, стоило храбрѣйшихъ казаковъ, въ рядахъ которыхъ самъ Слѣпцовъ рубилъ пашкою. При переходѣ же чрезъ балку арріергарда, подъ командою капитана Тенгинскаго полка Кушелева, — Геркулеса по тѣлосложенію и мужеству, — разъяренный непріятель, прорвавъ цѣпь, врубился въ арріергардъ. Командиръ роты, шедшей въ хвостѣ колонны, былъ убитъ; люди сгучились и въ безпорядкѣ тѣснились

на узкой дорогѣ; съ распростертыми руками, онъ загроживаетъ собою путь къ бѣгству; громовымъ голосомъ командуетъ „кругомъ“, вызываетъ людей въ цѣпь и, по возстановленіи порядка, приказываетъ медленно двигаться, а самъ идетъ послѣднимъ въ арріергардѣ.

Отсюда верстахъ въ 8-ми къ юго-востоку зіяютъ широкія ворота Бумутскаго ущелья. При видѣ ихъ припоминается другая картина: осенью 1849 года къ нимъ, какъ тать, подходилъ ночью маленькій отрядъ съ 2-мя горными орудіями, колеса которыхъ были обмотаны соломой. За порогомъ гигантскихъ воротъ, въ котловинѣ, усѣянной копнами сѣна, тихо лежали два часа тенгинцы и сунженцы, въ ожиданіи луны, бывшей въ ущербѣ. Тишину нарушали только хрустѣвшее въ зубахъ лошадей сѣно, да отдаленный лай собакъ въ непокорномъ аулѣ. Слѣпцовъ, перекрестясь, повалился въ буркѣ на сѣно, подкрѣпить сномъ силы передъ вторженіемъ по трудному пути въ горы, въ которыя чрезъ Бумутское ущелье онъ первый прошелъ.

На склонѣ лѣсистаго хребта, между названнымъ ущельемъ и верховьями Валерика, былъ большой аулъ Шалажи, населенный храбрѣйшими джигитами на Малой Чечнѣ. Только имъ — была молва — въ уваженіе ихъ дикой храбрости бывшій имамъ, не смотря на строгости шаріата, позволилъ куреніе табаку.—Не разъ подходили къ ихъ аулу наши отрядцы, но безъ успѣха и съ чувствительнымъ урономъ, и только весною въ 1851 г. плѣщцовъ добрался и до него, для чего была прорублена въ лѣсу на нѣсколько верстъ дорога. Но джигиты, устроивъ впереди аула крѣпкіе завалы, рѣшились въ нихъ защищаться. Тенгинцы взяли нѣсколько заваловъ, но сами должны были въ нихъ засѣсть, когда подкрѣпленный непріятель повелъ жаркую контръ-атаку. Вотъ начальникъ одной части, отстрѣливавшейся въ завалѣ, посылаетъ просить секурса. Начальникъ пѣхоты, подполковникъ

Кушелевъ, наблюдавшій подъ деревомъ, въ нѣкоторомъ разстояніи за ходомъ дѣла, выслушавъ посланнаго, сказалъ, обращаясь къ своему адъютанту: „что я могу послать, когда мы съ вами одни остались въ резервъ? иду въ секурсъ самъ“. Съ этими словами безстрашный Кушелевъ спокойно отправился къ угрожаемому пункту, отдѣленному небольшой поляной. Но секурсъ не дошелъ: пораженный изъ опушки лѣса залпомъ изъ нѣсколькихъ винтовокъ, онъ упалъ, — но умеръ спустя недѣлю, на рукахъ Слѣпцова, любившаго его какъ брата за неустрашимость и благородство души.

Отъ этихъ облитыхъ кровью окрестностей перенесемся на лѣвый берегъ Сунжи, на Грозненскую почтовую дорогу, къ курганамъ „Трехъ братьевъ“, отъ которыхъ вѣетъ старинной чеченской легендой, — перенесемся мимо сохранившихся валовъ давно упраздненнаго редута, въ которомъ, еще во времена Ермолова погибъ, при ночномъ нападеніи, баталіонъ Навагинскаго полка. Съ вершины высокихъ кургановъ глазамъ открывается величественная и неоглядная картина, съ колоссальными пейзажами. Горы на югѣ треснули и разступились глубокимъ ущельемъ, давъ путь быстрому Аргуну*), катящему свои мутныя воды по широкому руслу, съ живописными берегами.

У самыхъ воротъ ущелья, — въ которые только въ 1858 г. проникли полки 20-й дивизіи и за которыми все, что находится, было до того *terra incognita*, бѣлѣетъ подъ горою, на правомъ берегу рѣки, опрятный аулъ. Въ большомъ деревянномъ домикѣ, покрытомъ черепицей,

*) Аргунъ, наибольшій изъ притоковъ Сунжи и даже многоводнѣе послѣдней, образуется изъ Чанты-Аргуна и Шаро-Аргуна, сливающихся въ 7-ми верстахъ выше укр. Воздвиженскаго; въ первомъ преобладаетъ большое содержаніе извѣсти и сѣры, отчего вода въ немъ мутна и вредна; во второмъ, напротивъ, вода чистая и водится рыба которой въ Чанты-Аргунѣ нѣтъ.

живетъ, доживъ до глубокой старости, бывший наибъ Шамиля — Дуба, такъ храбро отстаивавшій Малую Чечню.

Отъ Аргунскихъ воротъ, охраняемыхъ небольшимъ каменнымъ редутомъ, идетъ вверхъ по ущелью хорошо разработанная колесная дорога, на 33 версты вверхъ. Въ настоящее время она оживлена двумя укрѣпленіями: Шатоевскимъ и Евдокимовскимъ, которыя, какъ и дорога, идущая далѣе, выючной тропой, къ перевалу въ долину Алазани, — также памятникъ трудовъ 20-й дивизіи.

Съ кургановъ „Трехъ братьевъ“, находящихся въ 10-ти верстахъ отъ г. Грознаго, открывается — повторяю — величественная панорама колоссальныхъ размѣровъ. Ее составляетъ тупоугольный треугольникъ, упирающійся тупымъ угломъ, на юго-востокъ, въ скалистый хребетъ Андій, а острыми углами, однимъ, на юго-западъ, въ Аргунское, другимъ, на сѣверо-востокъ, въ Ауховское ущелья. Ипотенузой ему служитъ широкая и уже одна общая долина Сунжи и Аргуна, начинающаяся противъ Аргунскихъ воротъ. Отъ точки наблюденія до скалистаго хребта, на которомъ покоится горизонтъ, по прямому направленію приблизительно около 100, а между острыми углами треугольника около 150 верстъ.

Громадный этотъ треугольникъ, начиная отъ праваго берега Аргуна, загромажденъ множествомъ горъ, сравнительно невысокихъ, но въ хаотическомъ безпорядкѣ выдвинутыхъ и покрытыхъ дремучимъ и еще почти дѣвственнымъ лѣсомъ, — исключая Аргуно — сунженской долины, зеленѣющей теперь только кустарникомъ на бывшихъ просѣкахъ. Этотъ-то треугольникъ въ Кавказской войнѣ имѣлъ великое значеніе: онъ вмѣщалъ территорію Большой Чечни и соплеменной съ нею Искерію. Туда-то полки 20-й дивизіи, въ особенности кабардинскій и куринскій, должны устремлять свои взоры, — тамъ искать знакомыхъ имъ мѣстъ, для пробужденія славныхъ воспоминаній...

Прямо на востокъ широкой пеленою чернѣетъ лѣсъ, подернутый синеватымъ паромъ, — это достопамятный Ичкеринскій лѣсъ. Въ немъ сильный отрядъ нашъ, поведенный въ 1841 г. къ Дарго невѣрнымъ проводникомъ, по неизвѣстному безводному пути, томился въ зной жаждой и; окруженный многочисленнымъ врагомъ былъ близокъ къ гибели; но кабардинскій и куринскій полки спасли тамъ честь русскаго оружія... Генералъ Граббе, выслушивая на барабанѣ донесенія, плакалъ въ томъ лѣсу, потому что въ немъ, отбивая орудія, уступленные непріятелю другими частями, большая половина людей храбрыхъ полковъ легла костями — „мертвые бо срама не имутъ“.

За этимъ лѣсомъ, къ юго-востоку, находится въ одномъ переходѣ обширная поляна, гдѣ на берегу Аксая, — былъ аулъ Дарго. На пепелищѣ его въ 1845 г. стоялъ нашъ главный чеченскій отрядъ, пробившійся изъ Сѣвернаго Дагестана чрезъ Андійскія *) ворота. Отрядъ, сильно утомленный трудными переходами, оставался на занятой позиціи 6 дней, въ ожиданіи вьючнаго транспорта съ жизненными и боевыми припасами, имѣвшаго прибыть изъ Шуры. Но когда колонна, посланная во временное ук. Гагатль, въ Андію, погибла вмѣстѣ съ храбрымъ генераломъ Пассекомъ, то главный нашъ отрядъ очутился въ безвыходномъ положеніи. Окруженный густыми толпами непріятеля, устроившаго завалы на всѣхъ возможныхъ къ отступленію путяхъ, онъ началъ, наконецъ, движеніе, придерживаясь лѣваго берега Аксая къ ук. Герзель-Аулу, чрезъ Ичкеринскій лѣсъ. Со скуднымъ запасомъ патроновъ и орудійныхъ зарядовъ, со множествомъ больныхъ и раненныхъ, 5 тысячъ тѣхъ и другихъ и столько же оставалось подъ ружьемъ, онъ не могъ дѣлать болѣе 3 —

*) Въ память этого событія въ Кавказскихъ полкахъ до сихъ поръ гремитъ Даргинскій маршъ.

4-хъ верстъ въ день, сражаясь среди лѣса съ препятствіями на каждомъ шагу.

Упавъ физически силами, войска отряда не упали духомъ: исхудалыя какъ тѣни, они съ непоколебимымъ мужествомъ дрались въ продолженіи 7-ми дней безпрерывно.

Въ эти дни трудныхъ испытаній особенная честь принадлежитъ храбрымъ кабардинцамъ. Офицеры этого полка, честно исполняя свой долгъ, умирали героями впереди своихъ частей. Другіе изъ нихъ, залитые кровью изъ полученныхъ ими ранъ, еще мечтали о славѣ своихъ знаменъ. Ротный командиръ Нейманъ, въ жаркой схваткѣ съ непріателемъ, былъ сильно раненъ впереди своей роты. Главнокомандующій, очевидецъ его храбрости, подошелъ къ раненному и спросилъ: какую онъ желаетъ получить награду. „Одного желаю“, отвѣчалъ этотъ офицеръ: — „скажите откровенно, Ваше С—во, какой полкъ храбрѣе—кабардинскій или куринскій?“ — „Кабардинскій“, сказалъ ласково, съ неизмѣнно доброй улыбкой, кн. Н. С. Воронцовъ.

Другой ротный командиръ этого полка, поручикъ Киселевъ, во время отступленія отряда отъ Дарго, спасъ самого главнокомандующаго отъ угрожавшей ему близкой опасности.

Случай этотъ, — о которомъ едва ли гдѣ было сказано печатно въ то время, но о которомъ я слышалъ отъ нѣсколькихъ участниковъ въ Даргинскомъ походѣ и, наконецъ, отъ самаго Г. Киселева, — произошелъ при слѣдующемъ обстоятельстве. Вслѣдствіе поспѣшнаго движенія головы колонны, она, не доходя версты полторы до аула Шахмаль-Берды, разорвалась въ лѣсу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ главнокомандующій шелъ пѣшкомъ безъ всякой случайной свиты и въ сопровожденіи одного только штабнаго офицера. Шагахъ въ 150-ти позади слѣдовалъ съ 3-й егерской ротою, у прикрытія орудій, Киселевъ.

Толпа горцевъ, чел. въ 50, бросилась съ гикомъ, съ правой стороны, въ образовавшійся въ колоннѣ интервалъ — и прямо устремилась на кн. Воронцова, который прислонясь спиной къ толстому дереву, уже, было, обнажилъ шашку для самозащиты. Въ это мгновенье Киселевъ, ни минуты не колеблясь — какъ ему поступить, имѣя на отвѣтственности сохраненіе орудій, скомандовалъ одному взводу своей роты — впередъ, бѣгомъ маршъ, и во главѣ его неустрашимо *) бросился на перерѣзъ непріятельской толпѣ, бывшей уже въ 30-ти шагахъ отъ главнокомандующаго. Непріятель, встрѣченный огнемъ и штыками, былъ во время остановленъ и отброшенъ въ глубину лѣса.

*) Г. Киселевъ, — раненый ветеранъ, въ чинѣ генераль-маіора въ отставкѣ, — показывалъ мнѣ, въ подтвержденіе правдивости своего разсказа, подлинное письмо отъ бывшаго его товарища по кабардинскому полку, отставнаго генераль-маіора фонъ Краузе, который незадолго до своей смерти писалъ къ нему изъ Смоленска, въ 1873 г., между прочимъ, слѣдующія, нелишенные интереса, строки.

„Письмо ваше напомнило мнѣ живо нашъ Даргинскій походъ и 11 іюля 1845 г., когда нашъ 1-й баталіонъ былъ посланъ кн. Воронцовымъ на выручку колонны генерала ф. Клюгенау. Меня и другихъ товарищей еще въ началѣ дѣла переранили. На долю же вашу досталось славное дѣло — пройти съ ротою чрезъ горный перешеекъ по трупамъ своихъ и непріятеля и пробраться въ арріергардъ ко 2-му нашему баталіону, который не имѣя уже патроновъ, отбивался штыками и камнями. Но появленіе ваше съ ротою, занявшею арріергардную цѣпь и осыпавшею пулями озадаченнаго непріятеля, сразу оправило дѣло и дало возможность 2-му баталіону запасться патронами съ убитыхъ и выйти на болѣе просторное мѣсто; причемъ и два горныя орудія, изъ числа брошенныхъ въ оврагъ, были вытащены и на людяхъ принесены въ лагерь. Вы же твердо и неустрашимо отступали, шагъ-за-шагомъ, въ арріергардной цѣпи. А помните ли, какъ при слѣдованіи отряда къ аулу Шахмалъ-Берды, нашъ взводъ съ вами, — когда въ колонну ворвались горцы, бросился, не пустилъ ихъ далѣе и обратно выбилъ въ лѣсъ, что лично видѣлъ кн. Воронцовъ и на каждого солдата далъ по 50 р. сер. Да мало-ли славныхъ дѣлъ было тогда у насъ, о которыхъ теперь никто и не знаетъ — только намъ они понятны.

Покойный кн. Воронцовъ, приказалъ адъютанту записать фамилію Киселева, при этомъ взволнованнымъ голосомъ сказалъ послѣднему: „я никогда васъ не забуду,— вы будете примѣрно награждены“. Всѣмъ же нижнимъ чинамъ во взводѣ, 48-ми чел., тамъ же, въ присутствіи своемъ, приказалъ выдать по 50-ти руб. сер. каждому.

Послѣ этого случая, едва нестоившаго жизни масти-тому вождю Кавказской арміи, храбрый генералъ Лабинцовъ, командовавшій арріергардомъ, сказалъ ему: „Вотъ тѣ страшные горцы, о которыхъ Ваше с—во, въ первые дни похода, изволили спрашивать:— „Гдѣ же они, эти страшные горцы?“

Не смотря на все это, не смотря на храбрость храбрѣйшихъ войскъ, отрядъ погибалъ: потому что патроны уже были на исходѣ, а солдаты и офицеры уже нѣсколько дней питались кониной и кое-какими растеніями. Но вдругъ спасъ его другой отрядъ, пришедшій форсированнымъ маршемъ на помощь. Онъ доставилъ ему боевые припасы, когда у него оставалось всего три картечныхъ заряда, берегшихся на самый крайній случай, — и помогъ ему выбраться изъ лѣса, ударивъ въ тылъ непріятелю. Какъ въ праздникъ Свѣтло-Христовъ Воскресенія чины обоихъ отрядовъ, близъ урочища Мискитъ 19 іюля, заключали другъ друга въ объятія и пришедшіе на выручку по-братски раздѣлили съ бѣдствовавшими сухари и все что имѣли.

Начальникъ секурсировавшаго отряда, генералъ Фрейтагъ, узнавъ о бѣдственномъ положеніи главнаго отряда, не теряя ни одной минуты на сборы, выступилъ изъ Грозной къ Герзель-Аулу, забравъ по пути слѣдованія въ свой маленькій отрядъ мелкія части и даже госпитальныя команды. Необыкновенная поспѣшность сборовъ и быстрота движенія по кружному пути дѣлають величайшую честь этому генералу, умершему во время Венгерской кампаніи. Узналъ же Фрейтагъ, бывшій въ то

время начальникомъ лѣваго фланга Кавказской линіи, о критическомъ положеніи главнаго отряда отъ юнкера Кабардинскаго полка Долотовскаго.

Еще въ то время, когда отрядъ стоялъ на Даргинской полянѣ, главнокомандующій тотчасъ послѣ катастрофы съ „сухарной экспедиціей“, предвидя бѣдствія и не находя ни за какія деньги лазутчиковъ, приказалъ вызвать охотниковъ, знавшихъ по чеченски и готовыхъ пробраться сквозь непріятельскія толпы и подать вѣсть генералу Фрейтагу о положеніи нашихъ войскъ въ Ичкеріи. Въ числѣ нѣсколькихъ вызвавшихся нижнихъ чиновъ былъ и Долотовскій. Только одному ему посчастливилось выполнить опасную миссію и подать во время спасительную вѣсть: всѣ его товарищи, ползкомъ выбравшіеся изъ бивуака ночью, пропали безъ вѣсти.

Покойный Долотовскій, убитый абреками въ 1861 г., въ чинѣ подполковника, такъ рассказывалъ *) объ отважномъ своемъ странствованіи по морю лѣсовъ, гдѣ, по словамъ его, онъ былъ на краю гибели. Доставъ у линейныхъ казаковъ, находившихся въ отрядѣ, полный джигитскій костюмъ, т. е. засаленный бешметъ, всю въ дырахъ черкеску, вытертую папаху, изношенныя чевяки и простой кинжалъ, — онъ счастливо проползъ между непріятельскими постами и потомъ уже смѣло прошелъ между толпами горцевъ. Шелъ онъ цѣлую ночь и только на разсвѣтѣ немного соснулъ въ чащѣ. По утру взобрался на дерево и, высмотрѣвъ направленіе куда идти далѣе, продолжалъ путь, не останавливаясь. Къ полудню онъ набрелъ на дорогу и пошелъ по ней. Вдругъ попадаетъ ему на встрѣчу, въ полномъ вооруженіи, горецъ. Измѣривъ странника подозрительнымъ взглядомъ, онъ спросилъ его по чеченски: откуда и куда онъ идетъ. Заподозрѣнный отвѣчалъ: изъ такого-то въ такой-то аулъ,

*) Разсказъ этотъ я слышалъ изъ устъ самаго Долотовскаго.

по своему дѣлу. — „Врагъ пришелъ въ нашу землю и ее разоряетъ, а ты ходишь такъ далеко по своимъ дѣламъ! да — и дорога твоя не здѣсь... пойдемъ-ка со мной къ наибу — онъ лучше разспросить, а теперь отдай-ка мнѣ свой кинжалъ“. Съ этими словами, не въ бровь, а въ глазъ сказанными коренастымъ чеченцемъ, онъ снялъ грошовый кинжалъ съ Долотовскаго. Послѣдній безусловно покорился страшному предложенію и рядомъ съ первымъ смиренно пошелъ по дорогѣ, неудачно избранной. Пройдя такъ нѣкоторое разстояніе, онъ не придумалъ ни одного отвѣта на могущіе послѣдовать со стороны наиба вопросы; да — и никакіе удачные отвѣты не спасли бы его уже, потому, что на бородѣ его были замѣтны слѣды бритвы, когда на головѣ ихъ не было. Вдругъ что-то въ лѣсу привлекло вниманіе неосторожнаго чеченца: онъ повернулъ голову въ сторону и сталъ прислушиваться. Въ это мгновеніе мысль о возможности спасенія вдругъ родилась въ умѣ Долотовскаго, — въ это же мгновеніе онъ выхватилъ у чеченца кинжалъ изъ ноженъ и ловкимъ дуаромъ въ грудь убилъ его на мѣстѣ. Послѣ этого не-пріятнаго случая онъ шелъ только ночью, и не по дорогѣ, а по лѣснымъ дебрямъ. На третій день странствованія онъ вышелъ противъ ук. Воздвиженскаго и явился воинскому начальнику. Получивъ верховую лошадь и конвой, онъ проскакалъ 24 версты въ Грозную и доложилъ Фрейтагу, зачѣмъ былъ посланъ.

Къ западу отъ Даргинской поляны, въ разстояніи одного дня ѣзды верхомъ, находится за р. Хулхулау, впадающей въ Сунжу, ук. Ведено, — не давно бывшая штабъ-квартира куринаскаго полка. Оно построено вблизи мѣста, гдѣ былъ аулъ этого же названія, въ которомъ была послѣдняя резиденція Шамиля, взятая нашими войсками приступомъ въ 1859 г., послѣ осады, продолжавшейся съ 12 февраля по 1-е апрѣля того года.

На прочно и правильно воздвигнутые валы, за которыми въ блиндажахъ упорно отсиживались послѣдніе мюриды, предоставлена была честь идти, въ головѣ штурмовыхъ колоннъ, 1-му баталіону Тенгинскаго полка и 3-му стрѣлковому, — что теперь 3-й Кавказскій стрѣлковый. За штурмъ эти баталіоны имѣютъ Георгіевскія знамена.

Ведено, гдѣ 25 лѣтъ назадъ существовалъ центръ, откуда распространялась религіозно-фанатическая пропаганда, противорѣчившая всякому прогрессу европейской цивилизаціи, — въ настоящее время, подобно Воздвиженскому, имѣетъ также задатки для будущаго городка. И здѣсь есть церковь, есть лавки съ бакалейными и красными товарами, есть бульваръ съ гуляющими на немъ дамами. Базаръ же здѣсь далеко лучше, чѣмъ въ Воздвиженскомъ, на который изъ окрестныхъ ауловъ является много чеченскихъ женщинъ съ живностью, масломъ и яйцами, которыхъ имъ негдѣ сбывать: такъ какъ Ведено отъ Воздвиженскаго въ 50-ти слишкомъ, а отъ Грознаго въ 60-ти верстахъ. Настоящіе его коренные жители одного и того же элемента что и въ Воздвиженскомъ: это нѣсколько человѣкъ заѣзжихъ купцовъ, нѣсколько отставныхъ *) офицеровъ и слишкомъ 100 дворовъ отставныхъ женатыхъ солдатъ, на всегда здѣсь поселившихся и занимающихся мелкими промыслами. Но эти первые колонизаторы на завоеванной ими почвѣ, по неимѣнію въ нагорной полосѣ свободныхъ земель, пользуются только небольшимъ выгономъ для пастбы скота.

*) Огромное большинство кавказскихъ офицеровъ, по выходѣ въ отставку, остается на Кавказѣ же. Отставные съ пенсіей занимаются кое-какимъ хозяйствомъ; вышедшіе же въ отставку, по существующей поговоркѣ — „пасти кузнециковъ“, нерѣдко перебиваются на счетъ служащихъ товарищей... Въ кавказской арміи еще не перевелись „Максимумы Максимычи“, готовые съ собратомъ въ бѣдѣ подѣлиться послѣднимъ рублемъ.

Верстахъ въ 26-ти къ западу отъ Ведено, у подошвы лѣсистаго хребта, отдѣляющаго Ичкерію отъ Чечни, въ 1852 г. былъ Талгиговъ-Аулъ. Лучшій наибъ Шамиля (онъ умеръ въ 1865 г.), управлявшій Большою Чечней и пользовавшійся уваженіемъ народа, жилъ въ своемъ аулѣ, гдѣ у него постоянно находились два полевыхъ орудія. — Вотъ, въ выше сказанномъ году, въ темные сумерки одного мартовскаго вечера, куринскій полкъ тихо и налегкахъ выступилъ изъ Воздвиженскаго укрѣпленія и, пройдя слишкомъ 20 верстъ, сдѣлалъ на разсвѣтѣ визитъ Талгику, вовсе неожидавшему гостей. Въ аулѣ произошелъ страшный переполохъ; хотя хозяинъ успѣлъ выбраться изъ сакли, но поплатился иллюминаціей въ своей резиденціи и своей артиллеріей, находившейся во дворѣ наиба подъ сараемъ, гдѣ ею и овладѣли куринцы послѣ рукопашной схватки. Пока горцы изъ окрестныхъ ауловъ собрались на тревогу, полкъ форсированнымъ маршемъ быстро отступилъ по опасной дорогѣ и благополучно возвратился въ штабъ-квартиру, съ небольшою потерей и взятыми у непріятеля орудіями.

Эти орудія, подаренныя покойнымъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ куринскому полку, составляютъ его собственность и, находясь у крыльца квартиры командира полка, краснорѣчиво говорятъ молодымъ солдатамъ о молодецкомъ подвигѣ ихъ храбрыхъ предшественниковъ.

На половинѣ дороги между Ведено и Грознымъ, на правомъ берегу Аргуна, находится обширнѣйшая и плодороднѣйшая въ Чечнѣ Шалинская поляна. Долго и энергично отстаивали чеченцы свою житницу, окруженную со всѣхъ сторонъ лѣсомъ. Когда же послѣ нѣсколькихъ зимнихъ экспедицій на ней аулъ Шали переселился поближе къ горамъ; но горцы, — по роспускѣ нашего отряда, зимою въ 1850 г., для удержанія за собой дорогого поля, дававшего обильный урожай кукурузы, рѣши-

лись на большія усилія и затраты непривычнаго для нихъ труда.

Съ этой цѣлью они предприняли серьезныя фортификаціонныя работы, которыми въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ постоянно были заняты тысячи рукъ: они загородили доступъ къ полянѣ глубокимъ и широкимъ рвомъ, имѣвшимъ не менѣе версты въ длину. По рву былъ насыпанъ валъ, увѣнчанный палисадомъ и охранявшійся постоянно гарнизономъ.

Объ этомъ сооруженіи горцевъ, исполненномъ подѣ личнымъ наблюденіемъ Тамика и извѣстномъ подѣ названіемъ Шалинскаго окопа, носились тогда преувеличенные слухи, какъ о неприступной твердынѣ. Но вдругъ, лѣтомъ того же 1850 г. въ одну прекрасную ночь у воротъ Воздвиженскаго укрѣпленія явился Слѣпцовъ съ своимъ Сунженскимъ полкомъ и потребовалъ 2 роты куринцевъ, вмѣсто 2-хъ ротъ Тенгинскаго полка, подхваченныхъ имъ на Сунжѣ и не могшихъ далѣе слѣдовать за конницей. Спустя нѣсколько часовъ, онъ съ этими силами внезапно атаковалъ твердыню Талгика. Непріятельскій гарнизонъ, приведенный въ ужасъ неожиданнымъ появленіемъ нашей кавалеріи и слѣдовавшей за нею бѣгомъ пѣхоты, успѣлъ сдѣлать только одинъ залпъ; но кавалерія, съ вождемъ своимъ впереди, быстро проскакала между флангомъ окопа и опушкой лѣса. Часть отрѣзаннаго гарнизона успѣла спастись бѣгствомъ въ лѣсъ; остальная была изрублена.

Славный подвигъ взятія Шалинскаго окопа, совершенной съ изумительной быстротой и отвагой, хотя не имѣлъ тогда рѣшительныхъ послѣдствій, но онъ показалъ горцамъ всю тщетность ихъ усилій удержать искусственными преградами неудержимую храбрость нашихъ войскъ.

Послѣ этого шалинская поляна, до окончанія Кавказской войны, не разъ посѣщалась нашими отрядами;

имѣвшими подѣ начальствомъ князя Барятинскаго, барона Врангеля и графа Евдокимова еще не одинъ жаркій споръ за обладаніе ею.

Наконецъ, въ 1864 г. на полянѣ этой разыгралась послѣдняя кровавая драма, когда послѣдователи зикристкаго ученія *) вздумали, съ политической цѣлью, открыто поднять знамя бунта. Въ январѣ мѣсяцѣ того года собрались вдругъ на полянѣ 3 тысячи вооруженныхъ зикристовъ; тщетно начальникъ отряда, генералъ-майоръ князь Тумановъ, посылалъ къ нимъ нѣсколько разъ преданныхъ нашему правительству людей — уговорить ихъ разойтись. Видя, что увѣщанія не дѣйствуютъ, а между тѣмъ враждебная толпа все увеличивается, онъ отдалъ приказаніе отряду, состоявшему изъ 7-ми баталіоновъ навагинскаго, куринскаго и кабардинскаго полковъ и одной батареи, отступить. Лишь только отрядъ началъ движеніе, какъ зикристы, надвинувъ папахи на глаза, съ бѣшенствомъ бросились на отступавшія войска; но картечь и залповой огонь баталіоновъ охладил пылъ иступленныхъ фанатиковъ, уже хватившихся руками за штыки. Около 500 тѣлъ убитыхъ и раненыхъ сектантовъ осталось на мѣстѣ схватки; остальные разсѣялись и на другой день сами прислали изъ среды своей депутатовъ съ повинною.

Теперь на Шалинской полянѣ, въ контрастъ слѣдовъ гигантскаго окопа горцевъ, мирно преуспѣваетъ въ земледѣльческомъ и промышленномъ развитіи богатый аулъ Шали, въ 1,500 дворовъ. Въ немъ есть постоянныя лавки съ красными и мелочными товарами, съ чаемъ и сахаромъ, и въ недѣлю разъ, по вторникамъ, становятся большіе базары, на которые пріѣзжаютъ изъ Воздвиженскаго, Грознаго и ближайшихъ станицъ,

*) Ученіе „Зикра“ придумалъ Мулла Кунта; оно тотъ же мирдизмъ только болѣе замаскированный въ молитву, постъ и покаяніе.

На очерченномъ мною треугольникѣ указаны только болѣе или менѣе извѣстныя мѣстности, на которыхъ происходили болѣе или менѣе замѣчательныя событія во время Кавказской войны; сколько же на территорію Большой Чечны, съ самаго начала войны, предпринималось экспедицій — зимнихъ, лѣтнихъ, для рубки лѣса, для уничтоженія хлѣбовъ и сѣна непокорныхъ, — сколько при этомъ происходило жаркихъ дѣлъ и маловажныхъ перестрѣлокъ, ихъ не перечислить, не привести къ итогу никакому исторіографу русскаго владычества на Кавказѣ! Во всѣхъ этихъ кровавыхъ дѣлахъ въ особенности постоянно участвовали 79 куринскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Павла Александровича и 80 кабардинскій фельдмаршала князя Барятинскаго пѣхотные полки, а также 78 пѣхотный Навагинскій полкъ. Кровью и потомъ этихъ полковъ, заслужившихъ здѣсь великую честь своимъ знаменамъ, буквально упитана чеченская земля.

77 же пѣхотный Тенгинскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича полкъ, при покореніи Чечни, потрудился, сравнительно, менѣе: передвинутый съ западнаго Кавказа на Восточный только вскорѣ послѣ Даргинскаго похода, онъ не былъ участникомъ не въ этомъ походѣ, ни въ кровопролитномъ дѣлѣ на Валерикѣ, ни въ Ичкеринскомъ лѣсу. Но этотъ полкъ — пользовавшійся благоволеніемъ еще Суворова и имѣющій отъ него, какъ знакъ этого благоволенія, икону Св. Автономъ, имъ свято хранимую, — ища на Кавказѣ мѣстностей для пробужденія гордыхъ воспоминаній, долженъ устремлять мысленные взоры на восточный берегъ Чернаго моря: на томъ берегу, не разъ обагренномъ его кровью, есть мѣста, которыя вѣчно будутъ свидѣтельствовать о его подвигахъ и трудахъ при покореніи Кавказа: тамъ еще можно видѣть мусоръ Михайловскаго укрѣпленія въ 1840 году трагически погибшаго, вмѣстѣ съ безъ

смертнымъ рядовымъ Архипомъ Осиповымъ, „во славу русскаго оружія“.

Посвятивъ нѣсколько бѣглыхъ страницъ мѣстамъ въ Чечнѣ, ознаменованнымъ подвигами славныхъ полковъ, принимавшихъ наибольшее участіе въ покореніи самаго воинственнаго племени Кавказа, въ заключеніе скажу нѣсколько строкъ и о покоренныхъ.

Чеченское племя принадлежитъ къ кореннымъ кавказскимъ племенамъ и говоритъ языкомъ, непонятнымъ кумыку и дагестанцу, говорящимъ татарскими нарѣчіями. Типъ этого племени равно отличенъ: между чеченцами много блондиновъ, а брюнеты не отличаются рѣзкими чертами, какими обыкновенно отличается азбатская раса. Малорослыхъ между ними можно встрѣтить рѣдко: всѣ они, по большей части, роста выше средняго.

У нихъ нѣтъ привилегированныхъ сословіи: нѣтъ князей и бековъ, какъ у кабардинцевъ, кумыковъ и дагестанскихъ народцевъ; за то каждый чеченецъ говоритъ: „Я уздень“. Но это не мѣшаетъ имъ ходить за сохой или возить дрова на базаръ, а женамъ ихъ съ открытымъ лицомъ, приносить туда же на продажу куръ. Въ этомъ отношеніи чеченскіе уздени ни сколько не подражаютъ неразумному обычаю кабардинскихъ узденій и осетинскихъ алдаръ, которые, когда прижметъ нужда, скорѣе отправляются на воровство, но ни за что не замараютъ на черной работѣ своихъ привилегированныхъ рукъ.

Всѣ чеченцы мусульмане сунитскаго толка — и, надо полагать, что никогда не были христіанами: въ Чечнѣ нѣтъ памятниковъ древняго христіанства. Этого, однако, нельзя сказать объ ихъ соплеменникахъ, живущихъ отъ нихъ къ западу: акинцахъ, галгаевцахъ и ингушахъ, которые бывъ издревле христіанами, еще очень недавно перешли въ магометанство.

Кабардинцы и кумыки говорятъ, что чеченцы были халопами ихъ предковъ; послѣдніе отвергаютъ это, — но

несомнѣнно то, что они кабардинскимъ и кумыкскимъ князьямъ когда-то платили дань; но данники въ концѣ концовъ прогнали своихъ вассаловъ и сдѣлались, такимъ образомъ, народомъ свободнымъ, безъ всякихъ сословныхъ кастъ. Такими они покорились русскому владѣтельству при Ермоловѣ, такими передались и подъ власть Шамиля, въ 1840 году.

Чеченцами населены округа: Чеченскій, Аргунскій, Ичкеринскій и часть Хасавъ-юртовскаго округа. По официальнымъ свѣдѣніямъ за 1868 годъ, всѣхъ чеченцевъ въ названныхъ округахъ считалось 120,395 душъ обоего пола; въ настоящее время, съ народившимся съ того времени и возвратившимся изъ Турціи, можно ихъ полагать за 150 т. душъ обоего пола.

Переселившіеся въ 1865 году въ Турцію на другой же годъ стали оттуда возвращаться. Съ тѣхъ поръ, съ началомъ каждой весны, оборванные и голодные толпы ихъ съ привязанными дѣтьми за спиною матерей, выходили до послѣдней нашей войны съ Турціей, проклиная свое легкомысліе, своихъ единовѣрцевъ турокъ, поселившихъ ихъ въ пустыняхъ Аравіи, и своихъ вліятельныхъ одноплеменниковъ, которыми были подстрекнуты на эмиграцію.

Возвратившихся на родину мѣстное начальство водворило въ аулахъ, гдѣ живутъ ихъ родственники. Возвратившіеся на родину снова успѣли поправиться и обзавестись необходимымъ хозяйствомъ. — Чеченцы вообще трудолюбивы и одарены практическимъ смысломъ. Въ послѣдніе годы они занялись хозяйствомъ и нѣкоторыми промыслами, главныя статьи которыхъ: хлѣбопашество, пчеловодство, вывозъ на продажу строевого лѣса и разведеніе табаку. Лучшіе сорта послѣдняго, сѣмена котораго принесены выходцами изъ Турціи, скупаютъ у нихъ мѣстные табачные фабриканты, армяне, и продаютъ за настоящій турецкій.

Зажиточные между ними начали обзаводиться домами и нѣкоторой обстановкой на русскій манеръ, а также и самоварами. Бѣдные, хотя лишены этой роскоши, но держутъ въ домѣ немножко чаю и сахару — чтобы, при случаѣ, угостить русскаго кунака. Сближенію ихъ съ русскимъ населеніемъ помогаютъ базары въ Грозномъ и большихъ торговыхъ аулахъ — Урусъ-Мартанскомъ и Шалинскомъ. Болѣе зажиточные, торгующіе въ этихъ пунктахъ, въ послѣднее время сами стали ѣздить за товарами въ Нижній-Новгородъ.

Такой замѣтный толчокъ въ ихъ образѣ жизни, стремленіе къ благосостоянію ясно говорятъ о начавшемся поворотѣ въ ихъ дикихъ нравахъ. Рельсы Ростово-Владикавказской желѣзной дороги, проведенія которой по Сунжѣ и они ждуть нетерпѣливо, должны окончательно приковать ихъ къ Россіи. Этому уже едва ли помѣшаетъ ихъ прежнее тяготѣніе къ Турціи, въ которой они горько разочаровались.

Къ характеристическимъ чертамъ этого храбраго народа слѣдуетъ отнести: гостепріимство, замѣчательную чистоту и опрятность въ жилищахъ и солидную, безъ чванства гордость.

При разговорѣ объ общей воинской повинности, о которой имъ давно извѣстно, они прежде всего задаютъ вопросы: „А князь служить? а купецъ служить?“ На отвѣтъ въ положительномъ смыслѣ они говорятъ: „Это хорошо, ей-богу хорошо! А жалованье Царь даетъ? — даетъ, отвѣтишь. „А чушка не будутъ давать кушай?“ -- не будутъ. „Это хорошо, ей-богу хорошо! можно служить“, снова скажутъ съ важностью.

Общая воинская повинность, насколько она ихъ можетъ коснуться, многихъ изъ нихъ больше всего, кажется, пугаетъ чушкой, къ которой они, какъ мусульмане крѣпкаго закала, питаютъ отвращеніе. До какой степени оно въ нихъ сильно, можно судить по поджогу въ Атагин-

скомъ аулѣ новенькой мечети, — только потому, что русскіе рабочіе, при побѣленіи стѣнъ извѣстью, употребили для этого щетки изъ свинной щетины.

Что будетъ впереди, предсказать невозможно; но, судя по настоящему благосостоянію чеченцевъ, которымъ они очень дорожатъ, позволительно думать, что они — когда настанетъ время — также станутъ въ народные ряды, для защиты ихъ новаго отечества, искренно открывающаго имъ пути къ мирному развитію и лучшему будущему. Во время минувшей войны съ Турціей, въ Чечнѣ не было возстанія подобнаго въ Дагестанѣ, и вообще массы чеченцевъ держали себя благоразумно.

Открытіе памятника во Владикавказѣ *).

22 Октября 1881 г. во Владикавказѣ былъ открытъ памятникъ, незнатнаго и простого рода героямъ: штабсъ-капитану черноморскаго линейнаго № 5 баталіона, Ни-

*) Памятникъ этотъ — не тотъ, модель котораго Высочайше была утверждена покойнымъ Государемъ Императоромъ Александромъ II и изображеніе котораго уже было въ нѣкоторыхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Въмѣсто того, по неизвѣстнымъ обществу причинамъ отмѣненнаго, поставленный по другой модели изображаетъ собою слѣдующее:

На постаментѣ изъ краснаго гранита поставлена тумба, изъ сѣросіянаго мрамора, вышиною въ 2 и шириною въ 1½ арш. На ней утверждена, изъ такого же мрамора, четырехъ угольная усѣченная пирамида, увѣнчанная на верху бронзовымъ, вызолоченнымъ орломъ, держащимъ въ обращенномъ на западѣ клювѣ лавровый вѣнокъ. На тумбѣ высѣчены надписи; въ царствованіе какого Государя памятникъ поставленъ, кому онъ поставленъ и слова приказа, отданнаго по военному вѣдомству въ 1840 г. о подвигѣ самоотверженія Осипова: „погибъ во славу русскаго оружія“, и проч. Въ углубленіи на сторонѣ пирамиды, обращенной къ бульвару, вставлена въ вызолоченномъ окладѣ икона св. Николая, патрона роты, къ которой принадлежалъ герой-солдатъ. Вокругъ памятника къ столбикамъ прикрѣплены цѣпи, изъ снѣзаныхъ ручныхъ гранатъ; а въ сторонѣ бульвара же и около него утверждены на чугунныхъ столбахъ два фонаря.

колаю Лико, и рядовому 77 пѣхотнаго Тенгинскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Александровича полка, Архипу Осипову, погибшимъ во славу русскаго оружія въ Михайловскомъ укрѣпленіи, на восточномъ берегу Чернаго моря.

Открытіе памятника, поставленнаго на площади противъ военнаго училища, происходило въ 12 часовъ дня, при пушечныхъ выстрѣлахъ, въ присутствіи начальствующихъ лицъ, огромной публики и расположенныхъ въ городѣ войскъ.

Послѣ панихиды по убіеннымъ на полѣ брани героямъ, провозглашенія многолѣтія Государю Императору, царствующему дому и всему россійскому воинству, памятникъ былъ соборне освященъ мѣстнымъ епископомъ. Послѣ сего старшій военный начальникъ, генералъ Овиновъ, поздравилъ войска съ его открытіемъ, на что они отвѣтили троекратнымъ громкимъ „ура“. Затѣмъ, генераломъ была роздана всѣмъ бывшимъ въ народѣ частямъ войскъ, на помять о торжествѣ, пѣсня о геройскомъ подвигѣ Осипова, красиво на большихъ листахъ для этого напечатанная.

Монументъ армейскому офицеру и простому рядовому, предназначенный увѣковѣчить мужество и вѣрность своему долгу одного и геройскій подвигъ самоотверженія другого, есть въ сущности памятникъ всей русской арміи, нынѣ поставленный въ лицѣ выдающихся изъ ея рядовъ героевъ, — арміи, усѣявшей костями своихъ офицеровъ и солдатъ громадныя территоріи въ двухъ частяхъ свѣта, мужественно и самоотверженно переносившей всевозможные труды и лишенія. Поэтому-то онъ долженъ быть для нея особенно дорогъ, какъ и для всѣхъ любящихъ Россію, обязанную своимъ внѣшнимъ величіемъ наиболѣе геройскому духу ея войскъ... Поставленный на средства по подпискѣ, шедшей съ замѣчательной быстротой, онъ этимъ самъ говоритъ о своемъ значеніи.

Мысль объ этомъ памятникѣ въ первый разъ возникла въ средѣ нижнихъ чиновъ Тенгинскаго полка, приблизительно въ 1872 году. Въ то время, между солдатами, ознакомившимися въ подробностяхъ съ подвигомъ Архипа Осипова, чрезъ введенную приказаніемъ по полку пѣсню во всѣ роты, былъ такой говоръ: генераламъ, министрамъ и многимъ инымъ поставлены памятники, а Архипу Осипову за такой подвигъ, какой онъ совершилъ, нѣтъ ничего.

Это сѣтованіе, дошедшее до свѣдѣнія бывшаго начальника 20 пѣх. дивизіи, генераль-лейтенанта Геймана, подало ему, какъ имѣю основаніе думать, первый поводъ къ его просьбѣ о поставленіи памятника.

Покойный генераль въ рапортѣ своемъ бывшему августѣйшему главно-командующему кавказской арміей умолчалъ объ этомъ фактѣ, не находя удобнымъ дѣлать изъ него прецедентъ для ходатайствованія. Но тѣмъ не менѣе, онъ приводилъ другіе вѣскіе доводы, почему было бы достойно и въ нравственномъ смыслѣ полезно поставить памятникъ Осипову и вмѣстѣ начальнику гарнизона Михайловскаго укрѣпленія, штабсъ-капитану Лико павшему съ братомъ своимъ подпоручикомъ и другими подчиненными ему офицерами, при честномъ и мужественномъ исполненіи воинскаго долга.

Ниже приведенный рапортъ генерала Геймана—на напечатаніе котораго въ той редакціи, въ какой онъ былъ начерно написанъ въ 1874 г., я имѣю авторское право — познакомить читателя и съ тѣми высокими побужденіями, которыя вдохновили защитниковъ Милайловскаго укрѣпл. на геройскую его оборону, происшедшую 22 Марта 1840 г., — въ царствованіе Императора Николая I, въ командованіе Тенгинскимъ полкомъ полковника Хлюпина и 9-ю мушкетерскаго (нынѣ 12-ю) ротою, — въ которой Осиповъ былъ правофланговымъ рядовымъ — подпоручика Краусгольда, погибшаго съ ротою при защитѣ главнаго бастіона.

„Между цѣлымъ рядомъ забытыхъ, но славныхъ подвиговъ, совершенныхъ въ длинный періодъ кавказской войны старыми полками 20-й дивизіи, нѣтъ сомнѣнія, подвигъ самоотверженія рядового 77 пѣхотнаго Тенгинскаго Его Императорскаго Высочества Великаго князя Алексія Александровича полка, Архипа Осипова по героизму и обстоятельствамъ, при которыхъ онъ былъ совершенъ, не имѣетъ равнаго себѣ ни въ нашей, ни въ иностранныхъ арміяхъ.

Пораженный моральнымъ значеніемъ побудительныхъ причинъ геройскаго самоотверженія, я 29 Іюня минувшаго года (1873 г.) публично высказалъ мысль, что подвигъ Осипова былъ бы достойно почтить сооруженіемъ памятника, и что объ осуществленіи этой мысли я имѣю въ виду просить сочувственнаго ходатайства Вашего Императорскаго Высочества.

Преданіе о подвигѣ его и гибели Михайловскаго укрѣпленія, живущія въ Тенгинскомъ полку, — помимо сжатыхъ свѣдѣній въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 8 Ноября 1840 г. за № 79, — можно резюмировать такъ: По взятіи горцами, въ началѣ весны того года, нашихъ укрѣпленій на восточномъ берегу Чернаго моря: форта Лазарева и Вельяминовскаго, воинственный непріятель въ числѣ болѣе 11-ти тысячъ, имѣя въ замыслѣ уничтожить нашу береговую линію, дерзко устремился на укрѣпленіе Михайловское.

Малочисленный его гарнизонъ изъ 3-хъ ротъ: тенгинской, навагинской и линейной, еще съ осени 1839 г., вслѣдствіе климатическихъ условій, сильно ослабленный болѣзнями, не могъ выполнять своего назначенія, поставленный совершенно въ изолированное положеніе. Но во главѣ его стоялъ высокаго боеваго закала офицеръ штабсъ-капитанъ Лико, командиръ роты Черноморскаго линейнаго № 5 баталіона.

Узнавъ черезъ лазутчиковъ о взятіи двухъ названныхъ укрѣпленій и намѣреніи непріятеля напасть съ большими силами на ввѣренное ему, онъ къ сохраненію его выказалъ необыкновенную дѣятельность: углубилъ его рвы, перерѣзалъ его для лучшей защиты новымъ рвомъ, построилъ внутри завалы и вооружилъ всѣхъ нетрудно больныхъ.

Не ожидая же ни откуда помощи, онъ, незадолго до нападенія, открыто объявилъ гарнизону о твердо-принятой имъ рѣшимости — отразить врага или погибнуть подъ развалинами укрѣпленія, но не посрамить постыдной его сдачею чести русскаго оружія. Напомнивъ при этомъ нижнимъ чинамъ о святости присяги не щадить живота за Государя и выгоды отечества, равно объ ихъ обѣщаніи начальнику береговой линіи, генералъ-лейтенанту Раевскому, стоять твердо при нападеніи горцевъ, — онъ предложилъ взорвать пороховой погребъ, если непріятель одолѣетъ защитниковъ укрѣпленія.

Рѣчь его и рассказы нашихъ моряковъ во время десанта на враждебный берегъ о томъ, какъ храбрый командиръ брига „Меркурій“ капитанъ-лейтенантъ Козарскій, атакованный въ 1829 году двумя турецкими линейными кораблями, порѣшилъ, въ случаѣ неустойки, сдѣлаться съ однимъ изъ нихъ и поднять бригъ на воздухъ, — запали электрической искрой въ душу солдатъ, и они на геройское рѣшеніе начальника укрѣпленія единодушно откликнулись готовностью умереть съ оружіемъ въ рукахъ; а рядовой Осиповъ вызвался взорвать пороховой погребъ.

Чины гарнизона, получивъ, отъ бывшаго въ укрѣпленіи іеромонаха благословленіе на славную смерть, въ ожиданіи врага приготовились къ ней: многіе изъ нихъ исповѣдовались и одѣлись въ чистое бѣлье и новые мундиры.

Съ разсвѣтомъ 22 Марта 1840 г. непріятель облегоу укрѣпленіе и, неся лѣсницы, повелъ атаку; къ полудню, послѣ нѣсколькихъ отбитыхъ приступовъ, онъ овладѣлъ валами. И въ то время, когда храбрый Лико палъ съ большинствомъ офицеровъ въ жестокой рукопашной свалкѣ, и только слабая горсть защитниковъ отступила въ заваль, Осиповъ мужественно совершилъ свой подвигъ, прося передъ тѣмъ товарищей объ одномъ „помнить его дѣло, если кто-либо изъ нихъ останется въ живыхъ“.

Взрывъ большого порохового погреба, хранившаго значительный запасъ и артиллерійскихъ снарядовъ, превратилъ въ руину маленькое укрѣпленіе и сдѣлалъ его могилой головной толпы вторгнувшагося непріятеля.

Спустя нѣкоторое время послѣ катастрофы, вслѣдствіе распространившихся слуховъ о взятіи горцами береговыхъ укрѣпленій, къ мѣстамъ кроваваго происшествія было послано изъ Анапы нѣсколько морскихъ военныхъ судовъ. Но мертвыя тѣла, покрывавшія разрушенныя валы Михайловскаго укрѣпленія, не дали отвѣта нашимъ морякамъ о настоящей причинѣ взрыва; а изъ картины смерти и разрушенія, представившейся ихъ изумленнымъ взорамъ, они не могли тогда понять, что она изображала ничто иное какъ высокое подражаніе рѣшимости экипажа брига „Меркурій“ въ 1829 году.

Геройскому гарнизону славнаго павшаго укрѣпленія не суждено было выйти иначе изъ безвыходнаго положенія, какъ вышелъ изъ него, по счастливому случаю, геройскій экипажъ брига.

Причина взрыва порохового склада сдѣлалась извѣстной только по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, когда выбѣжали изъ горъ рядовые 9-ой мушкетерской роты Тенгинскаго полка Іосифъ Мирославскій, Ефимъ Ивановъ и Тимофѣй Дегтеревъ, взятые въ числѣ немногихъ въ

плѣнъ, они первые при слѣдствіи ее объяснили и передали завѣтъ Осипова.

Для увѣковѣченія его подвига былъ отданъ военнымъ министерствомъ выше означенный приказъ; по смыслу приказа онъ числится правофланговымъ въ первой ротѣ своего полка; сверхъ того, въ прошлое царствованіе подвигъ его далъ пищу перу драматурга и кисти художника.

При отданіи приказа, при написаніи драмы и картины, конечно, прежде всего имѣлась въ принципѣ нравственная цѣль. Но достигается ли она увѣковѣченіемъ въ такихъ формахъ? патріотическая драма — оперетка, нѣкогда дававшаяся на нашихъ столичныхъ театрахъ, вычеркнута, по устарѣлости, изъ репертуара поставляемыхъ теперь на сцену пьесъ: картины съ изображеніемъ его подвига, красующіяся въ немногихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, говорятъ только дробному до минимума проценту офицеровъ въ нашихъ армейскихъ войскахъ; отданный для всѣхъ отдѣльныхъ частей войскъ о подвигѣ его приказъ похороненъ въ архивахъ; самый вызовъ его изъ фронта сдѣланъ былъ въ первый разъ только въ 1868 году, лично Его Императорскимъ Высочествомъ шефомъ Тенгинскаго полка. Вслѣдствіе всего этого, съ теченіемъ времени, подвигъ Осипова до такой степени былъ забытъ, что только немногіе офицеры въ полку знали о немъ, но о подробностяхъ его хранили глубокое молчаніе, не желая, чтобы ихъ рассказъ былъ названъ сказочнымъ вымысломъ. И только съ назначеніемъ Его Императорскаго Высочества шефомъ Тенгинскаго полка славный подвигъ его былъ нѣсколько возстановленъ въ памяти читающей военной среды: высоко значущія слова Его Высочества, сказанныя на смотрѣ Тенгинцамъ, побудили нѣкоторыхъ офицеровъ описать все, что имъ было извѣстно о неоцѣненномъ подвигѣ. Но пройдутъ еще десятки лѣтъ — и эти послѣднія о немъ сказанія постигнетъ участь первыхъ.

Совсѣмъ иное памятникъ: онъ доступенъ для всѣхъ, говоритъ всѣмъ и каждому понятно и краснорѣчиво, и немногія его слова врѣзаются въ память на всю жизнь.

Памятникъ, поставленный въ прошлое же царствованіе въ Севастополѣ, для увѣковѣченія геройской рѣшимости Козарскаго, не запечатлѣлся ли, съ его словами, глубоко въ сердцахъ всѣхъ чиновъ Черноморскаго флота блистательнымъ мужествомъ, во время страшной борьбы посреди развалинъ Севастополя? Не сказался ли онъ посредственно, но всецѣло, тѣмъ же мужествомъ и долгомъ воинской чести михайловскому гарнизону, погребшему себя подъ развалинами ввѣреннаго его защитѣ поста? Памятникъ, поставленный въ царствованіе Наполеона I, въ честь мужества „перваго французскаго гренадера“, Латуръ-д'Оверня, заколотаго австрійскимъ уланомъ и послѣ смерти зачисленнаго въ ряды старой наполеоновской гвардіи, несомнѣнно вліялъ на духъ того славнаго войска, несдававшагося въ плѣнъ.

Въ силу таковыхъ соображеній мною и была, въ минувшемъ году, высказана мысль о поставленіи по подпискѣ памятника Осипову. Къ мысли объ этомъ, тогда же опубликованной въ нашихъ военныхъ органахъ, сочувственно отнесся военный кружокъ во Владикавказѣ. Нынѣ это сочувствіе подаетъ мнѣ надежду думать, что къ мысли моей отнесутся столь же сочувственно, и всѣ въ русской арміи, и въ русскомъ обществѣ, кому дороги геройскіе подвиги нашихъ храбрыхъ солдатъ.

Нынѣ, какъ начальникъ дивизіи, къ рядамъ которой номинально принадлежитъ рядовой Архипъ Осиповъ, во имя высокихъ началъ его геройскаго подвига, имѣю счастье всепреданнѣйше просить ходатайства Вашего Императорскаго Высочества о Высочайшемъ соизволеніи Государя Императора на разрѣшеніе dobroхотной подписки на памятникъ „погибшему во славу русскаго оружія въ

Михайловскомъ укрѣпленіи“; равно о Высочайшемъ утвержденіи подписки, на этотъ предметъ состоявшейся на полковомъ праздникѣ случайно, въ порывѣ патріотическихъ чувствъ.

Независимо отъ этого имѣю честь доложить Вашему Высочеству о слѣдующихъ соображеніяхъ: я совершенно раздѣляю мысли, выраженные по этому предмету въ № 165 „Русскаго Инвалида —“ за прошлый 1873 годъ и въ октябрьской книжкѣ „Журнала для чтенія солдатъ“, того-же года: „что было бы справедливо памятникъ поставить вмѣстѣ рядовому Осипову и храброму начальнику Михайловскаго гарнизона, штабсъ-капитану Лико, вызвавшему Осипова на подвигъ и павшему при защитѣ валовъ; такой памятникъ, изъ группы двухъ фигуръ, олицетворялъ бы собою идею высокаго самоотверженія и непоколебимой вѣрности своему долгу нашей славной арміи и, наконецъ, такой памятникъ, поставленный не на мусорѣ погибшаго укрѣпленія, но въ одномъ изъ многочислѣнныхъ центровъ въ имперіи, говорилъ бы наибольшимъ массамъ нашихъ молодыхъ, малограмотныхъ солдатъ и массамъ неграмотныхъ крестьянъ о рѣдкомъ въ военныхъ лѣтописяхъ событіи и связанномъ съ нимъ подвигѣ, по справедливому выраженію августѣйшаго шефа Тенгинскаго полка „—навѣки безсмертнымъ въ рядахъ русской арміи“.

Статья эта была напечатана въ „Владикавказскомъ листкѣ объявл.“ отъ 22 Октября 1881 г.

Н е с в я т о ч н ы й р а з с к а з ъ .

Выйдя послѣ службы на Кавказѣ въ отставку, я поселился на покой вблизи широкаго, глубокаго Днѣпра и не очень далеко отъ прибрежнаго уѣзднаго города.

Разъ какъ то былъ я въ этомъ городѣ, и покончивъ свои дѣла, отправился вечеромъ, убить свободное время,

къ новому моему знакомому, — тоже отставному военному, — жившему недалеко отъ гостиницы, въ которой я остановился. Отправляясь къ нему, по пѣшему хожденію, я надѣлъ подъ шинель черкесскую шашку.

Встрѣтя меня въ передней, онъ удивился, что на мнѣ шашка, и спрашиваетъ смѣясь „это зачѣмъ у насъ— въ мирной Малороссіи“? — по старой кавказской привычкѣ, отвѣчаю: безъ оружія — шагу никуда въ ночное время. Притомъ же вашъ городъ одинъ изъ разбойничьихъ; давно ли, — говорю, — у васъ такъ называемые халамидники совершили два убійства среди бѣлаго дня, — одно на улицѣ, другое на конной площади?

„—Вѣрочка! Вѣрочка!... къ намъ пришелъ давно желанный гость, — да еще въ какомъ смертоносномъ оружіи... выйди посмотри!...“

Вѣра Константиновна, молодая, наивная дама, недолго заставила себя ожидать и выйдя въ гостиную, послѣ перваго привѣтствія, вмѣстѣ съ мужемъ стали разсматривать великолѣпную мою шашку, оправленную въ серебро подъ чернь.

— Да, это дѣйствительное оружіе! — говоритъ добрый мой знакомый, бывшій гусаръ, слушая серебряный звукъ искусно выкованнаго булатнаго клинка, спрашиваетъ: — „а скажите откровенно, случилось ли вамъ во время вашей долгой службы на Кавказѣ, рубнуть этой шашкой черкеса или турка“?

— Поистинѣ говоря, не случилось, но въ минуты большой опасности, приходилось дважды обнажить шашку для самозащиты.

— „Это должно быть очень интересно; расскажите, расскажите, какъ это было, — вы доставите намъ большое удовольствіе“, — обратились ко мнѣ съ просьбой Вѣра Константиновна и мужъ ея. „Но это длинная исторія, мой рассказъ васъ только утомитъ“—Нѣтъ! нѣтъ!—

мы васъ будемъ слушать со вниманіемъ; вы такъ хорошо говорите“!

Нечего было дѣлать, я согласился, наконецъ исполнить просьбу любезныхъ хозяйки, и хозяина, и послѣ чаю и неизбѣжной въ Малороссіи закуски, рассказалъ — безъ описанія красотъ и картинъ природы, — этотъ бывшій со мной случай и связанные съ нимъ два случая не со мной.

Да, я служилъ на Кавказѣ долго: съ первыхъ офицерскихъ чиновъ. Въ 1850 году, въ чинѣ подпоручика, я служилъ въ одномъ изъ старыхъ Кавказскихъ полковъ. 4-й баталіонъ этого полка, въ которомъ я былъ младшимъ офицеромъ, осенью того года, передъ зимней экспедиціей въ горы стоялъ на тѣсныхъ квартирахъ въ станицѣ Михайловской, на передовой Сунженской линіи, начальникомъ которой въ то время былъ уже и тогда съ громкимъ именемъ — Слѣпцовъ.

Во второй половинѣ ноября мы, въ ожиданіи приказа выступить въ походъ, были всякій часъ, какъ говорится на чеку. Помню, въ одинъ туманный съ изморозью день, когда дороги покрываются гололедицей, вдругъ неожиданно нежданно получилъ я предписаніе такого рода: „немедленно съ полученіемъ сего отправиться совмѣстно съ баталіоннымъ лѣкаремъ Торсуговичемъ въ укрѣпленіе Заканъ-Юртовское, для присутствованія за депутата при вскрытіи тѣла скоропостижно умершаго фельдфебеля...го пѣхотнаго полка и проч.

Прочитавъ предписаніе, съ надписью на конвертѣ „весьма экстренное“, я посмотрѣлъ на часы—былъ ровно часъ дня, а до Заканъ-Юрта считалось 20 верстъ. А потому ефрейтору, принесшему мнѣ предписаніе и имѣвшему особый запечатанный конвертъ, для врученія баталіонному медику, я приказалъ какъ можно скорѣе идти къ нему на квартиру, а деньщику моему — сѣдлать лошадь. Не тотчасъ удалось мнѣ и ефрейтору разыскать

въ большой станицѣ нашего эскулапа, онъ въ это время рѣзлся въ грошовый преферансъ у одного изъ нашихъ ротныхъ командировъ. На силу убѣдилъ я его раздѣлить затянувшуюся пульку, и то лишь — когда рѣшительно заявилъ, что въ противномъ случаѣ я уѣду одинъ, такъ какъ путь не близокъ, дорога къ вечеру по линіи опасна, а быть въ укрѣпленіи надо сегодня.

Когда мы выѣхали за станичныя ворота, было около трехъ часовъ пополудни. Мы пустили нашихъ лошадей сразу крупной рысью. Дорога, какъ стекломъ, была покрыта гололедицей; сверху моросилъ не то мельчайшій дождь, не то туманъ. Горячій карабахъ мой, подкованный на азіятскія и сильно стертые подковы, то и дѣло скользилъ.

Дорога наша лежала по лѣвому, безлѣсному берегу Сунжи, по правой сторонѣ рѣки, у самаго берега тянулся густой лѣсъ. Уже вечерѣло, когда мы проскакали версты три за постовое казачье укрѣпленіе съ вышкой, бывшее какъ разъ на половинѣ пути между станицей и Заканъ-Юртовскимъ укрѣпленіемъ, въ которомъ въ горнизонѣ стояли двѣ роты не нашего полка.

Вотъ, мы молча ѣдемъ и все поглядываемъ направо на лѣсъ. Вдругъ видимъ: два горца показались изъ-за опушки лѣса, и шибко погнали лошадей вбродъ черезъ не широкую рѣку и прямо къ намъ. Докторъ въ ужасѣ воскликнулъ: „ахъ Богъ мой! да это непременно абреки“! ... хлеснулъ коня своего нагайкой и поскакалъ во всю прыть.

Сообразивъ, что мы далеко не такъ вооружены какъ два погнавшіеся за нами горца, я то же послѣдовалъ примѣру доктора. Проскакавъ такимъ образомъ съ версту, я оглянулся назадъ и увидѣлъ: одинъ чеченецъ былъ отъ насъ саженьяхъ въ восьмидесяти, другой подальше, и, стоя у своей лошади, поправлялъ сѣдло — вѣроятно у него что нибудь оборвалось. Въ это время мы прибли-

зились къ небольшой балочкѣ, черезъ которую шла дорога, докторъ проскакалъ ее благополучно; но мой скакунъ, на подковахъ безъ шиповъ, какъ на салазкахъ скользнулъ и грохнулся, у противоположнаго подъема; грудью и мордой въ крови о мерзлую землю. Къ счастью, я выпрыгнулъ изъ сѣдла безъ ушиба, схватилъ коня подъ уздцы и всего дрожащаго вывелъ изъ балки. Но садится на него снова и снова удирать было уже поздно, — одинъ чеченецъ спускался уже въ балочку, другой отставшій, садился на коня.

Я выхватилъ изъ кобуры нарѣзной одноствольный пистолетъ, а изъ ноженъ до половины шашку и держа крѣпко лѣвою рукой лошадь подъ уздцы, а въ правой пистолетъ, сталъ я съ лошадыю поворачиваться лицомъ къ врагу, наровившему заѣхать мнѣ въ тылъ. Не большого роста горецъ, съ звѣрской рожей въ старой въ дырахъ чухахъ и рыжей буркѣ, подскочилъ ко мнѣ на пистолетный выстрѣлъ и ломанымъ русскимъ языкомъ сказалъ: „апицеръ дай лоша, не дай — мая будетъ трѣлай“... При этомъ требованіи оборванца, вдругъ чувство страха смѣнилось чувствомъ бѣшеной злобы, и я почувствовалъ будто у меня въ груди что-то загорѣлось... Я громко на него крикнулъ: гайда, гайда, байгушъ! но байгушъ не испугался моего грознаго крика — онъ выхватилъ изъ-за пояса свой длинный пистолетъ и спустилъ курокъ... Напрасно я уклонилъ голову за шею лошади, кремневый пистолетъ въ сырую погоду далъ осѣчку...

— Благодареніе Богу, подумалъ я: — еще Господь милостивъ ко мнѣ, — и въ свою очередь взвелъ курокъ пистолета, на второй взводъ и прицѣлился во врага; но онъ далъ коню нагайку и, отскочивъ шаговъ на сто, сталъ кричать что то по чеченски въ сторону своего товарища, скакавшаго къ балкѣ. Въ это самое мгновеніе, когда видя приближеніе другого врага, я уже рѣшилъ въ умѣ бросить поводья и, съ шашкой въ одной рукѣ,

и пистолетомъ въ другой, не отдаваться живымъ въ руки хищниковъ, — вдругъ, изъ-за возвышенія впереди показались быстро несущихся пять всадниковъ: то былъ докторъ и четыре казака съ ближайшаго пикета. Я былъ спасенъ; а абреки во всю прыть ударились къ рѣкѣ и, переправясь вбродъ, скрылись въ лѣсу.

Казацій пикетъ былъ за пригоркомъ, не далѣе версты разстоянія отъ мѣста, гдѣ я былъ атакованъ. Докторъ, прискакалъ на пикетъ, заявилъ о погонѣ за нами абрековъ и о томъ, что я, по неизвѣстной ему причинѣ, отсталъ. Вслѣдствіе его заявленія, казаки тотчасъ вскочили на своихъ коней, всегда осѣдланныхъ, и вмѣстѣ съ докторомъ помчались выручать меня и въ самую пору.

Настали уже совсѣмъ сумерки, и ночныя тѣни все гуще и чернѣй ложились на окрестности, когда мы съ казаками, съѣзжавшими на ночь съ пикета, подъѣхали къ воротамъ укрѣпленія, въ окнахъ казармы котораго уже свѣтились огни.

Старшій ротный командиръ и вмѣстѣ воинскій начальникъ укрѣпленія, капитанъ Кузловъ, которому мы, сойдя съ коней, прямо явились, принялъ насъ съ обычнымъ старокавказскимъ радушіемъ и оставилъ пока у себя; а вскрытіе тѣла скоропостижно умершаго назначилъ на завтра.

Вскорѣ за нами къ почтенному, подъ сѣдиной капитану пришли другой ротный командиръ, штабсъ-капитанъ Завирскій и прапорщикъ Сѣнинъ, а за ними и старшина Заканъ-Юртовскаго аула, извѣстный въ то время храбрецъ между мирными чеченцами, офицеръ милиціи—Садула. Затѣмъ, не замедлили явиться — на одномъ столѣ самоваръ со всѣми принадлежностями, а на другомъ закуска и бутылки.

За чаемъ капитанъ Кузловъ, съ которымъ я былъ прежде немного знакомъ, нѣсколько разъ на меня пристально взглянулъ, наконецъ, спросилъ: „здоровы ли вы?

вы что-то блѣдны или, какъ будто, разстроены“?... Отъ взора стараго кавказца, бывшаго, вѣроятно, не разъ въ подобныхъ передрягахъ, не укрылось, видно, душевное мое состояніе отъ только что испытанныхъ сильныхъ ощущеній. Но прежде, чѣмъ я собрался съ духомъ отвѣчать на заданный мнѣ вопросъ, эскулапъ нашъ поспѣшилъ успокоить капитана, на счетъ моего здоровья, и рассказать о вѣроятной причинѣ моей блѣдной и вытянутой фізіономіи. Бѣглый рассказъ доктора я, за стаканомъ чая, дополнилъ подробностями о бывшемъ сомноу эпизодѣ.

„Значить, вы подпоручикъ, сначала отдали дань трусу, а когда опомнясь увидѣли, что дѣло совсѣмъ дрянъ, сами захотѣли крови врага. Оно въ подобныхъ случаяхъ почти со всѣми такъ бываетъ. Только не хорошо то, что вы лошадь вашу въ такую позднюю пору года не куετε на подковы съ шипами. А вамъ, докторъ совѣтую впредь тотчасъ дѣлать пульку, если вы еще когда нибудь получите, за префѣрансомъ, предписаніе немедленно отправиться на службу... Вѣдь, здѣсь не матушка Россія и пускаться за двадцать верстъ въ дорогу въ глубокую осень, въ три часа дня, безъ конвоя, и не съ такимъ оружіемъ какъ у васъ, господа, — увѣряю, весьма опасно!... Вотъ не далеко ходить за примѣромъ:—вашъ товарищъ по полку, подпоручикъ Крашевскій, — капитанъ обратился ко мнѣ, — „всего два мѣсяца назадъ какъ погибъ, уѣхавши впередъ оказіи“. А все почему? авось кривая вывезетъ... понадѣялся на добраго коня и вострую шашку... Да, немало таки за мою здѣсь службу погибло ни за понюхъ табачку новичковъ на Кавказѣ... одинъ, другой разъ сойдетъ, а въ третій смотришь — попалъ рискать, въ недобрый часъ, какъ куръ во щи“?!

Послѣ закуски, изъ азіятскаго сыру и дичи, запитой бурдючнымъ кахетинскимъ, капитанъ вытеръ сал-

феткой свои большіе, съ просѣдью, усы и возобновилъ бесѣду на прежнюю тему. „Ну милѣйшій товарищъ, — обратился онъ къ штабсъ-капитану Завирскому, — хоть вы и отличный стрѣлокъ, и говорите, что горцы, если не дать имъ повода на охотниковъ зря не нападаютъ, но смотрите какъ бы вамъ, въ одинъ прекрасный день, не поплатиться за вашъ рискъ... не далѣе какъ вчера: признаюсь, я былъ въ большомъ за васъ безпокойствѣ... Хоть я вамъ и очень благодаренъ за вашу превосходную козлятину и кабанину, безъ которыхъ, право, не чѣмъ было бы угостить нашихъ жданныхъ гостей, но все таки я васъ прошу не заходите впередъ слишкомъ далеко въ лѣсъ, съ какимъ нибудь десяткомъ стрѣлковъ какъ это вы сдѣлали вчера. Я же какъ воинскій начальникъ отвѣтственъ передъ Богомъ и высшимъ начальствомъ за всѣхъ здѣсь, въ укрѣпленіи. Кстати, пришлось къ слову: расскажите, какъ это вы, когда то на охотѣ, нарѣзались чуть ли не на полдесятка краснаго звѣря и всѣхъ—слышалъ я — уложили изъ вашей двухстволки. Объ этомъ необыкновенномъ случаѣ было-бы пріятно слушать отъ васъ самихъ“.

Штабсъ-капитанъ Завирскій, отпивъ изъ стакана кахетинскаго, на минуту задумался и скромно отвѣтилъ:

— Въ бывшемъ со мною на охотѣ случаѣ особенно необыкновеннаго не много: сначала я почувствовалъ холодъ, какъ въ лихорадкѣ, потомъ бросило въ жаръ, и когда увидѣлъ, что звѣрь кинулся, чтобы уничтожить меня, я самъ сдѣлался звѣремъ и уложилъ одного за другимъ, — но не полдесятка, а всего троихъ. — „Напротивъ, это весьма необыкновенный, рѣдкій случай — справиться одному съ тремя горцами, да еще въ лѣсу. Вы только не скромничайте, — возразилъ капитанъ, — а расскажите подробно, при какихъ именно обстоятельствахъ посчастливилось вамъ совершить вашъ храбрый подвигъ“.

— Сколько могу припомнить, вотъ при какихъ: около трехъ лѣтъ тому назадъ, когда я служилъ въ другомъ полку, двѣ наши роты стояли въ редутѣ на Гойтѣ. Скука была смертельная, оказія не часто ходила въ Грозную, маркитантъ у насъ былъ совсѣмъ плохой и питаться было почти нечѣмъ. Вотъ, мы давай промышлять за дичью; козъ, кабановъ, оленей вблизи укрѣпленія было чего больше. Однажды съ утренней зарей, въ одинъ прекрасный октябрьскій день, сговорившись еще наканунѣ, отправились мы — я и два моихъ товарища — въ лѣсъ, на лѣвый берегъ Гойты; у насъ было двѣ гончихъ собаки, да взяли мы съ собой человѣкъ двадцать лучшихъ стрѣлковъ, изъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Верстахъ въ четырехъ отъ редута, на длинной, но не очень широкой полянѣ, покрытой еще сочной, съ осенними цвѣтами травой, собаки наши подняли нѣсколько козъ и двухъ оленей. Я шелъ на правомъ флангѣ облавы дугой, и одинъ изъ поднятыхъ оленей, ударясь вправо. въ лѣсъ, набѣжалъ подъ мой выстрѣлъ. Я пустилъ ему, съ разстоянія какихъ-нибудь сто двадцати шаговъ, три крупныхъ картечины въ правый бокъ, но, видно, картечь была не по его шкурѣ: онъ только подпрыгнулъ и вмигъ юркнулъ въ чащу. Зарядивъ пустой стволъ двустволки пулей, я бѣгомъ почти пошелъ по кровавому слѣду звѣря, думая: авось, поистекетъ кровью и скоро упадетъ. Слѣдъ вывелъ меня на тропинку, мнѣ знакомую; она вела на другую поляну; недалѣе версты разстоянія отъ первой. На право тянулся глубокій, поросшій непроходимой чащей, оврагъ, на днѣ котораго бѣжалъ ручей; налѣво по крутому ко-согору, какъ стѣна, высился густой, молодой лѣсъ, съ претолстыми кое-гдѣ по мѣстамъ чинарами, пощаженными черезъ толщину свою топоромъ нашего отряда, давно дѣлавшаго тамъ просѣку.

Тропа была такъ узка, что не вездѣ могли бы идти рядомъ два человѣка; вѣтви съ одной и другой сторонъ

безпрестанно цѣплялись и хлестали по головѣ и лицу. Прошелъ я такъ съ четверть версты, какъ вдругъ, выйдя за крутой поворотъ тропы влѣво, вижу: пробираются по ней, на встрѣчу мнѣ, три здоровенныхъ чеченца; ростомъ не менѣе Садулы. Винтовки у всѣхъ безъ чохловъ и въ рукахъ; и передній изъ нихъ, не болѣе какъ въ 15-ти шагахъ отъ меня на минуту остановился и — взвелъ курокъ... морозъ пошелъ у меня по спинѣ... я тоже остановился, но, въ тотъ же мигъ, сообразилъ, что дѣлать: я быстро повернулъ назадъ, за поворотъ тропы, и, прислонясь лѣвой грудью къ росшему у самой тропинки старому чинару, взвелъ у двустволки моей курки... лишь только успѣлъ я это сдѣлать, какъ изъ-за поворота показались, двигаясь гуськомъ, чеченцы... Переднему, державшему наготовѣ винтовку и бывшему въ шести шагахъ отъ меня, я влѣпилъ пулю въ грудь на повалъ, другому за нимъ, изъ второго ствола; хватилъ крупной картечью тоже въ грудь и наповалъ. Третій, поменьше ростомъ и уже не молодой, не выдержалъ и показалъ тылъ. Но я, прійдя въ азартъ и потерявъ всякое человѣческое чувство, какъ хищный звѣрь, бросился за нимъ... догналъ и изрубилъ его шашкой... Лишь только я пришелъ въ себя и зарядилъ двухстволку, ротный мой командиръ съ тремя стрѣлками, появился на мѣстѣ происшествія, залитомъ кровью враговъ, хотѣвшихъ моей крови... И чтожъ вы думаете? — жалъ мнѣ стало вдругъ убитыхъ мною горцевъ,—такъ жалъ, какъ будто я лишилъ жизни добрыхъ людей!.. — Жалъ было также и подстрѣленного мною оленя, который, можетъ быть, недалеко отъ рокового мѣста достался въ добычу орлу, или хищному звѣрю, но ротный командиръ, прибѣжавшій на два мои выстрѣла, не согласился идти дальше; только, по просьбѣ прибѣжавшихъ съ нимъ стрѣлковъ, онъ позволилъ имъ снять съ убитыхъ оружіе, впрочемъ, грошовое. Я же, на память объ этомъ случаѣ, снялъ съ перваго мною убитаго шашку

съ порядочнымъ стариннымъ клинкомъ, которая и теперь у меня хранится. — „Ну, а родственники убитыхъ взяли „камлы“ съ васъ, въ укрѣпленіи, т. е. кровь за кровь“, — спросилъ штабсъ-капитанъ Садула — какъ не взяли? взяли! — сказалъ онъ: — сначала мы долгое время не ходили на охоту, а потомъ стали ходить, но въ противоположную сторону отъ немирнаго аула, изъ котораго были мною убиты, и притомъ, ходили очень осторожно и недалеко. Но мѣсяца черезъ полтора, все-таки у насъ подстрѣлили двухъ солдатиковъ, у самыхъ почти воротъ редута, — одного на смерть, другого ранили. А спустя еще нѣкоторое время, убили на дорогѣ приказчика нашего маркитанта, армяшку, ѣхавшаго верхомъ въ Грозную, и уѣхавшаго нѣсколько впередъ оказіи. На этомъ „камлы“ и кончилось.

„Изъ этого вашего разсказа, — замѣтилъ капитанъ, — я убѣждаюсь въ ошибочности мнѣнія, что горцы не нападаютъ на нашихъ охотниковъ, и еще убѣждаюсь, по крайней мѣрѣ въ двадцатый разъ, въ томъ — въ той истинѣ, что нѣтъ такого храбреца, который при внезапной, неожиданной опасности, — когда смерть передъ вами во очію, а другая стоитъ за плечами; — хотя на одну минуту не струсилъ бы“.

— Наши немирные чеченцы на русскихъ охотниковъ, на открытомъ мѣстѣ, не нападаютъ, — они ихъ всегда обходятъ, — возразилъ Садула; — эти же, которыхъ уложилъ Завирскій, повстрѣчавшись съ нимъ на узкой тропѣ не могли его обойти, и какъ ихъ было трое, то они не задумались очистить себѣ дорогу отъ одного. А что до того, что и храбрые люди иной разъ, въ недобрый часъ, робѣютъ — это правда.

„Значить: и ты, нашъ храбрѣйшій джигитъ, также поклонился „трусѣ?... Значить, я въ послѣднемъ убѣжденіи не ошибся?“ — снова началъ капитанъ обращаясь къ Садулѣ. „Гдѣ же и когда это съ тобою случилось?“

Не тогда ли, когда былъ еще не мирнымъ? не въ схваткѣ ли съ нашими линейцами?“ — Когда я былъ немирнымъ, не помню, чтобъ когда-либо въ дѣлѣ съ русскими я сробѣлъ... нѣтъ! Аллахъ свидѣтель — этого со мной не случилось! хотъ случалось бывать въ схваткахъ — не разъ, не два — горячихъ!... но, признаюсь вамъ, разъ въ жизни моей я все же струсилъ — да такъ крѣпко, что былъ болѣнъ... Да, я струсилъ — только не русскихъ и не живыхъ людей: — я струсилъ шайтановъ“.

Такъ говорилъ Садула, мужчина лѣтъ пятидесяти, высокаго роста, съ мужественными чертами лица и глубокимъ рубцомъ на лѣвой щекѣ, — съ двумя офицерскими орденами на широкой груди и четыремя серебряными и золотыми медалями, съ надписью „за храбрость“.

— О, да это прелюбопытно! пожалуйста расскажите, гдѣ и какъ вы видѣли шайтановъ, и что они вамъ? — почти въ одинъ голосъ воскликнули мы, обращаясь съ просьбою къ храбрецу..

„Погодите, погодите, господа“, — сказалъ капитанъ: — „чтобъ кто-нибудь изъ насъ не струсилъ чертовщины, про которую расскажетъ намъ Садула; надо прежде для храбрости выпить кахетинскаго, а ты, кунакъ, какъ не вкушаешь винограднаго, выпей-ка рому или очищенной“.

Предложеніе хозяина было принято, и Садула, разглаживая рукой свою, съ просѣдью, бороду, началъ свой рассказъ такъ:

— 26 лѣтъ тому назадъ, когда я былъ немирнымъ, жили мы, т. е., мать моя, меньшой братъ мой и еще меньшая сестра, здѣсь же, въ Малой Чечнѣ, у самыхъ черныхъ горъ. Вотъ, разъ покойная мать моя говорила: „Садула! тебѣ, надо взять жену: тебѣ уже больше 20-ти лѣтъ, а я состарѣлась, стала хворать, иной разъ мнѣ въ немоготу спечь вамъ и чуреки. Знаю у насъ нѣтъ подходящихъ для тебя невѣстъ — аулъ нашъ небольшой. Ты

поѣзжай-ка въ Большую Чечню, въ аулъ Герменчукъ, къ двоюродному моему брату Траму. Аулъ тотъ большой, дѣвокъ въ немъ не мало, да и калымъ тамъ не такой, какъ у насъ. И меня покойный отецъ твой взялъ оттуда же“.

— Я послушался совѣта матери и, помню, въ одинъ ясный осенній день осѣдлалъ моего иноходца, и поѣхалъ въ Герменчукъ, до котораго отъ нашего аула былъ день ѣзды. Вечеромъ того же дня я уже сидѣлъ въ кунакской моего двоюроднаго дяди. Передавъ поклонъ отъ моей матери, я объявилъ, по какому дѣлу пріѣхалъ къ нему въ гости. Выслушавъ меня, онъ сказалъ: „Завтра я пойду — поразвѣдаю, если благословить Аллахъ, ты найдешь у насъ то, за чѣмъ пріѣхалъ. А теперь поужинай и отдохни съ дороги!“

Благодаря старанію моего, давно покойнаго, дяди, я засваталъ въ Герменчукъ дочь узденя Темира, родственника жены дяди Трама. Прогостилъ я у нихъ два дня; просятъ еще остаться погостить. — Нѣтъ, говорю, благодарствую за угощеніе! — надо ѣхать домой: приготовить ко дню свадьбы калымъ и обрадовать мать добрымъ извѣстіемъ. Отдавъ будущему моему тестю всѣ бывшія со мною деньги, въ число условленнаго калыма, я на третій день, послѣ ранняго обѣда, отправился обратно домой.

Отѣхавъ я отъ Герменчука такъ съ четверть пути разстоянія, какъ смотрю — погода хочетъ перемениться. Задулъ вѣтеръ, тучи откуда не возмись — набѣжали и закрыли впереди горы. Я прибавилъ ходу коню. За Ханкольскомъ ущельемъ, что противъ Грозной, пошелъ мелкій дождь. Проѣхалъ я подъ нимъ, накинувъ на себя бурку и башлыкъ, уже полпути разстоянія отъ Герменчука до нашего аула, но въ лѣсу, что противъ Алханъ-Юртовскаго теперь поста — гдѣ прежде были за Сунжей Алдинскіе хутора, — застигла меня ночь. Я сбился съ

дороги и сталъ плутать среди большого лѣса. Ёду уже тихо, не зная самъ куда, между толстыми чинарами, листь съ которыхъ тогда совсѣмъ еще не опалъ. Навострилъ я уши и вглядываюсь въ темъ, но напрасно; только гдѣ-то далеко были шакалы, да чуть виднѣлись по сторонамъ чинары, и вѣтеръ шумѣлъ по ихъ верхушкамъ.

Плуталъ я такъ часа три, если не больше, по лѣсу, ища все дорогу; наконецъ, выбрался на небольшую поляну. Гляжу: вправо отъ меня мелькаетъ огонекъ, я поворотилъ прямо на него. Ёду осторожно, подъѣзжаю ближе и вижу это огонекъ свѣтитъ черезъ круглое оконце въ саклѣ; передъ нею чернѣетъ вбитый въ землю столбъ, какъ обыкновенно это дѣлается у чеченцевъ для привязыванія лошадей пріѣзжимъ въ гости. Подъѣзжаю уже совсѣмъ близко — слышу: въ саклѣ топотъ — танцуютъ лезгинку, и бренчитъ балалайка, да такъ хорошо, что я, какъ самъ былъ не послѣднимъ балалаечникомъ, просто заслушался, сидя на конѣ! — Э! думаю: это наши... должно быть русскіе еще не всѣ пожгли хутора въ Алдахъ. Слѣзъ я съ коня, привязалъ его къ столбу, а самъ направился къ дверямъ сакли. Покрутилъ деревянную завертку — дверь, не запертая изнутри, отворилась. Изъ сѣней вхожу налѣво въ большую кунакскую — она полна народу и больше все молодыхъ женщинъ и дѣвокъ; мужчинъ только трое, а четвертый, не молодой, съ бородой какъ у козла, сидитъ на корточкахъ и играетъ на балалайкѣ; остальные хлопаютъ въ ладоши танцующимъ въ кругу ихъ лезгинку.

Переступивъ порогъ, говорю обычный „селямъ“, прошу извиненія, что будучи непрошеннымъ и незнакомымъ, беспокою своимъ посѣщеніемъ ихъ компанію, что я, возвращаясь домой, сбился съ дороги и заблудился въ лѣсу. На „селямъ“ мой отвѣчаютъ, по чеченскому обычаю, также „селямомъ“ и говорятъ „а! — Садула!..

просимъ пожаловать, — добро пожаловать!.. очень, очень тебѣ рады... ты, можетъ, насъ не знаешь, да мы знаемъ тебя хорошо, — и какъ не знать тебя, перваго джигита во всей Малой Чечнѣ! Будь нашимъ дорогимъ гостемъ, повеселись съ нами!“

Тутъ, одинъ изъ молодыхъ мужчинъ просить моего позволенія снять оружіе. Я говорю, что спѣшу домой и зашелъ къ нимъ въ саклю только попросить — указать мнѣ дорогу.

„Не отговаривайся, не церемонься, Садула! Будь у насъ какъ свой; знай — ты попалъ къ намъ на вечеринку, на свадьбу: дочь моя выходитъ замужъ, — говоритъ одна изъ женщинъ, повидимому, хозяйка въ саклѣ. — Въ самомъ дѣлѣ, думаю, пережду дождь, и когда мѣсяцъ взойдетъ, поѣду. При этомъ, снялъ я съ себя бурку, башлыкъ, пашку и винтовку и передалъ по обычаю, въ руки молодому парню, а тотъ поставилъ оружіе въ уголъ сакли, а бурку и башлыкъ повѣсилъ на деревянный гвоздь.

„Вотъ моя дочь — невѣста!“ — продолжаетъ та же, уже не молодая женщина, — и показываетъ рукою на совсѣмъ молодую и полную дѣвушку, въ красномъ канаусовомъ бешметѣ, съ серебряными запонками, подпоясанную широкимъ серебрянымъ поясомъ, въ желтыхъ канаусовыхъ же шальварахъ и красныхъ гевякахъ. На шеѣ у нея не абазы, а много золотыхъ, разной величины, монетъ, да такихъ, какихъ я никогда не видѣлъ.

Я поздравилъ мать и дочь и пожелалъ послѣдней счастья. „И тебя, Садула, также можно поздравить и пожелать благополучія съ первой будущей женою: и ты засваталъ дочь Темира“. — А вы откуда это знаете? спросилъ я удивленный. „Мы?.. мы все знаемъ раньше всѣхъ... мы знаемъ все, что дѣлается на свѣтѣ“, — говоритъ мать невѣсты. Я ничего на это ей не отвѣтилъ, только подумалъ: вѣдь они — евреи, — постоянно шля-

ются по ауламъ и, по правдѣ сказать, раньше всѣхъ знаютъ, гдѣ что дѣлается. Вѣрно кто-нибудь изъ нихъ вчера былъ въ Герменчукѣ, по своимъ торговымъ дѣламъ и слышалъ обо мнѣ и моемъ сватовствѣ: наши же чеченцы, извѣстно, народъ слабый на языкъ; услышать что и тотчасъ встрѣчному и поперечному передадутъ.

Я принялъ ихъ за чеченскихъ евреевъ еще потому, что всѣ они, какъ и наши евреи, небольшого роста, сухощавые, лицомъ желтые и съ носами крючкомъ; только ужъ взглядъ у нихъ очень кошачій, глаза такъ и свѣтятся, такъ и бѣгаютъ! Притомъ, всѣ хорошо одѣты: женщины въ канаусѣ, съ монетами на шеѣ, въ красныхъ и желтыхъ гевякахъ, по тавлински съ загнутыми носками вверхъ; мужчины при пистолетахъ и кинжалахъ въ серебрѣ, въ хорошихъ чухахъ и папахъ. Не какъ наши джигиты, нарочно одѣтые въ старую, порванную одежду—чтобъ съ виду казаться страшнѣе.

Наконецъ, мать невѣсты говоритъ: „Садула! ты голоденъ, подкрѣпись съ дороги, выпей и закуси“. Взяли меня за руку и повели къ столу у стѣнки. Столъ такой же, какъ у насъ, на низкихъ ножкахъ; на столѣ чуреки, кругъ горскаго сыру, двѣ большихъ стеклянныхъ бутылки и двѣ чарки, въ одной бутылкѣ будто рака, въ другой, будто, чихирь. Къ столу прикрѣплено нѣсколько тонкихъ свѣчекъ изъ желтаго воска.

— Евреи, — думаю, — непременно евреи: пьютъ чихирь, и свѣчекъ у нихъ горитъ много... „Выпей же и закуси безъ церемоній“, — повторяетъ.

— Благодарствую: я не голоденъ и ѣсть не хочу, ничего, — говорю ей неправду, хотя охотно и выпилъ, закусилъ бы, если-бъ предлагали не евреи: наши отъ евреевъ не принимаютъ угощенія, — развѣ въ особыхъ какихъ случаяхъ.

— „Если не хочешь, силою не стану приневоливать! Ну, такъ покрайней мѣрѣ, сыграй и спой намъ, ты на

балалайкѣ хорошо играешь, и голосъ у тебя такой хорошій!“ — говоритъ все та же женщина.

— Это можно, это съ моимъ удовольствіемъ, хотя я неособенный мастеръ въ этомъ дѣлѣ, — отвѣчаю и беру въ руки поданную мнѣ старикомъ, съ козлиной бородой, балалайку. Балалайка, смотрю, хорошая, трехструнная и выкрашенная.

Ударилъ я по струнамъ и запѣлъ про то: какъ разъ наша партія, въ которой былъ и я, напала врасплохъ на станицу за Терекомъ; какъ мы разорили ту станицу, взяли въ добычу много добра и плѣнныхъ; какъ на мою долю пришлись — кусокъ бѣлаго полотна, хорошій коверъ и молодая казачка, какъ по тревогѣ на линіи, казаки бросились за нами въ погоню, и какъ при этомъ плохо досталось нашимъ, у кого кони были не очень быстры; какъ потеряли они добычу и съ нею свои головы, какъ быстрый и сильный конь мой — конь сѣрый, кабардинскій, — принесъ меня съ добычей домой, гдѣ я отдалъ коверъ и полотно матери; а казачку оставилъ себѣ: какъ ее полюбилъ я, и какъ мать моя за то кляла меня, а ее хотѣла зарѣзать кинжаломъ, какъ я казачку ту червленскую, не хотѣвшую принять нашу вѣру, продалъ далеко въ горы, за двѣ коровы и девять овецъ, и какъ послѣ жалѣлъ о томъ.

— „Ахъ какъ же ты поешь и играешь! и пѣсня какая хорошая!.. такихъ у насъ нѣтъ, и никто не умѣетъ пѣть такъ жалостно. Спой и сыграй еще что-нибудь!“ — обступили меня и просятъ.

Опять ударилъ я по струнамъ и запѣлъ: какъ насъ четверо джигитовъ отправились разъ ночью за Терекъ и отбили у табунщиковъ табунъ лошадей; казаки съ ближняго поста поскакали на перерѣзъ намъ къ переправѣ, отбили назадъ табунъ и убили одного нашего, а меня ранили; какъ меня и остальныхъ джигитовъ спасли только наши кони быстрые; какъ сѣрый мой конь, ска-

кунъ кабардинскій, заболѣлъ съ перегона, а можетъ съ глаза, — и когда вздохъ, какъ я печалился по томъ дорогомъ конѣ — больше и дольше, чѣмъ по молодой казачкѣ!..

— „И это, и это очень хорошая пѣсня, и спѣлъ ты ее такъ, что за душу хватаетъ! пожалуйста, сыграй и спой еще“, — снова просятъ.

— Нѣтъ, — говорю — не могу: пальцы болятъ; въ Герменчукѣ много игралъ и натеръ пузыри о струны. Говоря это отдаю старику его балалайку, онъ протянулъ за ней руку. Смотрю у него на пальцахъ, вмѣсто ногтей когти; да такіе большіе, какъ у барса!.. Что за диво? думаю: — а можетъ такимъ уродился человѣкъ? мало ли рождается на свѣтѣ разныхъ калѣкъ за грѣхи отца и матери!..

— Если не можешь играть, „то спой безъ балалайки, — спой одну только пѣсню“, — говорятъ.

— Одна пѣсня безъ балалайки или зурны ничего не стоитъ, — отвѣчаю.

— „Ну, такъ протанцуй лезгинку“, говорятъ: — мы знаемъ, что ты джигитъ и въ танцахъ“.

— Джигитъ не джигитъ я въ нихъ, но не послѣдній танцоръ въ нашемъ аулѣ. — „Танцуй съ нашей невѣстой — моей дочкой“, — говоритъ ея мать.

— Это можно, — извольте, танцовать буду, — отвѣчаю.

Вотъ сталъ я посрединѣ сакли; противъ меня невѣста, старикъ ударилъ по балалайкѣ своими когтями — и пошла лезгинка; — не та, что танцуютъ на линіи русскіе, а лезгинка бѣшеная, сумасшедшая — съ кинжаломъ въ зубахъ, съ пистолетомъ въ рукѣ. Я ловко танцовалъ, а она еще ловчѣе: какъ по вѣтру носилась, чуть дотрагиваясь пальцами ногъ до земли; то, какъ по водѣ чайка, плыла; одну руку держать у головы, другою манить къ себѣ; то подскочить близко, то отскочить назадъ, моргнетъ и снова поманить рукою; а глазами такъ

и стрѣляетъ, такъ и палитъ, какъ огнемъ... такихъ ловкихъ и ужъ очень смѣлыхъ танцорокъ я нигдѣ не встрѣчалъ!.. Вся компанія обступила насъ кругомъ, бьетъ въ ладоши и оретъ: „ай джигитъ Садула, сау *) декенду, духо декенду, Садула“!..

Забылъ я все, — забылъ, что пора ѣхать, забылъ и про коня моего. Вдругъ дѣвка подскочила близко, схватила обѣими руками за мои плечи, подпрыгнула къ лицу и — чмокъ меня въ губы... Я почувствовалъ боль въ плечахъ, какъ отъ укола иголки. И стало мнѣ досадно и, будто стыдно: потому что она нечистая — она еврейка. А компанія, между тѣмъ, хохочетъ и оретъ: „браво дѣвка! декенду! **) обожгла Садула! въ губы обожгла“!..

— Постой-же, проклятая — думаю, — отплачу я тебѣ: отобью пулей закрученный кверху носокъ твоего чевяка. Выхватилъ я изъ-за пояса пистолетъ, держу его стволомъ къ землѣ, а самъ все танцую, да поглядываю ей на руки: нѣтъ ли у нея въ рукахъ чего остраго. Вотъ она, шайтанка, снова моргаетъ и манитъ меня рукой. Когда смотрю — выпустила изъ пальцевъ когти... Валлахъ! — думаю: — да что-же это такое?... приглядываюсь къ рукамъ другихъ — и у тѣхъ, какъ у звѣря, вмѣсто ногтей, выглядываютъ когти!... — Э! думаю: это не горскіе евреи... это не люди!... Здѣсь вспомнилъ я рассказы старыхъ людей — и страхъ нашелъ на меня, — страхъ такой, что морозъ пошелъ по спинѣ, и зубы стучать. Но самъ виду не подаю, что сробѣлъ, и все танцую; а балалайщикъ все шибче и шибче бренчить; такъ что потъ съ меня льется, и стѣны сакли дрожатъ, а пыль отъ земляного пола стоитъ какъ по дорогѣ въ сушь.

Наконецъ, — думаю, — до какихъ же это поръ я буду потѣшать ихъ, проклятыхъ?... Пропоютъ пѣтухи полночь —

*) Отлично, превосходно.

**) Хорошо.

разорвутъ они меня когтями своими, а то и живымъ утащатъ въ тартары. Нѣтъ-же! — думаю: — прежде, чѣмъ это будетъ, попробую я напередъ за душу свою уложить хоть одного; это будетъ по нашему обычаю. А самъ, тѣмъ временемъ, обратился къ Богу съ молитвою и шепчу про себя: Аллахъ Великій, Всемогущій, милостивый! не дай мою душу на гибель и поруганіе врагу Твоему! Спаси и защити меня, раба Твоего грѣшнаго! И только я это прошепталъ — взвелъ курокъ и трахнулъ изъ пистолета, — не подъ ноги танцоркѣ, какъ дѣлаютъ это наши въ танцахъ, а прямо ей въ животъ.

Вытянулся и стою, какъ столбъ; закрылъ глаза и жду что будетъ... какъ вдругъ почувствовалъ холодъ: вѣтеръ откуда-то разомъ пахнулъ на меня. Открываю глаза: — нѣтъ ничего и никого; ни сакли, ни танцорки, ни балалайщика, ни компаніи!... Стою я на пожарищѣ давно спаленной сакли; а тамъ, гдѣ былъ передній ея уголъ, лежитъ на землѣ моя бурка, на ней башлыкъ — и тамъ же мое оружіе.

Повелъ я кругомъ глазами — смотрю: вблизи лѣсъ, вѣтеръ гудитъ по лѣсу, дождя нѣтъ, и небо прояснилось; а рогатистый красный мѣсяцъ высоко поднялся, и выйдя изъ-за порванныхъ вѣтромъ тучъ, смотритъ на поляну и лѣсъ кругомъ.

Пришедши въ себя и видя гдѣ я, прежде всего я кинулся къ оружію; надѣлъ его на себя, схватилъ бурку, башлыкъ — да къ коню. А онъ сердечный, привязанный къ столбу, храпитъ и топчется. Видно и его напугали шайтаны, а можетъ, звѣрь. Отвязалъ я его отъ столба, закинулъ поводья и, вскочивъ на сѣдло, далъ ему волю бѣжать; куда хочетъ, — лишь бы скорѣе да по дальше отъ проклятаго, нечистаго мѣста.

Черезъ часъ времени, а можетъ меньше, вынесъ онъ меня на большущую, широкую поляну и дорогу. Валлахъ! не знаю мѣста — гдѣ я хотя зналъ всѣ мѣста въ

Малой Чечнѣ, какъ свои пять пальцевъ. Вотъ слышу — вправо отъ меня скрипятъ арбы; взялъ я дорогу туда; встрѣчаю три воловыхъ арбы; съ кукурузой въ мѣшкахъ на нихъ три чеченца, при оружїи. Поздоровался и спрашиваю — куда дорога въ аулъ Садулы? „Э, вернись, джигить назадъ!“ — говорятъ: „какъ проѣдешь — такъ съ четверть часа времени — по этой самой дорогѣ, пойдетъ отъ нея вправо, въ лѣсъ дорога другая, по ней поѣзжай, тамъ не далеко и аулъ Садулы“. Тутъ только я смѣкнулъ — гдѣ я: — я былъ на Гехинской полянѣ. „А ты самъ откуда, что не знаешь дороги въ аулъ Садулы?“ — Я изъ Большой Чечни; ѣду отъ наїба съ приказаніемъ къ старшинѣ Садулѣ, да сбился съ дороги и заблудился въ лѣсу, — нарочно такъ отвѣчаю, не знаю что за люди. Этотъ самый Садула, которому я прихожусь двоюроднымъ братомъ, былъ тогда старшимъ въ нашемъ аулѣ. Теперь онъ самъ наїбъ Шамиля.

— А скоро ли будетъ день: — спрашиваю, — должно быть скоро: съ часъ времени назадъ, какъ вторые пѣтухи пропѣли“, — отвѣчаютъ. — Вотъ, подумалъ я, почему исчезла, провалилась въ тартаръ шайтанская свадьба, не отъ выстрѣла моего изъ пистоля, а отъ крика пѣтуховъ. Правду старые люди говорятъ, что Аллахъ далъ эту птицу человѣку больше для того, чтобъ она крикомъ своимъ пугала шайтановъ, когда они ночью выползутъ изъ тартара загулять на Божьей землѣ.

Поблагодарилъ я за указаніе дороги арабщиковъ и поскакалъ по дорогѣ назадъ. Съ восходомъ солнца я былъ дома. Нѣсколько дней я проболѣлъ, и нашъ горскій докторъ давалъ мнѣ пить нашептannую воду и умывать ею-же лицо и плечи: на плечахъ у меня были знаки — какъ отъ укола — когтями кошки. Черезъ недѣлю я выздоровѣлъ, а дней черезъ десять поѣхалъ въ Герменчукъ.

Садула разсказъ свой кончилъ. Подъ впечатлѣніемъ этого простого безыскусственнаго, но живого разсказа, ка-

залось невымышленно вылитаго изъ души серьезнаго горца, мы слушатели были погружены въ глубокое молчаніе. Наконецъ прапорщикъ Сѣнинъ первый прервалъ его, воскликнулъ въ полголоса, какъ бы про себя: „да, другъ Гораціо! есть много на свѣтѣ вещей, о которыхъ нашимъ мудрецамъ и не снилось“.

— А я скажу другу Гораціо,—не безъ ироніи замѣтилъ докторъ, что вещи, подобныя тѣмъ, о которыхъ сейчасъ рассказывалъ господинъ Садула, самыя обыкновенныя, самыя простыя на свѣтѣ!.. Медицинская наука, сдѣлавшая въ послѣднее время гигантскіе шаги впередъ, положительно, точно опредѣлила причину ихъ, и назвала всѣ эти явленія маніей, галлюцинаціей. Причинъ этихъ явленій,—причинъ кроющихся въ организмѣ подверженныхъ имъ субъектовъ,—много. Главнѣйшія изъ нихъ—это сильное возбужденіе или разстройство нашихъ нервовъ, вслѣдствіе или чрезмѣрнаго умственнаго напряженія, или моральнаго настроенія, потрясенія. А чаще всего вслѣдствіе не нормальнаго отправленія функцій желудка, когда недугъ, такъ сказать, не замѣтнымъ для субъекта подходитъ, вселяется въ его организмъ. Это бываетъ, по большей части, въ случаяхъ излишняго употребленія алкогольных напитковъ. Господинъ-же Садула, предъ бывшимъ ему явленіемъ, вѣроятно, угощался въ аулѣ Герменчукъ. А это ихъ горская рака, выдѣлываемая первобытнымъ способомъ изъ проса, чрезвычайно сильно и вредно дѣйствуетъ на организмъ, въ особенности на головной мозгъ, достаточно двухъ—трехъ чарокъ, чтобъ въ головѣ человека, не постоянно употребляющаго раку явились чертики. Что же касается до послѣднихъ, дѣйствительныхъ, осязаемыхъ, ихъ нѣтъ и никогда не было, выдуманы, съ извѣстной цѣлью, воображеніемъ поэтовъ и досужими языками пребывающихъ въ грубомъ невѣжествѣ старухъ и стариковъ, съ цѣлью пугать плачущихъ ребятъ.

При послѣднихъ словахъ доктора, Садула положилъ руку на рукоятку кинжала и метнулъ на него такими глазами: что тотъ свои опустилъ долу и замолчалъ не окончивъ диссертациі.

Здѣсь возразилъ за кунака своего капитанъ.—„Вы говорите докторъ,—сказалъ онъ,—что все, что видѣлъ Садула, есть не болѣе какъ галлюцинація, вслѣдствіе нѣсколькихъ чарокъ раки, или зародившагося еще прежде болѣзненнаго состоянія. Я не совсѣмъ съ вами согласенъ; во первыхъ, потому что на вѣку своемъ самъ лично видалъ кое какія виды, не страдая разстройствомъ нервовъ, бывъ совершенно здоровымъ и не пьянымъ,—виды которые уму не постижимы—и не такому, какимъ Господь надѣлилъ меня. Во вторыхъ еще и потому, что свято вѣрю нашему Евангелію словамъ же Его истинные христіане должны вѣрить буквально. Въ одномъ мѣстѣ Его сказано прямо: „Сей родъ изгоняется постомъ и молитвою“. Эти слова Спасителя, обращенныя къ апостоламъ, послѣ того какъ Онъ изгналъ изъ бѣсноватаго легіонъ бѣсовъ, повелѣвъ имъ войти въ свиное стадо. Вотъ почему думаю, чертовская свадьба, на которую случайно попалъ Садула, въ мгновеніе ока исчезла, лишь только онъ обратился съ молитвою къ Богу; а Богъ у всѣхъ—христіанъ и могометанъ одинъ и тотъ-же. А что касается до науки, на которую вы ссылаетесь, то скажу вамъ откровенно: я не вѣрю въ безошибочность выводовъ ни одной изъ нихъ исключая, развѣ математики, но подобные предметы, жаль, не подлежатъ ея рѣшеніямъ. Ваша же медицина со временъ Гиппократы не перестаетъ блуждать въ потемкахъ; и вы, господа эскулапы, дѣйствуя по указаніямъ ея, часто не въ состояніи опредѣлить и не сложную болѣзнь вашихъ паціентовъ.

А теперь, господа, пора окончить наши философскія разсужденія: они ничего намъ простымъ смертнымъ не разъясняютъ по поводу разныхъ видѣній, бывавшихъ во

всѣ времена, о чемъ говорятъ житія многихъ святыхъ и даже историческія лѣтописи. Лучше покончимъ съ нашимъ застывшимъ кахетинскимъ—да и на боковую. Кстати вы докторъ, и вы подпоручикъ, послѣ вашего удиранія во всю конскую прыть и испытанныхъ тревоженій, нуждаетесь, полагаю, больше всѣхъ въ отдыхѣ.

Допивъ наши стаканы, всѣ мы пожелали покойной ночи хлѣбосольному хозяину и отправились на покой, кто-куда. Штабсъ-капитанъ Завирскій и прапорщикъ Садула въ свой аулъ, за валомъ укрѣпленія; а я и докторъ—въ отведенную намъ комнату, въ томъ же флигелѣ.

Долго не могъ уснуть я, послѣ пережитыхъ мною тревожныхъ ощущеній, въ тотъ памятный мнѣ день. Мысли мои бродили, то подлѣ балки, гдѣ угрожала мнѣ опасность, то переносили меня въ лѣсъ, въ одинокую саклю, гдѣ Садула, въ глухую ночную пору, танцевалъ на бѣсовской свадьбѣ; то я взвѣшивалъ сужденія капитана и доктора,—и признаюсь склонялся на сторону сужденій послѣдняго. Но ровно черезъ девять лѣтъ послѣ того, я вспомнилъ рассказъ Садулы и пересталъ считать его фантастическимъ, ибо то, что я, будучи не больнымъ и съ воображеніемъ не разстроеннымъ, видѣлъ чувствовалъ и осязалъ—и не одинъ разъ, а въ продолженіи цѣлаго ряда ночей, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, способно было свести съ ума! И можетъ быть, что-либо похожее съ мною и приключилось, если-бъ я долѣе оставался на проклятой, но удобной въ другихъ отношеніяхъ, квартирѣ... Но исторія объ этомъ также долга, а оконченный мною рассказъ скороталъ вечеръ; а потому, позвольте пожелать вамъ покойной ночи.

Потоки, 6 ноября 1888 г.

Изъ Владикавказа, 12-го іюля.

(КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ „РУС. ИВВ.“).

29-го прошлаго іюня, въ день апостоловъ Петра и Павла, 77-й пѣхотный Тенгинскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Александровича полкъ праздновалъ свой полковой праздникъ, со дня учрежденія, въ сто-семидесятый разъ.

Въ половинѣ обѣда начались заздравные тосты. Послѣ тостовъ за здоровье Государя Императора, за здоровье Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей — Августѣйшаго Шефа полка и Главнокомандующаго кавказскою арміею, а также за здоровье старѣйшихъ кавказскихъ полковъ: лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго Его Величества и Кабардинскаго фельдмаршала князя Барятинскаго, когда уже умолкло нѣсколько разъ прогремѣвшее „ура“, начальникъ 20-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ Гейманъ, перечисливъ боевыя заслуги Тенгинскаго полка, провозгласилъ тостъ въ вѣчную память рядового этого полка, Архипа Осипова, „погибшаго во славу русскаго оружія въ Михайловскомъ укрѣпленіи, въ 1840 году“.

Нечего и говорить, что этотъ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ тостъ, произвелъ электрическое дѣйствіе: всѣ присутствовавшіе на обѣдѣ, между которыми было немало гостей, не принадлежащихъ къ военному сословію, откликнулись на него съ величайшимъ энтузіазмомъ. Затѣмъ, когда затихло „ура“, генералъ, обращаясь къ присутствовавшему, сказалъ: „Господа, высоко чтя геройскій подвигъ Архипа Осипова, я имѣю мысль просить

ходатайства Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго кавказскою арміею, о Высочайшемъ соизволеніи на открытіе подписки для памятника этому рядовому“.

Къ прекрасной мысли начальника 20-й дивизіи, присутствовавшее общество отнеслось съ самымъ теплымъ сочувствіемъ и тутъ же заявило о желаніи подписаться на памятникъ. Въ нѣсколько минутъ листъ покрылся подписями, составившими довольно крупную цифру. Генераль, отъ души поблагодаривъ всѣхъ за общее сочувствіе, выразилъ надежду, что, при помощи Божіей, высказанная имъ мысль осуществится, особенно когда послѣдуетъ Высочайшее разрѣшеніе на подписку.

Во время обѣда, отъ имени полка, были посланы телеграммы: Августѣйшему Шефу полка и полкамъ: Эриванскому и Кабардинскому, Полки отвѣтили выраженіями чувствъ признательности за память о нихъ „старога Тенгинскаго полка“; а 2-го іюля телеграфъ принесъ изъ Тобольска, на имя командира полка, полковника Муравьева, слѣдующую телеграмму: „Великій князь сердечно благодаритъ и поздравляетъ васъ и полкъ. Морское путешествіе окончено, и сухопутное, по милости Божіей, продолжается благополучно“.

Затѣмъ, послѣ обѣда, было предоставлено слово маіору Тенгинскаго полка, Бѣлевичу. Говорившій развивалъ мысль, что если Франція поставила памятникъ своему „первому гренадеру“, также вызываемому при переключкахъ изъ рядовъ полка, за то, что онъ, служа примѣромъ мужества, палъ во главѣ своей роты, заколотый вражескою пикою, то нашъ Архипъ Осиповъ несомнѣнно заслужилъ право на подобную же признательность: онъ добровольно обрекъ себя на славную смерть для спасенія чести русскаго оружія, прося лишь объ одномъ, — „помнить его дѣло“; отъ сооруженія ему памятника, только не посреди пустыннаго захолустья, не на мусорѣ разру-

шеннаго взрывомъ укрѣпленія, но въ сердцѣ Россіи, въ центрѣ русской мысли, въ Москвѣ, много выигралъ бы духъ нашихъ молодыхъ солдатъ, которымъ, въ большинствѣ, подвигъ самоотверженія Осипова неизвѣстенъ; за высказанную объ этомъ впервые публично мысль всѣ, кому дороги геройскіе подвиги нашихъ солдатъ, должны быть благодарны генералу Гейману; и, наконецъ, что было бы справедливо памятникъ поставить вмѣстѣ рядовому Осипову и храброму начальнику Михайловскаго гарнизона, штабсъ-капитану Лико, вызвавшему Осипова на подвигъ и павшему при защитѣ валовъ, такой памятникъ, изъ группы двухъ фигуръ, въ позахъ, отвѣчающихъ дѣйствию живыхъ лицъ въ минуту передъ гибелью укрѣпленія, олицетворялъ бы собою идею высокаго самоотверженія и непоколебимой вѣрности своему долгу нашей славной арміи.

Эти глубоко прочувствованныя слова вызвали со стороны слушателей сочувственные отголоски.

Петербургъ 22 мая 1875 года.

Простите меня Любезный и Многоуважаемый Бѣлевичъ, что такъ долго не отвѣчалъ на Ваше письмо, право не столько я въ этомъ виноватъ, сколько противный Петербургъ, въ которомъ на все есть довольно времени, кромѣ дѣла. Весь апрѣль жена была нездорова, а съ мая начались смотры и ученья. Теперь я очень радъ, что могу вамъ сообщить, что Гр. Гейденъ обѣщалъ мнѣ постараться доставить Вамъ мѣсто Уѣзд. Военскаго Начальника въ одномъ изъ округовъ которые Вы избрали. Подписка на памятникъ Архипу Осипову объявлена официально, — я же съ своей стороны какъ бывший Командиръ Тенгинскаго полка намѣренъ открыть частную на что уже испросилъ разрѣшеніе Шефа. Прошу Васъ засвидѣтельствовать мое глубокое почтеніе супругѣ Вашей

и вѣрить искреннему и душевному расположенію стараго Командира а нынѣ Вашего покорнаго Слуги. Кн. Святополкъ-Мирскій.

Ваше Пр—во, Милостивый Госудъ, •Василій Александровичъ. Предсказаніе мое Вамъ въ кабинетѣ Вашемъ 15 января прошлаго года, сбылось: всѣ, кому дороги геройскіе подвиги нашихъ храбрыхъ солдатъ, Вамъ благодарны, всѣ въ комъ бьется сердце любовью къ славному родному съ чувствомъ національной гордости приняи извѣстіе о Высочайшемъ соизволеніи Государя Императора на открытіе подписки для памятника Штабсъ-Капитану Лико и рядовому Архипу Осипову. Въ Тифлисѣ при первой вѣсти объ этомъ, показана была публикѣ въ саду кружка живая картина, изображающая подвигъ Архипа Осипова. Помимо главной подписки на памятникъ открытый при штабѣ ввѣренной Вамъ дивизіи, открыты подписки частныя. Генералъ-адъютантъ Кн. Ник. Ив. Святополкъ-Мирскій, бывшій отецъ Командиръ Тенгинскаго полка при которомъ этотъ полкъ стоялъ на подобающей ему высотѣ, движимый патріотическимъ чувствомъ испросилъ позволеніе открыть у себя также частную подписку. Въ военныхъ кружкахъ въ Тифлисѣ, подобно Вамъ два года назадъ, провозглашали тосты въ вѣчную память „погибшихъ героевъ во славу русскаго оружія въ Михайловскомъ укрѣпленіи“, и пили за Ваше здоровье. Изъ Тифлиса и другихъ, вѣроятно, городовъ Вамъ были посланы телеграммы съ поздравленіями. Нынѣ же, двухлѣтнюю годовщину заявленія Вами публично, на полковомъ праздникѣ тенгинцевъ, мысли о памятникѣ, позвольте принести Вашему Пр—ву поздравленіе и мнѣ которому выпалъ на долю отраднѣй по результату трудъ—развить Вашу патріотическую мысль, принести поздравленіе съ счастливымъ разрѣшеніемъ поднятаго Вами во-

проса, на увѣковѣченіе достойнымъ образомъ высокой воинской доблести которая отнынѣ сдѣлается извѣстной всѣмъ русскимъ людямъ и воодушевляющей русское воинство на вѣчныя времена. Съ истиннымъ уваженіемъ и совершенной преданностію имѣю честь быть Вашего П—ва покорнѣйшимъ слугою Маіоръ К. Бѣлевичъ. 23 іюня 1875 г. ур. Лагодехи.

Въ Штабъ 20-й пѣхотной дивизіи Рапортъ.

Въ день полкового праздника Тенгинскаго полка 29 іюня 1873 года мною было подписано на памятникъ рядовому Архипу Осипову 20 руб. Такъ какъ деньги эти изъ жалованья моего Тенгинскимъ полкомъ не были удержаны, а подлинный подписной листъ, по личному приказанію мнѣ Генераль-Лейтенанта Геймана былъ мною взятъ у полковаго казначея, Капитана Маплошевскаго и врученъ его Пр—ву, то подписанные деньги, двадцать руб., представляя при этомъ въ Штабъ 20 пѣх. дивизіи, при которомъ открыта главная подписка на памятникъ, прошу: подписанные мною деньги въ подписномъ листѣ отмѣтить внесенными, о полученіи ихъ не оставить меня увѣдомленіемъ. 23 іюня 1875 г. ур. Лагодехи.

С.-Петербургъ, 28 Апрѣля 1876 года.

Письмо ваше отъ 9 Марта я получилъ давно, но не хотѣлъ Вамъ отвѣчать не поговоривши съ Гр. Гейденомъ, а между тѣмъ и говорить о дѣлѣ не всегда удобно, въ особенности когда желаешь, чтобы дѣло удалось и не прошло, какъ говорится изъ одного уха черезъ другое. Третьяго дня у меня былъ гр. Гейденъ, и я ему напомнилъ о Вашемъ дѣлѣ и передалъ лично записку для памяти, авось Богъ дастъ, что-нибудь и устроится. Съ Вашими критическими взглядами о надписяхъ на памят-

никѣ я совершенно согласенъ. Совѣтую Вамъ самую краткую о семъ записку на память передать брату моему, передавъ на словахъ, что на сіе рѣшились по моему внушенію, какъ стараго Командира. Въ началѣ Мая ѣду на одинъ мѣсяцъ за границу, но въ лагерь буду, куда и можете мнѣ писать, адресуя впрочемъ по прежнему въ С.-Петербургъ, начиная съ конца Іюня. Прошу васъ передать мой низкій поклонъ супругѣ Вашей и вѣрить искренней преданности Вашего покорнаго слуги Кн. Н. Святополкъ-Мирскій.

Часть строевая. Памятная записка 77 пѣхотнаго Тенгинскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича полка 1879 года. Константинъ Павловичъ, пѣсня Ваша объ Архипѣ Осиповѣ напечатана и роздана во всѣ роты по одному экземпляру Вашъ покорный слуга Ф. Синявинъ.

Штабъ 20-й пѣхотной дивизіи по части хоз. № 580. 21 Марта 1876 года Г. Грозный. Отвѣтъ на № 4. Временному Члену Кавказскаго Окружнаго Суда Майору Бѣлевичу. Пожертвованныя Вами, по первоначальной подпискѣ во время полкового праздника 77 пѣхотнаго Тенгинскаго полка, на сооруженіе памятника Штабсъ-Капитану Лико и рядовому Архипу Осипову деньги двадцать рублей получены и вмѣстѣ съ симъ отправлены къ Командиру названнаго полка. Начальникъ Штаба, полковникъ Синицинъ. Старшій адъютантъ Капитанъ Новицкій.

Пятигорскъ. Отставному подполковнику Бѣлевичу. Дѣло Ваше не умерло, сегодня была первая панихида черезъ 40 лѣтъ объ Архипѣ Осиповѣ на поминкахъ вспоминали Васъ и пьемъ за ваше здравье. Тенгинцы.

Милостивый государь,

Константинъ Павловичъ!

Извините великодушно, что я такъ долго не отвѣчалъ на Ваше любезное письмо отъ 29 Іюля, я теперь остался безъ Ивана Игнат., который въ отпуску; есть много работы, да и Вамъ годъ не рѣшался отвѣчать, но не вините, это отчасти было поводомъ моей неаккуратности.

Искренно Вамъ благодаренъ за поздравленіе, съ осуществленіемъ мысли о возведеніи памятника Лико и Осипову, первая мысль этого дѣла принадлежитъ Вамъ, а я только воспользовался дать дѣлу ходъ и плоды мои достигли, умѣлъ настоять. не менѣе этого, въ такомъ дорогомъ для cadaго русскаго воина дѣлѣ, мы всѣ равны, кто горячо сочувствуетъ дѣлу, но къ сожалѣнію нельзя это сказать о всѣхъ. Кромѣ подписки составленной два года тому назадъ на полковомъ праздникѣ Тен. п.: изъ Кавказской арміи прислали только изъ Тифлиса саперы около 40 р. и Владикавказскій пѣх. п. 80 р.. такъ что кромѣ войска никто ничего, однако, сумма уже собралась около 3 тысячъ руб. Шефъ пожаловалъ 500 руб. К. Н. И. Мирскому писалъ, но не получилъ отвѣта, Бажанову тоже, потомъ я его видѣлъ и онъ обѣщалъ въ Москвѣ похлопотать. Пока не будетъ 10 т. р. думаю не приступать къ дѣлу и еще не рѣшилъ, какую идею вырѣзать въ памятникѣ, думаю что надо будетъ опубликовать въ Петербургѣ это дѣло въ Штабѣ, главное, собрать побольше денегъ, чтобы было возможно сдѣлать что-нибудь порядочное. Теперь я занятъ также перестроеніемъ новой дивизионной походной церкви, а надписи фамилій всѣхъ убитыхъ офицеровъ, это уже заказано въ Петербургѣ и къ зимѣ надѣюсь будетъ готово, въ этомъ дѣлѣ примимають участіе всѣ полки дивизіи.

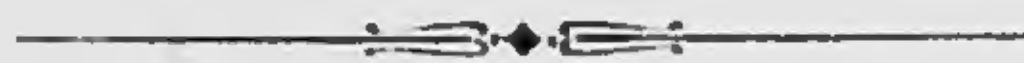
Тенгинцы послѣ 27 Марта вполнѣ перебравшись въ Грозную, и начинаютъ уже устраиваться, конечно это совершилось не безъ потери и здоровья, но какъ ничего не подѣлаешь противъ настояній Начальства, то это по-неволѣ надо кое-какъ устраиваться и, конечно, потомъ попривыкнуть, тѣмъ болѣе, что Грозненскіе жители выказали полное вниманіе полку, дѣлаютъ все, что возможно. Теперь хлопочутъ о томъ, чтобы весь полкъ ушелъ въ лагерь. Безъ сомнѣнія для обывателей это чистый расчетъ да и торговля разовьется лучше. Я также перебираюсь въ Грозную послѣ лагернаго сбора, къ тому времени будетъ и квартира, мнѣ теперь негдѣ.

Желѣзная дорога уже дошла до Владикавказа и Великій Князь 28 Іюня по ней прибылъ, но относительно открытія пассажирскаго движенія 10 или 12 онаго мѣсяца.

Желаю Вамъ полного здоровья, прошу вѣрить совершенному уваженію и преданности

В. Гейманъ.

Владикавказъ.
1 Августа 1875 г.

1938
8361

